

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ * УЗНИК РОССИИ

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ * УЗНИК РОССИИ

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ

УЗНИК РОССИИ

Юрий Дружников

УЗНИК РОССИИ: ПО СЛЕДАМ НЕИЗВЕСТНОГО ПУШКИНА

Москва, 1993

YURI DRUZHNIKOV

PRISONER OF RUSSIA

**Understanding the Other.
Pushkin**

**Moscow
1993**

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ

УЗНИК РОССИИ

По следам неизвестного
Пушкина

Москва
1993

Юрий Дружников

УЗНИК РОССИИ

По следам неизвестного Пушкина

Москва — 1993

Yuri Druzhnikov

PRISONER OF RUSSIA:

Understanding the Other Pushkin

© Ю. И. Дружников

© Московский педагогический университет

Ш03 (03)

ISBN 5-7017-00-19-4

Юрий Дружников

УЗНИК РОССИИ

Формат 60X84¹/₁₆. Объем 15 печ.л.

Печать офсетная.

Тираж 50 000 экз. Заказ № 4487.

Отпечатано в АО «ЦИТП»

125878, ГСП, Москва, А-445, ул. Смольная, 22

Оглавление

Предисловие	7
Глава первая. ПУШКИН СОБИРАЕТСЯ ЗА ГРАНИЦУ	12
Глава вторая. В ВЫЕЗДЕ ОТКАЗАНО	40
Глава третья. КУРОРТНИК ПОНЕВОЛЕ	72
Глава четвертая. КИШИНЕВ: ТРАНЗИТНЫЙ ПУНКТ	82
Глава пятая. С ГРЕКАМИ В ГРЕЦИЮ	94
Глава шестая. БЕГСТВО С ТАБОРОМ	105
Глава седьмая. НАДЕЖДА НА ВОЙНУ	112
Глава восьмая. ХЛОПОТЫ И ОТКАЗЫ	124
Глава девятая. ОДЕССА: ЗА ЧЕРТУ ПОРТО-ФРАНКО	141
Глава десятая. ПУТЯМИ КОНТРАБАНДИСТОВ	152
Глава одиннадцатая. ДЕНЬГИ ДЛЯ ВЫЕЗДА	163
Глава двенадцатая. ОТ ТУЧ ПОД ГОЛУБОЕ НЕБО	174
Глава тринадцатая. ЖАЖДА НЕЗАВИСИМОСТИ	191
Глава четырнадцатая. ЧАС ПРОЩАНИЯ	202
Примечания	222

Имя 10-го класса Александр Грибоедов
при поступлении на службу в Министерство
иностранн. дел. С.Петербург 1817 года

Имя 10-го класса Александр Горчаков
при поступлении на службу в Министерство
иностранн. дел. С.Петербург 1817 года

Имя 10-го класса Александр Пушкин
при поступлении на службу в Министерство
иностранн. дел. С.Петербург 1817 года

Имя 10-го класса Александр Пушкин
при поступлении на службу в Министерство
иностранн. дел. С.Петербург 1817 года

Имя 10-го класса Александр Пушкин
при поступлении на службу в Министерство
иностранн. дел. С.Петербург 1817 года

Имя 10-го класса Александр Пушкин
при поступлении на службу в Министерство
иностранн. дел. С.Петербург 1817 года

Имя 10-го класса Александр Пушкин
при поступлении на службу в Министерство
иностранн. дел. С.Петербург 1817 года

Читаль 10-ого класса Александр Пушкин, 1817 июня 15.

Расписка под присягой о неразглашении государственной тайны, данной при поступлении на службу в Министерство иностранных дел. Среди других на этой странице архивного документа подписи Александра Грибоедова, Вильгельма Кюхельбекера, Александра Горчакова.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы приступаем к детальному рассмотрению одного аспекта биографии и творчества А.С. Пушкина, чувствительной проблемы, которой по ряду причин почти не касалось литературоведение.

Кажется, о Пушкине - поэте, прозаике, критике, историке, журналисте, наконец, о Пушкине-человеке, - известно все. Изучены его воззрения на литературу, философию, политику, религию, экономику и даже медицину. Подсчитано, сколько раз и в каком контексте употребил он в сочинениях то или иное выражение. Зарегистрировано, сколько раз и на каком расстоянии он стрелялся на дуэлях, какой длины отращивал ногти, какие лекарства и от каких болезней принимал. С точностью до рубля подсчитаны его долги. Каталогизированы имена всех женщин, которых он удостоил своим вниманием. Изданы книги анекдотов о нем. Составлены подробные карты его путешествий и подневные хронологии его жизни от первого до последнего вздоха. Образованный человек в России знает Пушкина лучше, чем самого себя.

Вопрос, однако, в том, какого Пушкина мы знаем с детских лет. Пушкин - национальная святыня, "центральный художник", как сказал о нем И.С. Тургенев.¹ Пушкин ключевая фигура не только русской литературы, но и русской культуры вообще. Именно потому, что Пушкин оказался ключевой фигурой, в течение полутора веков власти, партии, социальные группы, в поисках исторической опоры, делали его своим единомышленником.

Пушкина использовали не только в литературных, но в политических и религиозных, групповых и личных целях. В разные времена, а иногда и одновременно, его считали философским идеалистом, индивидуалистом, русским шеллингианцем, эпикурейцем и представителем натурфилософии, истинным христианином, воинствующим атеистом, масоном, оптимистом и пессимистом. В советский период его называли дворянским, помещичьим поэтом, потом он прошел чистку, стал поэтом-революционером, декабристом, просто материалистом и даже, в соответствии с марксистской идеологией, историческим материалистом.

В какой-то мере авторы всех этих точек зрения были правы. Духовный мир Пушкина, как заметил С.Л. Франк, "многослоен".² Гений всегда энциклопедист, и элементы интереса к чему угодно можно найти, если не в изданных сочинениях, то в рукописях или пометках на книгах домашней библиотеки. Но во все времена Пушкин оставался патриотом, государственным поэтом-оптимистом, олицетворением русского духа, символом великой, единой и неделимой России.

Наука о Пушкине продвигалась в фактическом отношении, но концептуально в разные периоды оказывалась в подчинении у русской идеологии, в какие бы маски эта идеология ни рядилась. В советское время официальная пушкинистика превратилась в бюрократический аппарат, который подавлял любую неординарную мысль. Достаточно вспомнить постановления государственных и партийных органов о юбилеях Пушкина, стандартизированные биографии поэта, тенденциозно подобранные его избранные сочинения, выпущенные десятками миллионов экземпляров, и урезанные

мемуары, в которых Пушкин "соответствовал". До сих пор произведения Пушкина и, добавим, исследования многих пушкинистов остаются оскопленными цензурой. Это касается даже полных собраний сочинений поэта.

Не вина, а трагедия Пушкина, что он превращен в идола, в икону, в идеологический миф, в точку опоры пропаганды, предназначенной для массового читателя. Не вина, но беда пушкиноведения, что оно вынуждено было укрывать истину, смещать акценты, поддерживать и разрабатывать мифы. Согласно традиционному отечественному подходу, мысли поэта должны соответствовать тому, что нужно данной власти в данное время. Естественное для большинства людей, в том числе и для Пушкина, чувство родины было превращено в полезный для идеологии инструмент. Естественное желание увидеть мир - подавлено, запрещено, сделано преступлением. Великий патриот, он стал символом величия и славы России. Его склоняли к воспеванию империи при жизни, он подчинялся, но и мертвый он обязан своей жизнью и творчеством подтверждать правоту русской власти, - как ее стабильность, так и ее переменчивость.

Реальный Пушкин никогда не был за границей. Ему не дали возможности увидеть Европу, Китай, Африку, Америку, куда он стремился, насильно изолировали от живой западной культуры. Он страдал от этого и всю сознательную жизнь, находясь под наблюдением тайной полиции, рвался на Запад. Доведенный до отчаяния, незадолго до смерти поэт сам сформулировал свое отношение к родине: "...Черт догадал меня родиться в России с душою и талантом!"³

Жизнь и творчество Пушкина, находившегося всю жизнь на цепи, в состоянии имманентного трагизма, нельзя, нам кажется, ни понять, ни объяснить вне его стремления попасть на Запад. Но именно этот аспект его биографии всегда оставался в тени. Данная тема, если не считать одной дореволюционной статьи, вообще специально не изучалась, в гигантской пушкиниане на многих языках ни одной книги не появилось. В начале нашего века, в либеральное время, по-

пыткам поэта выехать за рубеж посвятил небольшое эссе М.А. Цявловский.⁴

Рассмотрению этого пушкинского феномена, или, говоря современным языком, Пушкину-отказнику и Пушкину - внутреннему эмигранту, посвящено наше исследование. Здесь рассматривается круг вопросов, связанных с попытками Пушкина выбраться за границу в период с 1817 по 1824 год, - от окончания лицея до ссылки в Михайловское.

Писать на данную тему трудно в связи с нетрадиционностью задуманного подхода, попыткой приоткрыть завесу мифа, просуществовавшего полтора столетия, и необходимостью разработки новой гипотезы биографии Пушкина. Это первая в истории пушкинистики монография, затрагивающая столь щекотливую тему. Трудности связаны не только с обилием материала, подчас противоречивого и недостоверного, который пушкиника накопила за полтора века своего существования. Отдельные факты и предположения, сопряженные с темой, мелкими крупными разбросаны по многочисленным источникам. Кроме того, углубленный анализ одной грани деятельности, взглядов, творчества писателя предопределяет некую вынужденную односторонность исследования.

Автору этой книги повезло. Студентом в пятидесятых годах он прошел пушкинские семинары у лучших пушкинистов того времени и написал первую научную работу "Цикл лицейских годовщин Пушкина". С тех пор образ поэта раздваивался в сознании на дозволенного и реального. Замысел нынешнего исследования, однако, сформировался значительно позже - лишь в начале восьмидесятых годов. Материалы собирались в Москве, когда пушкиниста, подобно Пушкину, не выпускали за границу и когда нечего было и думать о публикации, а заканчивается книга в Калифорнийском университете в Дейвисе, США.

Меньше всего хотелось бы, чтобы кто-нибудь воспринял эту работу в качестве попытки поставить под сомнение значение Пушкина, да еще в эпоху, когда, кажется, только он и остается на культурном кладбище России неразгромленным. Постигание истины, очистка исторического прошлого от

наслоений лжи не расшатывает, нам кажется, а только укрепляет подлинные культурные ценности, каковой без сомнения является Пушкин. Он гений, совершивший рывок из русской литературы средневековья в литературу современную. И вдвойне гений, потому что творил, будучи от живой европейской цивилизации искусственно изолированным, связывая Россию с этой цивилизацией. В то же время это был человек со всеми присущими ему слабостями, и, как справедливо заметил В.В. Вересаев, "скучно исследовать личность и жизнь великого человека, стоя на коленях".⁵

За дружеские советы, критическое чтение и практическую помощь во время многолетней работы над этой книгой выражаю сердечную признательность моим коллегам и друзьям в разных странах. И конечно, моя благодарность жене, дочери и сыну, терпеливо выполнявшим бесконечные машинописные, корректорские и компьютерные работы. Неизбежные в долгой работе недочеты, обнаруженные внимательным читателем, буду рад исправить.

Глава первая ПУШКИН СОБИРАЕТСЯ ЗА ГРАНИЦУ

Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель...
30 ноября 1817 (1.281)

Летним вечером 1817 года в Петербурге маститый поэт и будущий переводчик на русский язык Гомеровской "Илиады" Николай Гнедич познакомил в театральном антракте двух поэтов. Один из них, Павел Катенин, был гвардейским офицером, дослужившимся через три года до полковника, и драматургом. Другой... "Вы его знаете по таланту, - представил Гнедич Катенину другого поэта, - это лицейский Пушкин".¹ На самом деле, Пушкин уже получил чин 10-го класса - коллежского секретаря - и был зачислен на службу в Министерство иностранных дел. Гнедич, конечно, это знал, а "лицейский" означало "тот самый, который был в лицее".

По-видимому, разговор между ними пошел о продолжении знакомства, но выяснилось, что это сейчас невозможно. "Я сказал новому знакомому, - пишет в воспоминаниях Катенин, - что, к сожалению, послезавтра выступаю в поход, в Москву,

куда шли тогда первые батальоны гвардейских полков; Пушкин отвечал, что и он вскоре отъезжает в чужие края; мы пожелали друг другу счастливого пути и разошлись".²

Сомневаться в том, что Катенин запомнил слова Пушкина, не приходится. Исследователи не раз убеждались в достоверности его мемуаров. Катенин не указывает даты знакомства, но скорей всего, Пушкин сказал ему, что уезжает, 27 августа на представлении драмы Августа Коцебу "Сила клятвы", в которой играла трагическая актриса красавица Екатерина Семенова. Гнедич был ее учителем декламации, а Катенин и Пушкин были актрисой увлечены, не подозревая о соперничестве.

К нашей теме этот флирт не относится, не будем на нем задерживаться. Отметим лишь слова Пушкина, что он вскоре отъезжает в чужие края. Слова "чужие края", "чужбина", были просто синонимами слова "заграница". В те годы с ними не связывались никакие негативные оттенки.

Итак, после окончания лицея (а возможно, и еще раньше, в лицее, но об этом мы не знаем) Пушкин начал думать о поездке за границу. Исполнилось ему восемнадцать.

Мы выделяем факт, отмеченный Катениным, потому, что биографы поэта не обращали внимания на это замечание Пушкина и не упоминали о его намерении сразу после окончания учения отправиться за границу. Через 20 лет жизнь его оборвется, но за это время великий русский поэт так и не побывает ни разу за пределами империи, - факт, важность которого для него и для страны, где он жил, нам предстоит исследовать.

Голос крови был силен в Пушкине. Может быть, поэтому важно его, так сказать, иностранное происхождение. Прадед поэта Ибрагим, известный по кличке "арап Петра Великого", согласно легенде, родился на берегу реки Марерб, на границе между Хамасеном и Сараз, в Лонгоне, в северной Африке. До конца XIX века предка Пушкина считали негром, потом абиссинцем, т.е. уроженцем страны, которую ныне называют Эфиопией. Предположительно, он был сыном Абиссинского эмира или происходил из княжеского рода. Ибрагим был ребенком,

когда началась война с Турцией. Турки вывозили трофеи, ценности, рабов. В их число попал и предок будущего поэта. В то самое время мода на чернокожих слуг дошла до России.

В конце XVII века мальчик был доставлен в подарок Петру I и назван Абрамом Ганнибалом. Любопытно, что он был в Турции рабом, но оказался в России свободным человеком - не по прихоти Петра, а по закону, тогда изданному. Впоследствии за сметливость и преданность Петр сделал его генералом. Женат Абрам был первым браком на гречанке, а потом на немке или шведке Христине Шеберг, от которой у него были дети. Сын Абрама и Христины Иосиф, ставший впоследствии Осипом, был дедом Пушкина.³

Голос предков может оказаться немаловажным фактором в желании покинуть страну, где ты родился, - факт этот не рассматривался пушкинистикой. Наоборот, в определенные периоды в политической полемике подчеркивалась то чистая "русскость" Пушкина, то его "интернационализм" или "братская солидарность с другими народами", поскольку негры символизировали угнетаемых в капиталистических странах. Маяковский, имея ввиду негритянское происхождение поэта, писал: "Ведь Пушкина и сейчас не пустили бы ни в одну "порядочную" гостиницу и гостиную Нью-Йорка".⁴ Происхождение Пушкина использовалось, чтобы доказать советскому читателю, как плохо в Америке и как хорошо в СССР.

Были ли у Пушкина противоречия в религии со своим предком? Исконное христианское население Абиссинии было в свое время оттеснено семитскими племенами фалашей, ставших хозяевами страны. Они лишь "внешне" сохранили христианство, как сообщает энциклопедия Ф. Брокгауза и Ефрона. Вероятность такого происхождения Пушкина не обсуждалась в советских исследованиях.

В противоречие с традиционным представлением, волосы у Пушкина не были черными, а когда он вырос, перестали виться. Он их не стриг, и они свисали до плеч. "У меня свежий цвет лица, русые волосы", - описывал он себя по-французски в стихотворении, когда ему было пятнадцать лет (1.80). Он говорил, что хочет покрасить волосы в черный

цвет, чтобы более походить на арапа.⁵ Биограф Пушкина Петр Бартенев записал со слов родственников, что у Надежды Осиповны Ганнибал, матери Пушкина, были на теле темные пятна. Ее называли креолкой.⁶ Возможно, такие пятна свидетельствуют о нарушении пигментации кожи, а не о происхождении. Что касается прозвища, так оно означает потомков испанских колонизаторов в Африке. Надежда Осиповна была полушведкой, или, как туманно намекает советский источник, со стороны матери были "рюриковичи".⁷

Род Пушкина по отцу идет от прусского выходца Радши (Рачи), въехавшего в Россию во время княжества Александра Невского. Пушкин говорил об этом в своих записках. Когда Пушкина уже канонизировали, начали писать, что Радша не немецкого, а славянского происхождения. Имеет ли это существенное значение? Нам кажется, только для мифа. Ведь на самом деле при всем влиянии генетики главное – кем Пушкин сам себя ощущал. Он считал себя русским дворянином, это была его национальность. Вяземский, человек более космополитический, уверял его, что русскости в определенные периоды истории лучше бы стыдиться.

Тем не менее, отдельные черты характера своего прадеда Пушкин перенял, причем не лучшие его стороны. Мальчиком Абрама Ганнибала пытались выкупить, но царь его не уступил. Юношу Абрама он отпустил учиться во Францию. С восторгом, даже излишним, Пушкин описывает его заграничные похождения там, где "ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием, безумством и роскошью французов"(IV.7). Петр звал Абрама обратно, а тот учился, гулял, вступил в армию, воевал за Францию. Только промотавшись окончательно и запутавшись в любовных интригах, заявил, что готов возвратиться, если пришлют средства на дорогу, что и было сделано. Жизнь прадеда в России Пушкин не дописал, оборвав записки на полуслове.

Есть у нас подозрение, что Петр сделал Абрама генералом не случайно. Царь воевал с Турецкой империей, и не исключено, что имел виды и на Абиссинию.⁸ На этот случай у него была бы, мысля современными категориями, готовая

марионетка. Петр умер, оставив сии планы для последующих владык империи. Как бы там ни было, влияние России в Африке было ничтожным при Пушкине, но для него Африка была частью заграницы, которую он называл своей.

Социальное происхождение Пушкина теоретически дало ему определенные привилегии для поездок за границу, и это происхождение следует рассмотреть. Где точно родился Пушкин в Москве, остается неизвестным и является предметом споров вот уже полтора века, - такова хлипкость русской истории. Установлено лишь, что родился он в Немецкой слободе и что крестили его в церкви Богоявления в Елохове.⁹

Во времена Пушкина это был престижный немецкий район недалеко от центра Москвы, в которой тогда жило 300 тысяч жителей (во всей России при Петре было около тринадцати миллионов человек, а при Александре I около сорока миллионов).¹⁰ Прирост населения империи шел не столько за счет рождаемости, сколько за счет захвата новых территорий. Цивилизация проникала вовнутрь не спеша: первый водопровод, подобный древнеримскому, построили, когда Пушкину было пять лет, и воду стали возить в бочках на лошадях не из реки, а из фонтана в центре города.

Хотя отец Пушкина Сергей Львович был сыном богатого помещика, от богатств этих внуку досталось мало. Для утешения самолюбия и продвижения вверх оставалось утверждать знатность рода. Поэт говорил о шестисотлетних корнях, но над ним потешались. Среди предков Пушкина были те, кто подписали грамоту об избрании Михаила Романова на царство.¹¹ Пушкин вставлял своих предков в художественные описания русской истории. Подлинная родословная обрусевших пушкинских предков была составлена еще в конце прошлого века М. Муравьевым.¹² Выяснилось, что по отцу родословная Пушкиных даже богаче, чем предполагал поэт.

Среди его предков были знатные дипломаты и исполнители особых царских зарубежных поручений. Василий Слепец в 1495 году сопровождал княжну Елену в Литовское цар-

ство, Василий Пушкин в 1532 году ездил послом в Казанское царство, Евстафий Пушкин - к шведам, Григорий - к полякам и шведам, Степан - послом в Польшу, Алексей Пушкин был сенатором, посланником при датском дворе. Один только Матвей Пушкин в конце XVII века, сопротивляясь тому, что его детей посылали учиться за границу, вызвал ярость Петра. Родословная как бы поощряла Пушкина ступить на дипломатическую стезю.

Странно, но факт: Пушкин неохотно вспоминал первые свои годы, не любил родного дома, семьи, родителей. Ни разу поэт не упомянул отца или мать в своих стихах, хотя кого он только ни увековечил. В "Евгении Онегине", например, подробно говорится о воспитании героя, его учителях, отце, даже дяде, но ни слова о его матери. Переписка поэта с родителями тоже не сохранилась. Родимой обителью, домом он называл лицей. Перед своей смертью Пушкин не вспомнил недавно умершей матери, не попросил позвать к себе ни отца, ни брата, ни сестру.¹³

Серьезных причин отчуждения от родительского очага поначалу не было. Пушкин был толстым (тучным, по выражению сестры), неуклюжим, малоподвижным.¹⁴ Но обижали его не больше других. Воспитание его до лицейя было бессистемным. Единственное, что он знал - это французский язык и читал много - тоже по-французски.

Восемнадцатый век в России шел под немецким влиянием. В конце того века и начале девятнадцатого оно стало сменяться французским, и семья Пушкиных полностью этому поддалась. Пушкин рос среди французов, гостивших в доме родителей, и офранцузенных русских. Брат Лев Пушкин вспоминает: "Вообще воспитание его мало заключало в себе русского. Он слышал один французский язык; гувернер его был француз... библиотека его отца состояла из одних французских сочинений".¹⁵ Она была начинена, в основном, эротическими писателями XVIII века и французскими философами, - все это Пушкин читал с детства, что способствовало раннему его созреванию. Советский пушкинист Б. Томашев-

ский утверждал, что французский был вторым родным языком Пушкина.¹⁶

Сопоставим русское и французское влияние на формирование Пушкина. Читать и писать по-русски ребенок начал, когда ему было пять или шесть лет. Учила его русскому бабка М.А. Ганнибал, сама слабо владевшая русской грамотой.¹⁷ Дьякон учил Пушкина Закону Божьему по-русски, когда мальчику было десять лет. До этого и после воспитателями его были только французы, как вспоминает сестра. В семье по-русски не говорили. Пушкин учился фехтованию - и эти его учителя (Вальвиль, Гризье) русским владели плохо. Я.Грот со слов одноклассника поэта Матюшкина сообщает, что "при поступлении в лицей Пушкин довольно плохо писал по-русски".¹⁸ Добавим: и лицейских преподавателей это не заботило.

Первый известный нам автограф Пушкина писан по-французски. Первые стихи, написанные им в восемь лет, - поэма *La Toliade*. Пушкин пишет много стихов, все по-французски, и сжигает их, так как гувернантка смеется над ними. Девятилетний мальчик сочиняет комедию в духе Мольера и сам ее разыгрывает. Он изображает в лицах любимых героев французских романов. Герои эти жили в Париже, на юге Франции или в Италии. Он воспитывается на французской литературной школе, и это происходит даже тогда, когда он читает Шекспира, Скотта, Байрона, Данте, Гете, Гофмана, - потому, что их он тоже читает по-французски.

По словам брата (пожалуй, это некоторое преувеличение), к одиннадцати годам Пушкин знал всю французскую литературу. Именно через французский язык он постигал мировую культуру. "...Он был настоящим знатоком французской словесности и истории, - сообщает его сестра, - и усвоил себе тот прекрасный французский слог, которому в письмах его не могли надивиться природные французы".¹⁹

Что касается творчества, то уже писалось, что "Пушкин выступил как откровенный подражатель французской поэзии".²⁰ В литературе анализируются модели, по которым зрелый Пушкин создавал свои произведения. Типичная мо-

дель выглядит так: французское произведение - русские реалии - русское произведение Пушкина. То есть Пушкин накладывал французскую (или другую европейскую) литературную модель на русские события, создавая свое произведение.²¹ Для Пушкина европейская литература часто была более важным источником сюжетов, нежели русская действительность, по крайней мере, пока он не обратился к документам русской истории. Но и тут западные модели исторических романов лежали на его столе, облегчая ему поиски формы.

Значительная часть из уцелевших его писем написана по-французски. С семнадцатилетнего возраста он подписывается в письмах и документах Poushchine. Прожив четверть века, он сообщает Жуковскому: "Пишу по-французски, потому что язык этот деловой и мне более по перу" (X.111). Зрелым мастером он напишет по-французски Чаадаеву: "...я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего" (X.282). Именно французские просветители и писатели сделали его, выходца из полупросвещенной, полуевропейской, полуазиатской среды, Европейцем. Как большинство людей его круга, Пушкин всю жизнь прожил в окружении иностранных вещей и иностранцев. Повседневные вещи, мебель, книги, украшения, одежда, вина, - все было привезено из Европы или сделано в подражание Европе. Все, за исключением привезенного с Востока.

В жизни русскую рубаху Пушкин и надевал-то разве что ради потехи, в деревне, когда шел на ярмарку. Среди мужиков он оставался в этой рубахе своим до того момента, пока не открывал рта. Нет, не вторым, а первым и родным языком Пушкина волею обстоятельств оказался французский. Потом поэт стал двуязычным, в стихах и прозе русский язык стал главенствовать. Но - не владей Пушкин французским, возможно, не было бы великого русского писателя.

Не случайно со школьной скамьи закрепилась за ним кличка "француз". И спустя годы он сам часто называл себя Пушкин-француз.²² Кем же он был, этот, назовем его, офранцузенный русский эфиопского происхождения с дальними

примесями немецкой и шведской кровей? Конечно же, русским человеком и русским писателем, и это в данных рассуждениях существенней всего.

Вот как, однако, оправдывались в официальной пушкинистике французские корни поэта и его заимствования из западной литературы, весьма часто без ссылок и сравнения с первоисточниками (почему поколениям пушкинистов нужно было оправдывать эти заимствования, вопроса, надеемся, не возникает). "Разумеется, Пушкин не подражал Парни, а вольно варьировал заданную им тему". "Пушкин не был рожден копировщиком, точный перевод был не сроден его натуре..." И даже так: "Обращаясь к иностранным писателям, он подчинял их своим творческим задачам".²³

Родители хотели дать ему, если не европейское, то хотя бы европеизированное образование. Обсуждались два варианта: иезуитский коллеж в Санкт-Петербурге и привилегированный пансион, содержащийся католическим аббатом. Русские учебные заведения, по мнению родни, были недостаточно престижны. Но в 1811 году правительство решило открыть специальное учебное заведение для детей элиты с целью подготовки высшей чиновничьей аристократии, как это делалось в Англии и во Франции.

Миф о лицее как колыбели русской патриотической знати - особый. На практике всё в императорском лицее, от названия до содержания, заимствовалось из подобных институций, уже давно существовавших на Западе. Само слово было новым в русском лексиконе, и Пушкин обсуждал, как его писать: лицей, ликей или ликея? Современник вспоминает: "Лицей был заведение совершенно на западный лад; здесь получались иностранные журналы для воспитанников..."²⁴

Преподавателями были иностранцы и русские, но и русские профессора лицея получили образование за границей за казенный счет. Александр I подарил лицее свою юношескую библиотеку, состоявшую в основном из иностранных книг. Лицей разместили в Царском Селе, в императорском дворце, так, что он выглядел частью семейных покоев царской фамилии. Это был результат замыслов графа М.М. Сперанского,

который предлагал обучать в лицее членов высочайшей фамилии, готовя из них просвещенных государственных мужей. Таким образом, Пушкин мог бы оказаться на одной скамье с великими князьями Николаем и Михаилом Павловичами, то есть стать школьным приятелем Николая I, который был всего на три года старше.

Попасть в лицей можно было только по могучей протекции, и ее нашли. Дядя Василий Львович Пушкин, поэт со связями, повез племянника в Петербург, взяв с собой любовницу Анну Ворожейкину. Возможно, впрочем, он вез в Петербург Ворожейкину, а заодно взял племянника. До этого дядя, будучи женат, с вольноотпущенной девушкой "в Париж и прочие немецкие города ездил".²⁵ Иван Дмитриев так описывал поездку Василия Пушкина в Европу:

Друзья, сестрицы, я в Париже,
Я начал жить, а не дышать...²⁶

Для того, чтобы добиться разрешения поступить в лицей, были задействованы высшие силы, которые оказали протекцию. Среди протекторов был Александр Тургенев, тогда директор департамента духовных дел иностранных исповеданий, впоследствии очень близкий Пушкину человек. После того, как стало ясно, что члены императорской семьи в лицее учиться не будут, критерии отбора кандидатов снизились. Экзамены оказались для Пушкина пустой формальностью при хорошем французском и наличии у мальчика покровительства.

Сомнения родителей, не сделали ли они ошибку с иезуитским коллежем, вскоре отпали сами собой: два года спустя коллеж закрыли, а в 1820 году иезуитов выслали из России. Началось другое время, наступал период ужесточения. На наш взгляд, Пушкину повезло. Либерализма в педагогической концепции иезуитов было меньше. Там осуществлялась система аудиторов и внутреннего шпионства каждого за каждым. В лицее отверстий в дверях для подглядывания за учащимися не было.

Открытие лица произошло в волнующее время. Считанные месяцы отделяли страну от войны с французами, когда освободившая себя Россия сумела не только не стать жертвой, но, напротив, сама прошла через пол-Европы до Парижа. После войны общество спешило жить, восстановить и развить свои духовные силы и ценности. Азиатское смешалось с европейским: разные образы жизни, уклады, языки, обычаи, вещи, лошади, книги, люди. Смешалась кровь, ибо в русских деревнях родилось неподдающееся учету число французских детей, а в Европе – русских. И конечно, идеи.

В России складывалась интеллигенция с ее особыми стремлениями, надеждами на лучшее время. У этих надежд были основания. Выразители официального мнения печатно радовались победе русского оружия, и совсем юный Пушкин был подвержен общему пафосу.

Но были и такие, кто осознал, что победа французов в России могла стать подлинным благом. Франция не только показала, но и внесла бы в жизнь более высокую культуру, – бытовую, экономическую и духовную. Наполеон, вероятно, мог бы сделать то, на что России понадобилось еще полстолетия: отменил бы непродуктивное крепостное право и создал в России более совершенный общественный строй, как он это сделал в других завоеванных странах. В России появились бы надежды на конституцию и права человека, рожденные французской революцией, задушенные и выжившие основы цивилизованного европейского демократизма под контролем ограниченной монархии. Карл Маркс, например, тоже считал, что была бы удачей для деспотической России победа над ней более демократической Франции. Для первого марксиста Наполеон был распространителем "плодов французской революции". Быть Европе республиканской или казацкой – вот какой была альтернатива Маркса, неудобная для советской историографии.²⁷

Позже мысль о благе оккупации для России, нам кажется, проскользнула и у повзрослевшего Пушкина. В стихотворении "Наполеон" поэт писал о той роли, какую Наполеон мог сыграть для Российской империи:

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир... (II.57)

Излагая официальную реакцию на победу России, поэт далее отмечает, что Наполеон "русскому народу высокий жребий указал" (II.60), имея в виду уже лишь воинские заслуги.

Западные влияния и роль европейской ориентации лучшей части русского образованного общества обычно приуменьшаются в официальной исторической литературе. Что касается правящего аппарата в России, то он во все времена был привержен патриотизму. Исключение составлял, как ни странно, царь Александр I.

Взращенный на идеях французского просвещения, благодаря мудрым иностранным наставникам, он с готовностью осваивал аксиомы цивилизованного общества, на которых в России лежало табу. Александр Павлович женился, когда ему было 15 лет, на Баденской принцессе Луизе-Мари-Августе, названной в миропомазании Елизаветой Алексеевной. Это произошло в год, когда Екатерину всерьез встревожили ветры французской революции.

Вначале Пушкин называл Александра якобинцем (X.701), а затем самодержцем, умеющим уважать человечество и смягчившим строгость Петровских законов (VII.242). Швейцарец Лагарп, воспитатель и своего рода духовный отец царя, сохранил письма молодого великого князя Александра Павловича, в которых тот писал, что желает свободных учреждений для России и даже отмены династического наследия власти.

Лагарп говорил, что из Александра он хочет сделать Марка Аврелия, но русское окружение предпочитает, чтобы царь стал Чингиз-Ханом.²⁸ Юный Александр обещал, что он даст России свободу и конституцию западного образца, а затем отречется от трона и уйдет в частную жизнь "на берега Рейна" (т.е. в Германию). Позже он решил удалиться в Америку.²⁹ Мысль спастись в Америке овладела Александром, когда он понял, что его бабка Екатерина хочет отстра-

нить от престола своего сына и сделать царем внука. Услышав от нее об этом, Александр ответил бабушке ласковой благодарностью, но за спиной царицы говорил, что хочет уклониться от власти. Так началось его раздвоение.³⁰

Александр действительно отправился в Вену, но не в качестве эмигранта, а уже царем - подписывать жесткий акт о разделе Европы. Мы не знаем, возникало ли у него в процессе царствования желание оставить корону, скипетр и державу и эмигрировать в Америку. Но известно, что он глубоко презирал страну, которой ему приходилось управлять.

В самом деле, нет более рискованного занятия, чем управлять Россией, и даже самые ловкие деспоты готовили себе укрытие в эмиграции на случай, если придется бежать. Иван Грозный договаривался с Елизаветой I, королевой Английской, о предоставлении убежища на случай смуты, собирался жениться на англичанке. И снова договаривался о взаимном укрытии. На такую взаимность Елизавета не пошла. Но Ивану убежище обещала.

Несколько Александровских лет были, так сказать, эпохой гласности в дремучей стране. Смягчены законы, упразднена тайная полиция, дворянство дышит Европейским воздухом, получает европейское образование. Налицо почти что просвещенный абсолютизм, тот самый, за который ратовали и пострадали Радищев и Новиков, чьи имена в это время перестали быть под запретом. "Дней Александровых прекрасное начало", - вспомнит после Пушкин в "Послании к цензору" (II.113), вспомнит, когда этих дней уже не будет.

Первое сохранившееся письмо шестнадцатилетнего подростка исполнено чувства "любви и благодарности к великому монарху нашему" (X.7). Для исполнения на годовщине лица в октябре 1816 года Пушкин допишет к молитве "Боже, Царя храни" две строфы (I.270). Он искренне верит в благодеяния царя. Позже Иван Тургенев, дальний родственник братьев Тургеневых, назовет Александровскую эпоху знаменательной в развитии и России, и Пушкина.³¹

Но в то же либеральное для нарождающейся интеллигенции время Санкт-Петербург оставался столицей гигантской военной империи. Повсюду маячат казармы, на площадях гарцуют полки, военная карьера престижна, на улицах и на балах много офицеров, а южная Россия обрастает военными поселениями, окруженными могилами солдат, засеченных в назидание еще живым. Фабрики отливают пушки, ткнут паруса, за границей закупается новое военное снаряжение, в генеральном штабе отрабатываются стратегические планы - срочные и на годы вперед, дипломатическая машина ищет слабые звенья в альянсах иностранных держав.

Александр оказался лишь временным владельцем не им созданного гигантского механизма - государственной надстройки, полностью подавлявшей российское общество. Мы не располагаем данными статистики по 1813 году, но численность русских войск увеличивалась постепенно от Петра I до Первой мировой войны с 200 тысяч до 4 миллионов, то есть в 20 раз. К середине прошлого века содержание армии в России обходилось в 45-50 процентов всех расходов государства. На образование расходовался один процент.³²

Россия вела столько сражений, что переходы от мира к войне были подчас незаметны. В течение XVIII столетия страна находилась в состоянии почти непрерывной войны. Русские войска оказались в Париже.³³ Офицер и будущий декабрист Федор Глинка иронизировал по поводу переименования русских в северных французов.

Уже в наше время подсчитано, что в течение четырех столетий Россия захватывала в среднем 50 квадратных километров ежедневно. Зрелый Пушкин приводит скромное высказывание Екатерины II: "Ежели б я прожила 200 лет, то бы конечно вся Европа подвержена б была Российскому скипетру".³⁴

Веками жизненная энергия русской нации направлялась вовне - на захват чужих земель. И - в противоречие с этой исторической логикой - Наполеон напал на Россию, а не наоборот. Россия испытала прелести оккупации на себе. Но вот русская армия вернулись из Европы. Раньше поездки за

границу были привилегией сравнительно узкого круга лиц. Теперь сотни тысяч русских очутились в Европе, в таком же, но и отличном от России мире, с иными традициями, институтами, другой культурой.

Офицеры привозили домой целые библиотеки, распространяя таким образом на Руси западные духовные ценности. У многих происходило перерождение души от сопоставления того, что они узнали и с чем столкнулись, вернувшись назад. Это вело думающих людей к оппозиции.

Собираться "поговорить" становилось традицией, до того неизвестной. Нащупывались точки соприкосновения России с Западом, и их оказывалось много. Искались преимущества других религий. Находились православные, принимавшие католичество. Развивалось масонство с его заповедью служить человечеству, иметь братьев во всех концах Вселенной. И Пушкин, как многие другие, естественно тянулся к этим соблазнительным идеям.

В 1815 году произошло событие, суть которого стала понятна не сразу. После победы Россия выступила на Венском конгрессе с притязаниями на право решать судьбы других стран Европы, и Европа с этим мирно согласилась. Усилилась роль русской дипломатии на мировой арене, появилась реальная возможность устрашать других не только оружием, но и языком переговоров и тайных влияний. В каком-то плане лицей стал школой для подготовки дипломатической элиты, способной распространять русскую великодержавную идеологию в новых условиях.

Тогда же наступило похолодание в политике внутри страны. В течение последующего десятилетия развивается тайная полиция, сеть доносчиков, цензура, репрессии по отношению к инакомыслящим. Неназванной задачей деятельности правительственного аппарата стало тормозить социальный прогресс. Следует оговорить, однако, что в 1817 году эта политика еще не распространялась на прозападную ориентацию культуры и системы элитарного образования.

Французский язык царскосельского лицеиста Пушкина оказался лучше, чем у его сверстников. Но, как выяснилось

при общении с офицерами, только что вернувшимися из Франции, выученный по книгам с помощью не очень образованных гувернеров язык оказался тяжеловатым, несколько старомодным. А реальный французский был живым, игривым. Французское воспитание и реальная русская жизнь увязывались между собой еще меньше, хотя Пушкину с бытом простых людей приходилось соприкасаться весьма мало.

Восторженные сочинения Пушкина о лицее не всегда адекватны реальной картине. В сущности, лицей был смесью монастыря с военным училищем, в котором читались некоторые европейские предметы. Учение в лицее Пушкин назвал "заточением" и жизнью "заперти" (X.8). Барон М.А. Корф вспоминал, что свободы передвижения в лицее не было никакой. Комнаты воспитанников назывались камерами. За провинности наказывали стоянием на коленях. Пушкин стоял однажды две недели - за утренними и вечерними молитвами.³⁵

Говорили, что за шесть лет учения лишь двух воспитанников выпустили в Петербург по случаю тяжелой болезни родителей. Первые три или четыре года не пускали порознь даже в сад. Родители могли при посещениях находиться с воспитанниками только в общей зале или на общей прогулке. Свои книги у лицейстов отобрали сразу. Сочинять тоже было запрещено. Писали украдкой. Потом, правда, разрешили держать книги, сочинять и даже издавать самодельные журналы (апологетические, конечно), и разумеется, под контролем. Запрет создает духовный дефицит, и немудрено, что, оставаясь без контроля, лицеисты набрасывались на недозволенное с полным максимализмом юности.

Но лицей был и чем-то большим, нежели поместь монастыря с военной школой. Дух западного либерализма отразился в программе, насытив ее предметами, изучение которых доставило бы наслаждение нам с вами. Закон Божий и священная история, языки, древние и новые, иностранные литературы, общая история с пристрастным вниманием к трем последним векам, нравственная философия (странно звучащее сегодня название, будто была и безнравственная философия

как предмет; впрочем, теперь мы видим - через полвека именно такая появилась). А еще - логика, физика и география, статистика иностранная и отечественная (в сущности, элементы социологии), политическая экономия и финансы, право естественное (то есть права человека), право частное и публичное, право гражданское и уголовное, чистая математика и прикладная, полевая фортификация и артиллерия, наконец, фехтование.

К этому надо добавить частые посещения лучших писателей и ученых, в том числе иностранных. Двойное покровительство императора, официальное и дружеское, и опека членов царствующей семьи заменяли отсутствующих родителей. Пушкин в темном коридоре подкараулил и прижал к стене, приняв за горничную, княжну Волконскую, сердитую старую деву. По одной версии, царь сказал, что он берет на себя адвокатство за Пушкина, по другой - государь приказал Пушкина высечь. Позже юный поэт получил золотые часы с цепочкой от императрицы Марии Федоровны за сочинение оды в честь принца Оранского. Согласно легенде, Пушкин разбил часы о каблук, - что, с точки зрения некоторых послеоктябрьских пушкинистов, свидетельствовало об антимонархизме и революционности его убеждений.

Клички его меняются. Француз - самая из них нейтральная, но и она после войны с французами была ругательством.³⁶ Другая кличка Пушкина, Обезьяна, возможно, связана с его непоседливостью и специфическим выражением лица. Грибоедов потом звал его Мартышкой. Третья - Помесь обезьяны с тигром - отражала его несдержанный темперамент. Коллеги по "Арзамасу" называли его Сверчком, - прозвище более пристойное для графомана и говорящее о его болтливости. "Я не умен и не красив", - кокетничает он в стихах, но вдохновенно рисует свои профили.³⁷

В успехах Пушкину было трудно конкурировать с серьезными сверстниками, и принуждение, возможно, способствовало его образованию. Французского оказалось недостаточно, хотя по этому языку он был на втором месте. Он овладел латынью, но далеко не лучше других знал античную литера-

туру: многие оказались эрудированной. Через год занятий Пушкин занимает лишь 28-е место (начав с четырнадцатого). Даже в стихах (часть он пишет по-французски) у него есть более удачливые соперники.

Его интересы в это время - обычные для подростка: чтение, шалости и открытие волнующих прелестей прекрасного пола, которые он описывает на двух языках двумя способами: элегантно литературными ассоциациями и по-русски - в лоб. "Лишь тобою занят я..." - сохранившееся его стихотворение "К Наталье" - обращено к крепостной актрисе (I.9). Игру с судьбой он начал с этого имени и закончил им. Юный стихотворец перечисляет здесь национальности, к которым он мог бы примкнуть: он арап, турок, китаец, американец, немчура, - кто угодно, только почему-то не русский. Впрочем, он пока всего лишь монах, то есть лицеист. А вокруг него монастырь, ему тесно и душно. Не потому ли участники событий, описанных в другом стихотворении ("Монах"), помчались в Париж, в Ватикан, в Иерусалим? (I.14 и 22) У мальчика-автора уже скепсис:

Но ни один земли безвестный край
Защитить нас от дьявола не может
(I.13).

Во второй строчке первые два слова лучше бы поменять местами, но это для него не существенно. Суть же не придумана им, а заимствована из чтения западных романтиков. Делать свою жизнь он, став взрослым, мечтал по образцам двух кумиров Европы: Наполеона и Байрона. Главный для него вопрос - честолюбие. Он стремится к мировому признанию, как они. Он просит Вольтера одолжить ему лиру, чтобы стать известным всему миру. На меньшее он не согласен. Но если нужно, он охотно сочиняет оду "На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году", и дядя с удовольствием пропагандирует стихи племянника.

Пушкин не терпит насилия над собой, называя себя "несчастливым царскосельским пустынноиком", которого дергает

"бешеный демон бумагомарания" и жалуется: "Безбожно молодого человека держать взаперти" (X.8). Строго упрекает мальчика уже в наше время Абрам Терц (Андрей Синявский): "Блестящее и поверхностное царскосельское образование... отсутствие строгой системы, ясного мировоззрения, умственной дисциплины, всеядность и безответственность автора в отношении бытовавших в то время фундаментальных доктрин". Оценка в каком-то смысле точна фактически, но с точки зрения психологического развития личности вряд ли заслуживает того, чтобы быть негативной. Скорее наоборот.³⁸

Разумеется, воспитывать патриотические чувства было основной официальной задачей лицея. Однокашник Пушкина Антон Дельвиг в стихотворении "Тихая жизнь" с тонкой иронией, свидетельствующей о понимании сути патриотических наставлений, идущих сверху, писал:

Блажен, кто за рубеж наследственных полей
Ногою не шагнет, мечтой не унесется...³⁹

Пушкин стал европейским человеком. Позже Туманский напишет о нем, как о человеке "столь европейском по уму, по характеру, по просвещению, по стихам, по франтовству..."⁴⁰

Директор лицея Е.А. Энгельгардт понимал, что ветер дует из-за рубежа, принося свежие идеи. Там шла богатая духовная жизнь, и подростки подхватывали крупницы ее. Лицей самым существованием своим отражал присущее всякой российской структуре противоречие формы содержанию. Форма заимствовалась с Запада, но из нее изгонялся западный дух. В лицейском саду посадили семена просвещения Западной Европы, а затем огородили сад высоким забором. Директор лицея отмечал у Пушкина в качестве недостатков французский ум и страсть к сатире. В последнее понятие он вкладывал то, что мы теперь называем словом "критицизм". К этому можно, по-видимому, прибавить и ранний скепсис.

Александр Тургенев писал брату Сергею о Пушкине: "Удивительный талант и добрый малый, но и добрый пове-са".⁴¹ Последствия лицейского образования понимали и стар-шие друзья его. "Я бы желал переселить его года на три, на четыре в Геттинген или в какой-нибудь другой немецкий университет. Даже Дерпт лучше Сарского Села".⁴² Батюш-ков в письме к Тургеневу, который мог бы оказать и в этом Пушкину протекцию, намекал: "Не худо бы его запереть в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикою... Как ни велик талант Сверчка, он его промотает..."⁴³

Геттинген окончили три брата Тургеневы и, не случайно, герой "Евгения Онегина" Ленский. Жуковский, будучи моло-дым, тоже мечтал о загранице. Он раздобыл деньги и собрал-ся в тот же Геттинген учиться, а потом жить в Париже и путешествовать по Европе. Но началась война с Францией, и поездку пришлось отложить.

Возможно, окажись Пушкин в 1817 году настойчивей, он выехал бы учиться в Германию. Но этого не произошло. И не только по его юношескому легкомыслию или недостатку средств у семьи. Геттинген не соответствовал его интересам. Пушкин был "француз". Немецкий не давался ему с детства. Он не любил его учить, хотя принимался несколько раз, каж-дый раз забывал и начинал с азов.

В последние два года монастырские запреты поубавились, и лицеисты вышли в свет. Они проводили время вольно, вош-ли в кружки и компании, попали в дома к царскосельским знаменитостям. Первый среди гуляк, Пушкин веселился с гусарскими офицерами. Тут были и значительные знаком-ства. Например, сойдясь у Карамзиных с Петром Чаадаевым, Пушкин зачастил к нему в казарму. Золотое время, когда все впереди и все в радужных тонах, – зачем ему был туманный Геттинген?

По окончании Лицея литературную, писательскую карье-ру Пушкин всерьез не рассматривал, что характерно для одаренности. Он просто писал стихи. Литература, журналы, вообще гуманитарные науки были довольно примитивны, и Пушкин это понял рано. Перед ним открывались два пути,

обеспеченных полученным образованием: карьера военного и карьера дипломата. Оба варианта сулили относительную волю и утеху.

Еще до выпуска Пушкин просил у отца разрешения поступить в лейб-гвардии гусарский полк, но для этого требовались большие деньги. Кроме того, до Сергея Львовича доходили рассказы о гусарских нравах, и он предпочел разрешить сыну поступить в полк гвардейской пехоты. План этот оказался не серьезным. Хороших предложений не было. Карьерой, к которой стремилось большинство лицеистов, была дипломатия. Советский пушкинист Д. Благой сформулировал суть дела так: "Утешало Пушкина и то, что дипломатическая служба несла с собой возможность "увидеть чужие страны" - попасть за границу - общая черта всей либерально настроенной, томившейся в путях русской "азиатчины" молодежи того времени. Эту мечту, и в пример своим военным мечтам, довольно скоро им брошенным, Пушкин питал в течение всей своей жизни, но ей также никогда не суждено было сбыться."¹⁴⁴

Добавим, что именно внешняя часть дипломатической службы - заграничная жизнь, обеспеченная за казенный счет - привлекала Пушкина, к сути же данного занятия, к повседневным обязанностям и труду служащего министерства иностранных дел он относился весьма иронично.

Царь управлял внешней политикой единовластно и сам назначал служащих, которые будут эту политику осуществлять. Имена окончивших лицей поделили в два списка: выпускавшихся в военную службу и в гражданскую. Во втором списке вверху оказался Александр Горчаков, Кюхельбекер значился на третьем месте, Пушкин - на четырнадцатом. В зависимости от успехов в учении лицеистам была обеспечена гражданская служба с чинами от XIV-го до IX-го класса Табеля о рангах. Пушкину, окончившему лицей четвертым от конца, самим Александром I был определен X-й класс и звание коллежского секретаря.

Министерство иностранных дел было создано в 1802 году, но по инерции даже и в документах все еще называлось

Коллегией, каковой оно было с Петровских времен. В высочайшем именном указе царя от 13 июня 1817 года говорится: "Его Императорское Величество всемилостивейше соизволили из числа выпущенных из Царскосельского лицея воспитанников: князя Александра Горчакова... Вильгельма Кюхельбекера... и Александра Пушкина... определить согласно желанию их в сию Коллегию".⁴⁵

Со званием коллежского секретаря Пушкин вместе с другими лицеистами был взят на службу в Министерство иностранных дел и мог начинать делать карьеру. Царь Александр Павлович распорядился выделить из казны по 10 тысяч рублей на экипировку тех лицеистов, которые победнее, и выплачивать каждому стипендию не менее 700 рублей ассигнациями, пока тот не станет работать. Жалование чиновникам по всей империи выплачивалось раз в месяц - 20-го числа. "Человек 20-числа" было синонимом слова "чиновник". Александр Пушкин перед намечавшимся выездом за границу стал человеком 20-го числа. Устно Пушкину было обещано, что жалованье повысится при поступлении на штатное место. Весьма вероятно, что штатное это место Пушкин, как остальные лицеисты, примеривал для себя за границей.

Все делалось бюрократически методично, без хлопот со стороны самого Пушкина. Через пять дней после окончания лицея, 15 июня 1817 года его вызвали в Министерство иностранных дел - красивое здание с колоннами на Английской набережной. Здесь он увидел своих лицейских однокашников Вильгельма Кюхельбекера и Александра Горчакова, а также недавнего знакомца и тезку Александра Сергеевича Грибоедова.

По указанию священника Сенатской церкви Никиты Полухина каждый из четверых в присутствии свидетелей прочитал присягу на верность престолу и отечеству и "руку приложил", то есть расписался в книге. Подписавший обязывался верой и правдой служить Государю-императору и Отечеству. Документ этот сохранился. В "Книге расписок лиц, поступающих на службу в Московский главный архив Минис-

терства иностранных дел", есть подпись: "Читал 10-го класса Александр Пушкин 1817 июня 15".⁴⁶

Задержимся на остальных трех молодых чиновниках, также подписавших присягу.

Первый, Кюхельбекер, через три года будет уволен со службы по его просьбе и уедет за границу секретарем богатого вельможи Нарышкина. Он будет читать лекции в Париже и путешествовать по Европе. Станет декабристом, выстрелит в великого князя Михаила Павловича. Попытается бежать за границу, но будет схвачен в Варшаве, присужден к смертной казни, замененной заключением в крепость, и закован в кандалы. Пушкин случайно встретит арестанта, перевозимого из тюрьмы в тюрьму.

Второй, князь Горчаков, быстро продвинется в крупные дипломаты, будет работать во многих странах, станет другом Бисмарка. Ему придется заниматься сватовством членов царственной фамилии за границей. Став министром, Александр Горчаков окажет большое влияние на положение России в мире. Будучи российским государственным канцлером, князь умрет в Германии восьмидесяти пяти лет от роду.

Третий, Грибоедов, через год отправится секретарем дипломатической миссии в Персию. В сочинениях будет высказывать идеи, противоположные тем, которые осуществлял как чиновник. Будет под следствием по делу декабристов, но счастливо избежит их участи, а позже будет зарезан при разгроме русской миссии в Тегеране. По дороге на Кавказ Пушкин повстречается с арбой, везущей в Россию тело коллеги.⁴⁷

Трое, принявших присягу, считались пиитами. Тогда же присягу подписали еще четверо выпускников лицея. Как теперь говорят, Пушкина распределили и распределили неплохо: в Москву, в Архив Министерства иностранных дел в качестве переводчика.⁴⁸

Почти все лицеисты не только мечтали, но и готовились ехать "на чужбину" - служить в русских посольствах и миссиях, путешествовать, отдыхать, просто посмотреть других и показать себя. Собираясь вместе, мечтали о загранице. Ка-

рамзин описывает одну такую встречу. "Несмотря на ветер, довольно сильный, мы с женою, с детьми, с Тургеневым, Жуковским, Пушкиным (которые все у нас жили в Петергофе) сели на катер и носились по волнам Финского залива часа два или более; одна из них облила меня с головы до ног - но мы были веселы и думали о том, как бы съездить морем подалее!"⁴⁹

Выпускники начинают разъезжаться, провожая друг друга и договариваясь не забывать лица. Представим себе этого молодого человека, который - как бы он ни был честолюбив - не подозревает о той роли, которую ему предстоит сыграть в стране, где он родился.

Вот он идет по Невскому, элегантен и чуть неряшлив - в широком черном американском фраке (точнее а l'americaine) и французской шляпе. Невысок ростом, по свидетельству художника Г. Чернецова 2 аршина 5 вершков с половиной, по-видимому, на каблуках, значит, реально 164 сантиметра, но средний рост людей тогда был меньше, чем сейчас. Мы с вами почти точно знаем, что он говорит, встречаясь с приятелями, как волнуется, увидев в проезжающем экипаже хорошенькую женщину, даже о чем думает. Его мысли, привычки, взгляды часто меняются. Но если верить Шопенгауэру, характер человека остается неизменным в течение всей жизни. Позволим себе одно добавление, важное для нашего исследования: его жизненные цели и даже методы, которыми Пушкин пытался их достичь, тоже не менялись до смерти.

Иван Тургенев указал на парадокс личности Пушкина: он получил французское воспитание, но был "самым русским человеком своего времени".⁵⁰ Вопрос, однако, в том, определенно ли определение "самый русский"? Кто, вообще говоря, "самое" выражает русский дух: Иван Грозный? Курбский? Малюта Скуратов? Пугачев? Новиков? Достоевский? Нечайев? Савва Морозов? Бердяев, Иван Бунин? Не станем перечислять разнообразных наших современников. Если сузить список и рассмотреть русских людей пушкинского времени, то и в этом случае спектр окажется достаточно разбросанным: Карамзин, Александр I, Бенкендорф, Лунин, адмирал

Шишков, Николай I, Чаадаев, няня Пушкина Арина Яковлева... Почему же "самый" - именно Пушкин?

Нам кажется, просто писателю Ивану Тургеневу был ближе духовно, особенно своей европейской ориентацией, именно писатель и именно Пушкин. А в действительности перечисленные выше и многие другие - все "самые русские", все, причем по-разному, выражают русский дух, и Пушкин - не больше других. Официальный литературовед В. Кирпотин писал: "Пушкин - дитя европейского просвещения, выросшее на русской почве" и представляется, что эта оценка точнее тургеневской. В ряду наших великих писателей едва ли найдется другой столь беспокойный человек, как Пушкин, "не по-русски живой", - добавлял Кирпотин.⁵¹

По мнению Юрия Тынянова, русские гены в Пушкине были - легкомыслие и пустодумие. Пушкин оценил себя сам, подписав однажды письмо: "Егоза Пушкин". А ганнибальская стихия - это яростные страсти, жизнелюбие и жажда свободы.

Еще более узко сформулировал сверхзадачу жизни Пушкина современный автор журнала "Вопросы литературы": еще в ранней юности у Пушкина возникает "нечто такое, что хотелось бы назвать целеустремленной свободой".⁵² Понятие "целеустремленная свобода", однако, можно трактовать по-разному. В период, о котором идет речь, воспитание, образование, принятие на службу, - все, как нам представляется, связалось воедино в жизни Пушкина. С такими предками (то есть с такой биографией), с таким знанием иностранного языка и культуры, с таким скепсисом по отношению к России и неутоленным интересом ко всему мировому и - прибавим - с такой холодностью к семейным привязанностям, - если кому из русских и следовало уехать и жить за границей - так именно Александру Пушкину.

Есть люди, с детства предназначенные быть эмигрантами. Он же сделался государственным чиновником, как многие образованные люди в той стране, но ему нужно было больше воздуха. Все готовы были исполнять, он хотел - пока еще неосознанно - творить. Через несколько лет он назовет себя

министром иностранных дел на Парнасе, которого отстранили от дел (X.98). Комментаторы будут добавлять одно слово: на русском Парнасе. Но Пушкин этого слова не писал - Парнас для него един, всемирен.

Чиновничья стезя, однако, его не привлекала. Так и случилось: на службе следующий чин титулярного советника он получил через 15 лет, тогда как его однокурсники становились титулярными советниками сразу после лицейя. Понимал ли он тогда, что если ехать за границу, то это нужно делать немедленно? Сознал ли, что момент благоприятный, что чиновником, да еще мелким, выехать сравнительно легко, пока числишься в законопослушных? Ответить на эти вопросы мы не можем.

Первое, что делает Пушкин, устроившись на службу, - в преддверии заграницы он берет отпуск на два с половиной месяца для приведения в порядок домашних дел и вскоре уезжает в Михайловское. Самое раннее, дошедшее до нас послелицейское стихотворение навеяно впечатлениями от дороги туда:

Есть в России город Луга,
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего (I.275).

Не досидев до конца отпуска, Пушкин простился с Михайловским и возвратился в Петербург. Ему предстоит проводить за границу лицейского приятеля Федора Матюшкина, отправляющегося в кругосветное путешествие на военном шлюпе "Камчатка" во главе с капитаном Головиным.

Матюшкин был родом из Германии, из семьи русского дипломата, крестили его в лютеранской церкви из-за отсутствия православной. Свой путь - морское путешествие - Матюшкин выбрал под влиянием Пушкина, который убедил его наблюдать мир и вести дневник. В лицее и сам Пушкин меч-

тал о морских путешествиях.⁵³ Когда Пушкин вернулся из Михайловского, Матюшкин был уже оформлен на корабль. Капитан Головин предупредил, что если он не справится со своими обязанностями, то оставит его в Англии.

26 августа Пушкин отправился вместе с Матюшкиным по Неве из Петербурга в Кронштадт, откуда в открытое море уходили корабли. Сидя в каюте на шлюпе, ужинали, договаривались встретиться в чужих краях, как только Пушкин там окажется.⁵⁴ "Ты простирал из-за моря нам руку", - вспомнит Пушкин эти разговоры через восемь лет (II.245). Матюшкин позднее дослужился до адмирала, стал сенатором. Именно он предложил поставить известный памятник поэту в Москве.

На следующий вечер после проводов, 27 августа, Пушкин и Катенин, как мы знаем, познакомились в театре. О том, что он собирается за границу, Пушкин сказал равнодушно, как о деле решенном ("вскоре отъезжает"). Значит, прошение уже было подано, и в ближайшее время он ждал разрешения на выезд.

Встречающиеся в литературе мысли о том, что желание выехать за границу возникает у Пушкина лишь в ссылке, не соответствуют истине. Важно также, что это намерение созрело до политического конфликта, так сказать, естественно. Другое дело - надолго ли собирался он в Европу. Если служить по дипломатической части, то это зависело не столько от него, сколько от начальства. Если же путешествовать, то при его склонности к прожиганию жизни - оставаться там, пока будут средства к существованию. Тогда он вернулся бы обратно, как делало большинство людей его круга. Они возвращались налаживать дела в имениях, откуда текли доходы, проводили время в обеих столицах на балах и снова отправлялись на жительство в Европу.

Думается, однако, мысль об отъезде навсегда на ум поэту приходила. Он ее даже записал в виде стихотворения "Простите, верные дубравы!" в альбом своей соседке по Михайловскому имению Надежде Осиповой перед тем, как отправиться в Петербург, а затем на Запад. Поэт писал:

Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас? (I.276)

В альбоме под стихами дата: 17 августа 1817 года. Они написаны за десять дней до встречи в театре с Катениным. Стихи эти при жизни поэта не печатались. Пушкин прощался с соседями. Но спросив себя, навсегда ли, он отвечал в стихотворении неопределенно:

Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям...

Итак, быть может, возвращусь, а может, и не возвращусь. Ведь еще за два года до этого юный скептик рассмотрел в стихотворении "Тень Фонвизина" картину возвращения на родину тени умершего четверть века назад писателя Дениса Фонвизина. Возвращается тень его из рая, и знакомая картина предстает перед великим сатириком:

Всё также люди лицемерят,
Всё те же песенки поют,
Клеветникам как прежде верят,
Как прежде все дела текут.
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя,
Иным житье, другие плачут,
И мучат смертных лекаря...(I:139)

Несчастный Фонвизин, попав на родину, от скуки готов снова умереть. "Оставим наскоро Россию", - заключает он. Эти настроения то и дело возникают в стихах юноши Пушкина. Отъезд за границу кажется ему в августе 1817 года делом решенным.

Глава вторая В ВЫЕЗДЕ ОТКАЗАНО

"Петербург душен для поэта. Я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу".

Пушкин - Вяземскому из Петербурга в Варшаву, не позднее 21 апреля 1820 (X.16)

Пушкин, как нам представляется, спокойно и даже весело ждал ответа на свое прошение. Он был уверен, что вопрос будет решен положительно. Тогда еще не было административной практики заставлять просителя ждать ответа долгие месяцы. Не было также и секретной инструкции вообще не отвечать желающим выехать. Ответ, надо полагать, последовал быстро. Пушкин узнал о нем в последние дни августа или в сентябре 1817 года. За границу, куда он был готов вскоре отбыть, его не пустили.

"Отказного" документа не сохранилось, а возможно, и не существовало. Значит отказ был устный или просто "не дали разрешения", но факт остается фактом: Пушкин, в отличие от других своих сокурсников, за границу собрался, объявил

об этом Гнедичу и Катенину, но не поехал. Нам предстоит проанализировать ситуацию, собрав косвенные объяснения причины этого невыезда.

Термин "выездное дело" - чисто советский, бюрократический. В нем преданность режиму, доверие, покорное поведение, незамазанная биография, не запятнавшие себя родители, родные, друзья. И тем не менее ретроспективно мы, думается, можем говорить о выездном деле Пушкина, ибо все черты бюрократической процедуры имели место. Отказ в выезде за границу был тревожным симптомом, свидетельствующим о недоверии властей данному чиновнику. Отказ мог быть и временным, но чаще отражался на всей карьере русского человека, ибо в досье появлялась таинственная отметка о неблагонадежности или ничего не появлялось, но кто-то "дал указание". Восемнадцатилетний Пушкин, говоря современным языком, стал невыездным и отказником.

Возникает сразу же подозрение, не повлияла ли расписка, взятая у Пушкина при поступлении в МИД, на отъезд за границу? Глядя современными глазами, подпись о неразглашении тайн можно рассматривать как форму секретности и, таким образом, как предлог для отказа в выезде. Взглянем на присягу исторически. За ней стоит несколько документов, утвержденных в разное время.

Еще в XVII веке чиновников посольского приказа для присяги "приводили к кресту". В указе Петра I от 1720 года и определении Коллегии иностранных дел от 5 марта 1744 года о неразглашении служебных тайн говорят общие слова о верности и повиновении императору "не щадя живота своего до последней капли крови" и старании предостерегать и оборонять все, что к "верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может".¹ При императрице Елизавете Петровне было повелено "всем служителям этой экспедиции и архива ни с кем из посторонних людей об этих делах не говорить, не ходить во дворы к чужестранным министрам и никакого с ними обхождения и компании не иметь".²

Документ этот был усовершенствован дважды Екатериной II, и фактически Пушкин подписывался под указом от 4 августа 1791 года. "Ея Императорское Величество высочайше указать изволила подтвердить прежде данное повеление, чтоб никто из чинов ведомства Коллегии иностранных дел... в дома иностранных послов, министров и прочих доверенных от других держав особо не ездили и не ходили... под опасением не токмо отрешения от дел, но суда и взыскания по всей строгости закона. Подтверждает Ея Императорское Величество равным образом всем и каждому из помянутых чинов Коллегии иностранных дел, чтобы дела, каждому вверенные, сохраняемы были с надлежащею тайною... В исполнении и наблюдении чего взять со всех означенных чинов подписку, да и впредь по определении вновь канцелярских чинов ведомства той Коллегии, каждый таковой вновь определяемый под сею подпискою руку свою приложить долженствует".³

Присягу принимали все государственные служащие. К тому же из подписавших ее все, кроме Пушкина, отправились за границу. Так называемые "государственные соображения" были - и тогда, и потом - ответом для тех, кого выпускать не желательно.

Формально с подпиской под присягой у молодого чиновника возникал "режим", что давало основание не пускать его за границу столько, сколько власти сочтут нужным. Однако, во-первых, никакими тайнами Пушкин не обладал, а подписал, так сказать, на будущее. Суть работы любого дипломата в том, что он всегда обладает государственными тайнами, которые вывозит за рубеж; при этом ему доверяют.

Пушкина приняли на работу в Архив Министерства иностранных дел согласно воле Александра I. Еще в 1766 году Сенат постановил: "В архив избирать людей трезвого жития, неподозрительных, в пороках и иных пристрастиях не примеченных". Пушкин был принят, но под эти требования он теперь не подходил. Кто персонально занимался делом Пушкина, не известно.

Министра иностранных дел в то время фактически не было. Во главе Министерства стояли два человека: сорокалетний граф Карл Роберт Васильевич Нессельроде и сорокашестилетний граф Иоанн (он же Иоаннис и Иван) Антонович Капо д'Истриа (фамилию Каподистриа позже стали писать в одно слово). Многие вопросы царь решал сам и, играя на соперничестве двух руководителей, извлекал выгоду от обоих. Оба начальника Пушкина были людьми неординарными, во многом противоположных взглядов.

Нессельроде, сын немца из Пруссии и еврейки, родился на английском корабле, который подплывал к Лисабону. По-русски Нессельроде не говорил. Был он человеком жестким, хитрым и двуличным.

Грек Каподистриа являл собой либеральное начало и европейский подход к русским вопросам. Поскольку Пушкин был принят на службу графом Нессельроде, и учитывая смягчающую роль Каподистрии после конфликта (о чем еще будет речь), можно предположить, что отказ в выезде за границу последовал из канцелярии графа Нессельроде.

Были ли основания не выпускать за рубеж или это был произвол? Так или иначе с самого начала самостоятельной жизни возле уха Пушкина звякнуло ласковое, как защелка собачьей цепи, слово "запрещено".

Возможности бесконтрольного пересечения границы на Руси были ликвидированы при Иване Грозном. "Ты затворил царство русское, сиречь свободное естество человеческое, словно в адовой твердыне,- жаловался Курбский Ивану IV на него самого. - Кто поедет из твоей земли в чужую, того ты называешь изменником, а если поймут его на границе, ты казнишь его разными смертями". Дворянство было тестом, из которого государство пекло для себя преданных чиновников. "Чтобы можно было спокойно удерживать их в рабстве и боязни, никто из них... не смеет самовольно выезжать из страны и сообщать им о свободных учреждениях других стран". Так объяснял русскую ситуацию немецкий путешественник XVII века Адам Олеарий.⁴ С XV века (а может, и

раньше) под изменой стали понимать, главным образом, побег или попытку побега за границу.⁵

Причин ограничений было несколько: опасение, что чужая вера проникнет внутрь страны, возникнет ересь, что, узнав о вольной жизни за границей, вернувшийся будет недоволен крепостной зависимостью на родине, наконец, весьма частое превращение путешественников в невозвращенцев: "одно лето побывает с ними (с иностранцами - Ю.Д.) на службе, и у нас на другое лето не останется и половины русских лучших людей".⁶

Тайные побеги за границу были следствием запрета на легальный выезд. А чтобы пресечь побеги, возникла система заложничества, - остающаяся семья, жизнь которой зависит от того, вернется посланный или нет. "А который бы человек князь или боярин, или кто-нибудь сам, или сына, или брата своего послал для какого-нибудь дела в иное государство без ведомости, не бив челом государю, и такому б человеку за то же дело поставлено было в измену, и вотчины и поместья и животы взяты б были на царя ж, а ежели б кто сам поехал, а после его остались сродственники, и их бы пытали, не ведали ль они мысли сродственника своего ж, или б кто послал сына, или брата, или племянника, и его потому ж пытали бы, для чего он послал в иное государство, хотя государством завладети, или для какого иного воровского умышления по чьему наущению".⁷

Заметим: государство предполагает в личных стремлениях человека только плохие намерения. Для того, чтобы выехать, надо унизиться. Выезд за сто лет, прошедших от Ивана Васильевича до Алексея Михайловича, стал труднее. Хорват Крижанич, писатель, подвизавшийся при Алексее Михайловиче в Москве в 1645-1675 годах сформулировал пять принципов власти в России, которыми регулировалась жизнь во всех ее проявлениях. Это: 1) полное самовладство, или, говоря современным языком, тирания, 2) закрытие рубежей, то есть железный занавес, 3) запрет жить в безделье (принудительный труд), 4) государственная монополия внешней торговли, 5) запрет проповедовать ереси, или идеологическое

единомыслие, борьба с диссидентством, постоянное свидетельство преданности власти. Добавим теперь к этому сверхзадачу, о которой Крижанич запомнил, а именно: идею мирового господства, амбиции: Москва - Третий Рим.

Крижанич писал о закрытии границ: чужеземцам не разрешается свободно и просто приходить в нашу страну и нашим людям не разрешают без важных причин скитаться за пределами. Эти два обычая - две ноги и два столпа сего королевства, и их надо свято соблюдать.⁸

При Петре Великом, прорубившем так называемое окно в Европу, для охраны границ в 1711 году была учреждена ландмилиция, то есть пограничная военная стража. Вдоль границ начали строиться оборонительные линии на юге Украины. Однако для учения, торговли и заимствования западных новшеств, особенно в военной области, поездки за рубеж при Петре расширились, прежде всего благодаря его собственному практическому интересу к Европе.

Выпуск за границу встречал противодействие в русском обществе. Зрелый Пушкин, занимаясь историей Петра, отмечал: "За посылание молодых людей в чужие края старики роптали, что государь, отдаляя их от православия, научал их басурманскому еретичеству. Жены молодых людей, отправленных за море, недели траур..."(IX.11) Анализ причин этой неприязни увел бы нас в сторону. Важно однако отметить, что традиционное русское мышление вообще все иностранное и за границу в целом, как отмечает американский славист Д. Ранкур-Лаферрьер, соотносит с дьявольщиной, с тем местом, где, с точки зрения русского человека, дьявол обитает. За граница - это то, что находится далеко: у черта на куличках, у черта на рогах, а сами иностранцы сродни дьяволам.⁹

Таким образом, в исторически сложившемся русском сознании за граница есть нечто проклятое Богом, ад. Для Пушкина же за граница - источник просвещения, культуры, вообще рай.

Проблема выезда за границу облегчилась при императоре Петре III с изданием Манифеста о вольности дворянской. Привилегированное сословие освобождалось от принуждения

к службе. Неслужащий дворянин получил даже право ехать за границу и служить там. При Екатерине Великой с ростом культуры русского общества сближение с Европой еще расширилось. Поездка за границу для учения или расширения общей культуры, а также для лечения становилась непременной частью существования. В Европу ехали художники, музыканты, сочинители. Одни из них приезжали и снова уезжали, другие оставались там навсегда. Сравнительно легко удавались и побеги. Брат писателя Василия Капниста Петр благополучно бежал от ухаживаний Екатерины II за границу, просто сев инкогнито на корабль, уходивший в Англию.

Некоторые русские, покидая отечество в конце XVIII - начале XIX века, переходили в католичество. Другие, даже живя в Петербурге, старались получить образование в нерусских учреждениях и предпочитали не иметь ничего общего с духом народа, потребностями страны и, как пишет историк Майков, "тянули в сторону врагов родины".¹⁰

При этом Россия во многих аспектах становилась в это время подлинно европейской страной. Историографы периода, на котором мы сосредоточили внимание, утверждают, что дворянин, который хотел выехать за границу, сделать это, как правило, мог. Писатели часто служили по дипломатической части и ездили за границу часто. Василий Тредиаковский был чиновником в Париже и Гамбурге. Антиох Кантемир - послом в Лондоне и Париже. Бывал в Европе Фонвизин.

Карамзин выехал в Европу, когда ему было 23 года, проехал пять стран и вернулся через полтора года. "Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения", - писал он и осуществил его.¹¹ Вернувшись в Россию, Карамзин стал думать о том, не отправиться ли в Чили, Перу, на остров Бурбон, что в Индийском океане, на Филиппины, на остров Святой Елены: "Там согласился бы я дожить до глубокой старости, разогревая холодную кровь свою теплотою лучей солнечных; а здесь боюсь и подумать о седирах шестидесятилетия", - пишет он Дмитриеву.¹² Позиция Карамзина такая: каждый может уехать, нельзя только, выехав, ругать свою страну.

Один за другим отправляются за границу бывшие лицеисты. Уже после отказа Пушкину уехал служить в русскую миссию в Италию Николай Корсаков, также причисленный к Коллегии иностранных дел. Корсаков, по кличке "Русский парижанец", вывез за границу рукописный лицейский журнал. В 1820 году сей молодой человек умер во Флоренции от чахотки.

В литературном обществе "Арзамас", собравшем цвет петербургской интеллигенции, том самом обществе, которое несколько напыщенно называют политическим университетом молодого Пушкина, из двадцати человек, подписавших устав общества, за границу, как показывает наш подсчет, кроме Пушкина, съездили все, - кто по Европе, кто в Америку, кто в Азию. И это не случайно.

Запад почитался в "Арзамасе" эталоном свободы, где, как выразился Николай Тургенев, правительство существует для народа, а не народ для правительства, и где не власть правительства, а свобода подданного почитается неограниченной.¹³ В каком-то смысле понятие западной свободы идеализировалось, она существовала в качестве чистой альтернативы свободе в России, что не во всем соответствовало реальности. В арзамасском братстве помогали друг другу даже и после того, как общество распалось, и пытались помочь выехать Пушкину. А среди членов "Арзамаса" были и действующие, и будущие крупные правительственные чиновники.

Выезд за границу, хотя и контролировался, но был достаточно свободным. Однако же соображение, что ездить должны меньше, плавало в воздухе, наводя на граждан разные ограничения, и поддерживалось частью общественного мнения. Писатель Орест Сомов, с которым Пушкин общался с некоторой надменностью, рассуждал (как раз в описываемые нами годы) о том, что отечественным подданным вовсе и незачем ездить за кордон: "...поэты русские, не выходя за пределы своей родины, могут перелетать от суровых и мрачных преданий Севера к роскошным и блестящим вымыслам Востока".¹⁴ Таким образом, стремление правительства контролировать выезд за границу находило живой отклик и

одобрение (правда, тогда еще не единодушное) у соотечественников.

Права свободного выезда, закрепленного в законодательстве, к которому можно апеллировать в случае конфликта (а иначе - к чему законы?), этого права в России первой половины XIX века не существовало. Сделав Пушкина своим служащим, государство сразу же продемонстрировало ему свои когти. Отказав поэту в поездке за границу, сам царь с огромной свитой вскоре отправился в очередной раз в Европу. В рукописи под стихотворением, которое написано 27 ноября 1817 года и называется "Уныние" (позже оно было опубликовано под названием "К ..." - "Не спрашивай, зачем унылой думой..." I.280), есть приписка: "Я человек несвободный".

Загул без чувства меры, превышающий всякие физические возможности, был, нам видится, еще и в каком-то смысле реакцией восемнадцатилетнего самолюбивого молодого человека на запрет отправиться за границу. Пушкин числится в присутствии, но не служит, время, стало быть, есть и он его прожигает со всей беспечностью, на которую способен. На одном из кутежей (а большая часть приятелей его подбирается для этого) Пушкин спорит, что он выпьет бутылку рома и не потеряет рассудка. Он выигрывает, так как, напившись, ничего не сознает, но свидетели утверждают, что он сгибает и разгибает палец.

Он часто бывает в театре, у него бесконечные романы с актрисами и воспитанницами театрального училища. Он ссорится из-за денег с отцом и, как после вспомнит, бранит Россию. Он "плюет эпиграммами", по словам Александра Тургенева.¹⁵ Он матерщинник почище Баркова, - смотрите, например, его стихотворения с многочисленными отточиями, сделанными цензурой (I.337-347). Повисшие рифмы не оставляют сомнений у читателя в сути выражений поэта.

Брат Александра Тургенева Николай стыдит Пушкина за то, что он берет жалованье и при этом ругает того, кто его дает. Николай Иванович усовещает его, что следует быть посдержаннее в эпиграммах против правительства. Пушкин вызывает Николая Тургенева на дуэль, и лишь одумавшись,

извиняется. Недруги и друзья говорят о поэте одно и то же. А.И. Тургенев: "...теперь его знают только по мелким стихам и крупным шалостям".¹⁶ Он отмечает у Пушкина леность и нерадение о собственном образовании, вкус к площадному волокитству и вольнодумство, также площадное, восемнадцатого столетия.¹⁷ Директор Лицея Е.А.Энгельгардт: "Ах, если бы этот бездельник захотел заниматься, он был бы выдающимся человеком в нашей литературе".¹⁸

Пушкин жег свечу своей жизни с обоих концов. Он разрушительно творил и творчески разрушал то, что было ему дано природой. Неудовлетворенность действительностью - его болезнь, как и многих других. Батюшков писал Вяземскому: "...в нашей благословенной России можно только упиваться вином и воображением".¹⁹

У Пушкина роман с одной из самых необычных женщин Петербурга. Это Евдокия Голицына, она же "принцесса Ноктюрн", "небесная княгиня", которую подруги считают чудачкой. Впрочем, она предпочитает дружбу с мужчинами, благо с мужем находится, как тогда говорили, в разъезде. Она не просто великосветская дама, она западница, философ, занимается науками и черной магией, у нее в доме бывают такие же чудачки со всего света, которых она принимает по ночам, так как ночью не спит: гадалки предсказали ей смерть во сне.

По свидетельству Карамзина, Пушкин смертельно влюбился в Голицыну, притом, что она вдвое старше. Позже поэт включит ее в свой Дон-жуанский список, куда попали только наиболее значительные его возлюбленные. Он уезжает от нее поздно утром, чтобы выспаться дома и затем сочинять, лежа в постели. Обедать он едет в ресторан, вечер проводит в притонах или театре, а ночью снова мчит в будуар к Голицыной, если она согласна его принять. Он почти идеальный эгоцентрик: вся Вселенная вокруг него и только для него, причем данная минута важнее всей жизни.

Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?

Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Где женщина - не с хладной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
(I.281)

На то, чтобы подобрать другое слово вместо дважды попавшегося "пламенный", нет времени, он спешит:

Где разговор найду непринужденный,
Блистательный, веселый, просвещенный?
С кем можно быть не хладным, не пытым?

Опять "хладный" два раза - про себя и про нее. Тяжелая, державинообразная причастная рифма, висящая, как незакрепленный кирпич, над головой читателя, которого, однако, под конец ждет блистательный пассаж:

Отечество почти я ненавидел -
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим.

Конфликт ума и сердца, проходящий через всю жизнь Пушкина. Как бы ни было мерзко это государство, власть, люди, - все, что происходит вокруг, что превращает поэта в равнодушного, такого же, как все, - но если есть, в кого влюбиться, значит, еще не все потеряно, значит, можно быть счастливым даже тогда и там, где невозможно. Это, если хотите, одна из опорных точек (их много) пушкинской философии, роковое триединство: я, данная женщина и всё на свете. Это его перпетуум мобиле, но это же и его тормоз, который вдруг, непредсказуемо, останавливает жизнь поэта, переворачивая ее вверх дном.

Почти три послелицейских года - длинная вереница его минутных подруг: ветреных Лаис, которых он любит за "открытые желания", молодых монашек Цитеры, включая сюда известную парижскую проститутку, находящуюся в "твор-

ческой командировке" в Петербурге, Олю Массон, Дориду, в объездах которой он "негу пил душой", Фанни, ласки которой он обещает вспоминать "у двери гроба", Наташу, с которой он проводил время на травке, проститутку Наденьку, польку Анжелику, продавщицу билетов в бродячем зоосаду... Перечисляем только тех, о ком сохранились сведения в его собственных заметках. В научных комментариях к Пушкину проститутки именуются "представительницами петербургского полусвета". Смысл эвфемизма, видимо, в том, что эти "представительницы" работают в полутьме.

Анненков определяет послелицейский период жизни Пушкина так: "Беззаботная растрата ума, времени и жизни на знакомства, похождения и связи всех родов, - вот что составляло основной характер жизни Пушкина, как и многих его современников".²⁰

Время в чем-то несчастное, но и счастливое. Почти ежедневные ссоры и новые знакомства, отчего ценность подлинной дружбы несколько снижается, но в суете он этого не замечает. Дуэль с Кюхельбекером - из-за эпиграммы. Разрыв с Карамзиным, которому бранная риторика насчет рабства представляется недостойной. Но при этом - и становление личности, лепка самого себя как поэта, разумеется, с помощью более зрелых, более терпимых, более образованных друзей, европейцев по духу.

Одна беда: умнейшему и талантливейшему молодому поэту уже тесно в пределах возможностей того литературного круга, в котором он находится. Его субъективное ощущение, что ему тесно в России вообще. Его не выпускают в Европу. Но так уж устроен человек: отказ все же оставляет живую надежду: вот-вот прорвется, выпустят и тогда... А пока -

Увы! куда ни брошу взор -
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы,
Везде неправедная Власть

Говорят, это было написано в один присест в гостях у Николая Тургенева. Но стоит ли к этим словам относиться столь же серьезно, как это сделали в правительстве Александра I? "Самовластительный злодей" в оде "Вольность" относится вовсе не к русскому императору, а к французскому. Слово "свобода" в компаниях, где бывал Пушкин, произносилось тогда так же часто, как "вино" и "любовь". Пушкин много бывал в доме Лавалея, управляющего третьей экспедицией Особой канцелярии Министерства иностранных дел. Экспедиция эта просматривала зарубежную периодику, составляя рефераты для царя о положении дел в Европе. Новости врывались в салон Лавалея без цензуры и растекались по Петербургу. Читали тут и стихи.

Поэт искал себя, определялся во взглядах. Третий брат Тургеневых, Сергей, писал: "Да поспешат ему вдохнуть либеральность".²¹ Из этого утверждения следует, что политические его взгляды в этот период еще нестойкие. Экстремизм шел, возможно, не от пушкинского естества, но от среды, в которую он попал. Ряд стихов он сочинил, чтобы стать ближе к этим своим знакомым, но для серьезных борцов он оставался милым проказником, не более того. Да и протест у Пушкина не был связан с активной деятельностью.

Симпатии и неприязнь молодого поэта возникали подчас не столько от его собственных взглядов, сколько под влиянием лиц, с которыми он сближался. Это были прежде всего братья Тургеневы и, более других, Александр Иванович. В 1817 году Александр Тургенев именовался "Ваше Превосходительство" и был управляющим департаментом Министерства духовных дел и народного просвещения, приближенным министра князя А.Н. Голицына.

Отметим, между прочим, что именно Александр Тургенев изобрел слово "советский". Без малого за сто лет до Ленина, в ноябре 1824 года, он писал брату Николаю Тургеневу за границу: "Для тебя не может быть это теперь тайной, ибо ты

советский..." Имелась в виду принадлежность брата Николая к Государственному Совету.²² Николай был крупным государственным деятелем, членом Государственного Совета, но также и либерально мыслящим человеком. Третий брат, Сергей, был в это время в Париже. Все трое хорошо относились к Пушкину, и, при наличии больших связей, имели широкие возможности, чтобы похлопотать о своем подопечном.

Александр Тургенев устроил в русскую миссию в Неаполь Батюшкова, помог уехать за границу многим своим знакомым и предпринимал усилия для того, чтобы Пушкин мог выехать по дипломатической части. Не исключено, что направление Пушкина на службу в Коллегию иностранных дел произошло с его участием.

Другим петербуржцем, влияние которого на Пушкина представляется несомненным, хотя о путях этого влияния известно мало, был его тезка Александр Сергеевич Грибоедов. Они в одно время пришли служить в одно ведомство, вместе подписали присягу, хотя Грибоедов был без малого на десять лет старше. Он к этому времени уже имел озлобленный ум, по мнению современника, из-за того, что его не оценили как человека государственного. Можно предположить, что поведение Грибоедова, столь знакомое нам по Пушкину, также было результатом постоянного раздражения действительностью, - болезнью среды, как назовут состояние российского интеллигента психиатры конца XIX века.

Осенью 1817 года Грибоедов должен был стреляться из-за балерины Истоминой с корнетом Якубовичем. Дуэль отложили на год. Потом была "четверная" дуэль, во время которой Грибоедову прострелили руку. Общались они недолго: Грибоедов уехал, а впоследствии за то, что был секундантом на дуэли, его отправили в Персию секретарем посольства. Впрочем, наказание Грибоедова Пушкин посчитал бы для себя удачей.

От Грибоедова о Пушкине прослышал его приятель по Московскому университету корнет Петр Чаадаев (Пушкин с его абсолютным слухом в языке писал "Чаадаев", что по-русски звучит более естественно). Восемнадцать лет отправив-

шись воевать, Чаадаев дошел до Парижа, получил награды. Его прочили адъютантом к царю, а стал он адъютантом командующего гвардейским корпусом генерала и князя И.В. Васильчикова. Чаадаев, в отличие от Пушкина, был богат. Встретились они у Карамзина.

Будущий философ и богослов, Чаадаев, как вспоминал современник, заставлял Пушкина мыслить. Он способствовал развитию поэта больше, чем кто бы то ни было. Философия, мораль, история - их постоянные темы. Пушкин все чаще бывает у Чаадаева, берет у него книги. Именно Чаадаев открывает ему Байрона. И - важная деталь - между ними идут переговоры о совместной поездке за границу. После Пушкин не раз будет жалеть, что их поездка не состоялась: Чаадаев уехал один. А пока Пушкин начинает учить английский, беря у Чаадаева книги.²³ Пиетет Пушкина по отношению к Чаадаеву, как это часто у него бывает, сплетен с иронией, но в ней любопытная оценка: в другой стране Чаадаев был бы знаменитой личностью, а здесь, в России он - всего-навсего военный невысокого чина:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он - офицер гусарской (I.371).

Такую подпись сочиняет Пушкин к портрету Чаадаева. Смысл ясен: власть в России не нуждается в гениях.

Чтобы замкнуть круг, остановимся на человеке, который также оказывал тогда большое влияние на Пушкина, но сегодня менее известен. То был чиновник того же Министерства иностранных дел Николай Иванович Кривцов. В войне 1812 года Кривцову оторвало ядром ногу выше колена. После русских побед он остался за границей, лечился. В Лондоне ему сделали пробковый протез, настолько удачный, что он мог даже танцевать. Он жил в Австрии, Швейцарии, Франции, Германии, говорил свободно на нескольких языках, водил знакомство с Гете, Гумбольдтом, Талейраном, встречался с

Наполеоном, запросто бывал у многих западных знаменитостей. Когда Пушкин вышел из Лицея, Кривцов возвратился из Европы. Познакомились они у братьев Тургеневых и по прошествии недолгого времени сошлись.

Кривцов вернулся большим либералом и демонстрировал Пушкину великолепный образец раздвоенного сознания русского интеллигента. Он был исполнительным, аккуратным и преданным престолу служащим, а в узком кругу ругал русские власти и отечественные порядки, не стесняясь в выражениях и не скупясь на остроумие. Речи его звучали еще резче, чем мальчишеская терминология Пушкина. И это было воспитание другого рода, нежели пример друзей, перечисленных выше. Кривцов вскоре получил назначение в русское посольство в Лондон, о котором, как и обо всей Европе, много и увлекательно рассказывал Пушкину. Обсуждали они и возможности пушкинского отъезда.

Из-за физической и нервной перегрузки, а возможно (по взгляду современных врачей), еще и просто от вирусной инфекции, Пушкин заболевает горячкой. Тогда этим словом называли любую болезнь с высокой температурой. В эти послелицейские годы Пушкин вообще часто хворал. На этот раз он болеет долго, и доктор не гарантирует благополучного исхода. Однако через два с лишним месяца Пушкин поднялся на ноги. Поправляясь, он сочиняет стихи Кривцову на память - перед отъездом того в Лондон, дает с собой свою книгу. Связь не прерывается после отъезда. Александр Тургенев пишет князю Петру Вяземскому, уехавшему служить в Варшаву: "Кривцов не перестает развращать Пушкина и прислал ему безбожные стихи из благочестивой Англии".²⁴

Друзья продолжали разъезжаться. Вяземский находился в Варшаве практически без дела. Летом следующего года он подписал записку об освобождении крестьян. И - вот было либеральное время - не пострадал за вольнодумство. Настроение Вяземского, приехавшего в Петербург, было невеселым: "...мне так все здешнее огадилось, что мне больно было бы ужиться здесь", - пишет он и вскоре уезжает обратно в Варшаву.²⁵

Польша была, конечно, еще не Западная Европа, но уже и не Россия, - Пушкин это понимал. Поэтому встретившись летом с Вяземским, он говорит о том, что может быть, если не удалась заграница, его пустят в Варшаву? Вяземский обещает узнать и похлопотать "оттуда". В любом случае, здесь оставаться, по мнению Вяземского, невозможно. Вскоре он опять напишет: "У нас ни в чем нет ни совести, ни благопристойности. Мы пятимся в грязь, а рука правительства вбивает нас в грязь".²⁶

Пушкин не мог не знать, что выезд из Варшавы в Германию неизмеримо проще, чем из метрополии. Карамзин, отправившийся впервые за границу, подробно рассказал о своих наблюдениях, и его заметки были к тому времени неоднократно опубликованы. "На польской границе, - писал он, - осмотр был нестрогий. Я дал приставам копеек сорок; после чего они только заглянули в мой чемодан, веря, что у меня нет ничего нового".²⁷ Но возможно, Пушкин ужился бы в Варшаве, лишь бы только убраться из Петербурга. Тут, в городе, который он называет мертвой областью рабов, ему плохо. Он живет в немилой ему, "сей азиатской стороне" (I.326).

Не известно, принимали ли участие в хлопотах по поводу выезда в Варшаву братья Тургеневы или еще кто-либо, кроме Вяземского, но усилия не увенчались успехом. Между тем гадалка незадолго перед этим предсказала Пушкину дальнюю дорогу, о чем он сам вспоминал двадцать лет спустя.

А времена менялись. Выступая в Варшаве, Александр I обещает дать России конституцию, какую дал Польше (что могло укрепить Пушкина в стремлении туда перебраться). В Польше появилось нечто вроде парламента. На открытии Польского Сейма Александр размышлял о законно-свободных учреждениях, которые он надеется распространить. Запад очень беспокоился по поводу произвола, царящего в России, и Александр в беседе, которая была опубликована на Западе, говорил о том, что скоро другие народы России, вслед за Польшей, получат демократию.²⁸

Либеральные воззрения Александра преподносятся Западу, а внутри он, только что получивший звание фельдмаршала Прусской и Австрийской армий, поощряет деятельность Аракчеева. Послабления, которые начали было развиваться, к 1819 году отменяются. Время надежд на перемены, время новых противоречивых идей уходит в прошлое. Наступает период завинчивания гаек внутри, который всегда сопровождается опусканием железного занавеса.

Брожения в странах Европы заставляют глав государств искать пути к договорам для защиты порядка, и русское правительство, вступая в такие контакты, находит для себя двойную выгоду: под предлогом опасности ужесточать дисциплину внутри и расширять сферы своего политического и военного влияния вовне. Сильные мира сего, которых Пушкин, смеясь, два года назад назвал "всемирными глупцами" (X.10), на самом деле, таковыми вовсе не были. Теперь Пушкину уже было не до смеха.

Эйфория, связанная с возвращением русской армии из Европы домой, теперь сошла на нет. Просветительские и либеральные идеи затухали на глазах. Те, кто вернулись, думали, что возврата к старому режиму быть не может, однако теперь европейские начала вытравлялись, оставались традиционные азиатские. Оказалось, что общественное мнение, которое сложилось в кругах интеллигенции, ничего не стоит, с ним можно не считаться. В университетах начиналась борьба с иноземной наукой. Инстанции были озабочены укреплением настоящих русских убеждений, под которыми подразумевалась преданность престолу. Высказывать публично мнение, официально не принятое, становилось снова опасно. Общественная жизнь ушла в подполье.

Идея развития России по американскому пути с отменой рабства и введением конституции, которую в течение нескольких лет вынашивали декабристские группы, в сущности, первые зачатки партий в стране, в принципе была мало реальной. "В Африке и Америке начинают чувствовать сие беззаконие и стараются прекратить оное, а мы, россияне, христиане именем, в недрах отечества нашего имеем защит-

ников сей постыдной, сей богопротивной власти!" - доверяет бумаге свои мысли в это время декабрист А.Н. Муравьев.²⁹ "За свободой" надо ехать за границу.

Осенью 1818 года Пушкин провожает за границу Батюшкова, которому, как уже говорилось, помог выехать Александр Тургенев. Батюшков говорил, что служба в Италии есть мечта всей его жизни, его сокровенное желание. Он уверял Тургенева, что в слове "Италия" для него заключаются "независимость, здоровье, стихи и проза".³⁰ Весной 1817 года Батюшков поехал лечиться в Одессу, а там получил письмо Александра Тургенева, что поэта ждет место в дипломатической миссии в Неаполе.

Перед отъездом Батюшков и Пушкин часто встречаются, о чем-то договариваются. Пушкин сочиняет экспромт, текст которого нам неизвестен. Николай Тургенев написал брату Сергею за границу, что экспромт этот послать нельзя. Николай сообщает то, что можно: "Мы на первой станции образованности", - сказал я недавно молодому Пушкину. "Да, - отвечал он, - мы в Черной Грязи".³¹ Так называется первая станция по дороге в Петербург.

Пушкин, по-видимому, рассчитывал на такую же синекуру, которую удалось получить Батюшкову, - должность, которая давала западную свободу при возможности получать хорошее содержание из России.

Наступало время, привычное для русских людей в возрасте и приводящее в растерянность молодых. Тридцатилетний оптимист Николай Тургенев, мечтая о журнале "Россиянин XIX века" при сотрудничестве Пушкина, записывал в своем дневнике: "Каждый вечер оканчиваю с некоторым унынием... Вечеру сижу у окошка и в каждом предмете, в каждом движущемся автомате вижу бедствие моего отечества... Какое-то общее уныние тяготит Петербург и сие время... Иные ничего не понимают или, лучше сказать, ничего не знают. Другие знают, да не понимают. Иные же понимают одни только гнусные свои личные выгоды. Неужели я до конца жизни буду проводить и зимние и летние вечера так, как я проводил доселе?.. Неужели я и при последнем моем издыхании

буду видеть подлость и эгоизм единственными божествами нашего Севера?"³²

Либеральные идеи овладели Пушкиным, если можно так выразиться, не вовремя. Более опытные его друзья, Александр Тургенев, Карамзин, Жуковский встретили очередное похолодание на теплых должностных местах. Офицеры-декабристы шли на риск. Многие уходили в кутежи. Пушкин с энергией молодости кинулся во все три сферы сразу. Он пытался соединить все три стиля жизни, и ему, с его умом и горячностью, это вполне удавалось. Но теперь возник вопрос: готов ли он всем этим пожертвовать ради второго пути и готов ли к последствиям?

По всей видимости, его планы все же более эгоистичны, и нельзя в этом его упрекать. Второй путь - это поиски правды и свободы не для себя, а для других. Он не борец, но лишь поклонник правды и свободы, как он сам назовет себя позже. Но и в такой роли ему нет места в этой стране. Он жалуется Дельвигу:

Бывало, что ни напишу,
Все для иных не Русью пахнет...(II.32)

Переведем это в прозаический контекст: то, что он пишет - прозаического толка и здесь не нравится. Интересы его сосредоточены на Западе, свобода там. Здесь его не понимают. За три послелицейских года Пушкин потерял много времени впустую. Бездеятельность, растрата самого себя - весьма популярная в России форма протеста, в чем-то неосознанного. Он пытался стать и оставаться самим собой, а его подгоняли под принятые стандарты. Стихотворная стихия должна была стать основной формой его жизнедеятельности, а для того, чтобы писать стихи, желательно видеть мир неподвизатыми глазами. Ему же предложена другая игра, другие рамки: стать чиновником и в свободное от службы время пописывать стихи - да при этом в определенных рамках - для развлечения себя и других.

Несчастье Пушкина было в том, что русская литература того времени не отвечала ни на какие вопросы, стоящие перед обществом. Да и существовала ли тогда русская литература в полном смысле этих слов? Биографии иных талантливых русских писателей уходили корнями на запад (полунемец Фон-Визен, полутурок Жуковский, швед по бабушке и ирландец по матери Вяземский), что тщательно изымалось в литературоведении в определенные эпохи, например, в период борьбы с космополитизмом. Отечественная литература в начале XIX века существовала, но в сравнении с западной, пожалуй, в полном смысле этого слова проза и поэзия еще не сформировались. Да и другие жанры находились в эмбриональном состоянии.

Анненков, пушкинский биограф, назвал русскую литературу того времени "всеобщим царством скуки и пошлости".³³ Читать по-русски было нечего, не у кого учиться молодому писателю. "У нас еще нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке," - скажет после Пушкин (VII.14). Греция давным-давно родила Гомера, Англия - Шекспира, Германия - Гете, а кого такого масштаба дала миру Россия до Пушкина? Нация должна была достичь определенной ступени развития культуры, чтобы вывести в мир свою литературную звезду.

Литература жила полной жизнью на Западе. Там работали известные миру профессиональные авторы. В России таких презрительно называли сочинителями. Европеизм как общественное течение в среде русской интеллигенции того времени был в сущности свежим поветрием из окна в Европу. Власти этого поветрия боялись и поэтому подавляли любые нестандартные движения мысли.

Взамен сознание заполнялось официальной великодержавной идеологией, важную часть которой составляла мечта о мессианском предназначении Руси. Европеист Пушкин пытался отмежеваться от угнетавшей его системы, но он жил среди этих людей, соотносился с ними, не мог их избежать,

и вирус азиатства и имперского мышления проникал в его мысли, особенно, если ему сопутствовала лесь.

Это можно было принять за перспективу легкого счастья, которое ему прочили. Он сочинял по образцам французских поэтов Эвариста Парни и Жана Грекура, а ему уже готовили кресло в русском поэтическом президиуме. Формы стихов он, казалось, перенимал у своих русских учителей, но ведь элегии и баллады Жуковского были немецкими, переименованными на русский манер. Поэма "Руслан и Людмила", выведшая Пушкина в лучшие русские поэты, была результатом умелого восприятия рыцарского романа итальянского поэта Лудовико Ариосто "Неистовый Роланд" ("Orlando Furioso").³⁴ В "Руслане и Людмиле" имена напоминают также о Парни, к которому Пушкин питал особую симпатию: у Парни Аина - у Пушкина Наина, у Парни Русла, у Пушкина Руслан.

В российской литературе оставались гигантские пространства целины, и талантливый человек, овладевший мировой литературой, мог браться и разрабатывать любой жанр или все жанры сразу, что Пушкин и поэты его круга делали весьма успешно. Пушкин называл Батюшкова "наш Парни российский" (I.64). Все темы были нетронутые, все интересно попробовать. И благосклонное одобрение наверху гарантировано, - при одном только условии, старом, как мир: не надо касаться некоторых щекотливых вопросов политики и права. Но Пушкину такого счастья было мало.

Неожиданно для всех (но не для него самого) Пушкин после очередного приступа "гнилой горячки" (малярии? недолеченной гонореи?) задумывает устроиться на военную службу, - новая идея на старый лад.

Друзья вначале удивлены. "Я имею надежду отправить его в чужие края, но он уже и слышать не хочет о мирной службе", - сообщает Александр Тургенев.³⁵ А чуть позже об этом сообщается еще более твердо: "Пушкин уже на ногах и идет в военную службу", - пишет тот же Тургенев Вяземскому в марте 1819 года.³⁶ А еще через неделю Тургенев сообщал тому же Вяземскому, что Пушкин собирается в Тульчин, а оттуда в Грузию и бредит войной. Возможно, эта

идея возникла у Пушкина в результате знакомств с грузинами в Петербурге.

28 марта 1820 года Пушкин обедал у Чаадаева, и разговор вертелся вокруг двух тем: слухи о предстоящей войне и заграница. Споры о новой военной кампании, подготовка к которой шла на Кавказе, велись на всех этажах чиновничьей иерархии. Шли перемещения офицеров. Цель не называлась, но было ясно, что речь идет о новом походе на Турцию.

Между тем Николай Тургенев, который был осведомлен о том, что происходит наверху, почувствовал, что попытки выхлопотать для Пушкина должность за границей по дипломатической части натываются на холодные отказы. 20 апреля 1819 года Николай Тургенев писал брату Сергею: "О помещении Пушкина теперь, кажется, нельзя и думать".³⁷ Поставим вопрос, на который не знаем ответа: не потому ли Пушкин и бросился в военную службу, что понял: надежды на дипломатическую карьеру отпали?

По свидетельству Ивана Пущина, Пушкин ищет знакомства с Павлом Киселевым, только что назначенным начальником штаба 2-й армии. Киселев обещал содействие в определении Пушкина к себе. Сам Киселев готовился отбыть в военные поселения на юг Украины, в Тульчин. Киселев не знал, а Тургенев был в курсе дела: из Тульчина Пушкин, будучи принят на военную службу, сумеет пробраться в войска, расположенные на Кавказе. Там, когда начнутся военные действия, он двинется с войсками в сторону Турции.

Около 21 апреля 1820 года в письме к Вяземскому он сетует: "... жалеть, кажется, нечего - а все-таки жаль. Круг поэтов делается час от часу теснее - скоро мы будем принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи друг другу на ухо. - И то хорошо..." (X.16) А дальше в этом самом письме Пушкин говорит, что ему плохо, что он жаждет покинуть душный Петербург, - те слова, которые мы вынесли в эпиграф этой главы.

В мае Батюшков в письме из Неаполя, не догадываясь об истинных намерениях Пушкина, сожалеет о его решении поступить на военную службу.³⁸ Тургенев отмечает, что Пуш-

кин бредит уже войною, что можно толковать как состояние возбуждения, в котором он находится. Важная деталь: в это время он вдруг покупает парик. Периодически надевая его, он, видимо, старается к нему привыкнуть.³⁹ В конце мая 1819 года он со дня на день готов начать осуществление замысла. В этом состоянии его свалил новый приступ болезни.

Тургенев в письме Вяземскому объясняет: "Он простудился, дожидаясь у дверей одной бляди, которая его не пускала в дождь к себе для того, чтобы не заразить его своей болезнью".⁴⁰ Видимо, Пушкин все же добился приема, ибо тот же Тургенев напишет чуть позднее, что Пушкина нельзя обвинять за оду "Вольность" и за две болезни "не русского имени".⁴¹ Одна из этих болезней венерическая. А пока у Пушкина состояние опять очень тяжелое, и доктор Лейтон ни за что не ручается.

Лечение молодого и сильного организма, однако, шло успешно. Поднявшись с постели, Пушкин стал искать связи, дабы устройство его на военную службу состоялось. Но слухи о военной кампании к этому времени сошли на нет, так и не реализовавшись. К тому же генерал А.Ф. Орлов, приятель Пушкина, охладил его пыл, сообщив, что если поэт попадет сейчас на юг в качестве офицера, ему придется участвовать в расправе над восставшим уланским полком. Это в планы Пушкина вовсе не входило, и он подал прошение об отпуске. Отпуск по собственным делам в Михайловское переводчику иностранной коллегии был разрешен.

"Помнишь ли ты, житель свободной Англии, - вопрошает Пушкин из Михайловского лондонского своего друга Кривцова, - что есть на свете Псковская губерния..." (X.13) Но и в Михайловском ему не сидится, он опять скачет в Петербург. "Пушкин по утрам рассказывает Жуковскому, где он всю ночь не спал; целый день делает визиты блядям, мне и кн. Голицыной, а в вечеру иногда играет в банк..." Это из отчета Тургенева Вяземскому.⁴²

Не способствовал улучшению душевного состояния Пушкина и вернувшийся из двухлетнего кругосветного путешествия друг Федор Матюшкин. Два года, десятки стран, неведо-

мые острова, народы, обычаи. А Пушкин за прошедшее время так и не сдвинулся с места. Матюшкин сразу стал рассказывать об Америке. Вспомнил старика Сеземова, которого встретил в Новом Альбионе, в Калифорнии. Старик и слушать не хотел о возвращении на родину: "Там солдату двадцать пять лет батюшке-царю служить надоть, а мне невтерпеж. Я, сударь, и так до смерти не успею много доделать, а вот извольте поглядеть чудеса мои да сестре пересказать, если когда свидитесь".⁴³ И старик стал показывать Матюшкину урожаи невиданные: редька весом в полтора пуда, репа 12-13 фунтов, картофель родит сам сто, притом дважды в год.

Матюшкин захлебывался рассказами о загранице. Останавливался он и на острове Святой Елены, даже встречался с Наполеоном. Тот был в халате, обросший, с бородой, с подозрительной трубой в одной руке и бильярдным кием в другой. Наполеон жаловался русским путешественникам на дурное содержание и дороговизну баранины на острове. Мы можем только догадываться, с какими чувствами слушал Пушкин эти рассказы и о чем думал.

Конец 1819-начало 1820 года проходят под знаком конфликтов и скандалов. В присутствии того же Матюшкина Пушкин-отец грозил сыну пистолетом. Возможно, отец отказывался дать деньги. В театре Пушкин вызывает на дуэль майора Денисевича. Дуэль улаживают. В ресторане "Красный кабачок" Пушкин с компанией Нащокина участвует в драке с немцами. Затем происходит еще несколько драк. Состоялась дуэль с Кюхельбекером из-за эпиграммы - Пушкин стреляет в воздух. Екатерина Карамзина жалуется Вяземскому в Варшаву: "Пушкин всякий день имеет дуэли: благодаря Бога, они не смертоносны, бойцы всегда остаются невредимы".⁴⁴ Пушкин проигрывает в карты все деньги, а затем тетрадь своих стихов, которая идет за одну тысячу рублей. В стихах его то и дело мелькают упоминания о попойках, в них он находит наибольшее удовлетворение.

Реакцию Пушкина на сорвавшуюся попытку пробраться на Кавказ можно предугадать. Он затевает ссору с лицей-

ским однокашником, а теперь соседом по дому Модестом Корфом, который побил его слугу Никиту. Пушкин вызывает Корфа на дуэль. Последний, к счастью, просто-напросто отказывается драться. Еще одна реакция на запрет поехать за границу: Пушкин вдруг начинает бранить Запад. Друзья были удивлены. Когда Пушкин "сильно русофильствовал и громил Запад", А.И. Тургенев заметил: "Да съезди, голубчик, хоть в Любек!" Это был первый иностранный порт, в котором останавливались шедшие за границу пароходы. Пушкин расхохотался.⁴⁵

Наконец, в Петербурге проносится слух, что Пушкин был вызван в секретную канцелярию Его Величества и там высечен. Узнав об этом слухе, позорящем его дворянскую честь, Пушкин готов драться с каждым, кто слух пересказывал. Распространителем слуха оказывается картежник Федор Толстой по кличке Американец.

Ситуация в стране мрачнеет, образ Европы, земли обетованной, то и дело возникает в новых красках и впечатлениях. Приехал из-за границы Сергей Тургенев и уехал в Константинополь, куда Пушкин еще недавно энергично собирался. Самые умные и предприимчивые понимают, что надеяться не на что, а уж ждать и подавно, и едут или собираются ехать за границу. Те, кто остается, об этом мечтают. Кюхельбекер печатает в журналах заметки о своем воображаемом путешествии по Европе. Через полгода он туда уедет, а пока описывает Европу 26 века, - довольно примитивная фантазия. Самое любопытное в ней для нас то, что друг Пушкина пытается высказать между строк идею: Россия в будущем может стать похожей на Америку, которая для цивилизованных россиян уже служит эталоном и идеалом общественного устройства.⁴⁶

Словно сговорившись, многие мечтают ехать в разные страны, только бы не оставаться в России. Даже умеренный Карамзин в эти же дни строит свои планы: "Боюсь только фраз и крови. Конституция кортесов есть чистая демократия... Если они устроят государство, то обещаюсь идти пешком в Мадрид, а на дорогу возьму Дон-Кишота".⁴⁷ Впрочем,

Пушкин после искажил мысль Карамзина, написав, что Карамзин (он называет его "один из великих наших сограждан") еще раньше говорил, что "если бы у нас была бы свобода книгопечатания, то он с женой и детьми уехал бы в Константинополь" (VII. 139). Получается, что Карамзин хотел ехать не за свободой, а - от разгула свободы, что, вообще говоря, в отдельные периоды развития некоторых стран имеет свои основания, но тогда Карамзин говорил обратное.

Так же размышляет Вяземский в Варшаве, предчувствуя, что не за горами репрессии: "Власть любит генерализировать (он соединяет два языка в одном слове. - Ю.Д.) и там, где дело идет о мере частной, принимать меры общие... Я плачу о Франции, как о родной".⁴⁸

Вместе с Михаилом Луниным Пушкин ездил в Царское Село провожать в Италию Батюшкова, а в начале 1820 года он провожает за границу Лунина. В нежном порыве Пушкин отрезает у Лунина на память прядь волос. Он хотел бы вслед за друзьями отправиться в Европу. Он задыхается здесь. С января по май 1820 года, по нашему подсчету, он написал едва ли больше пяти стихотворений, хотя начал еще несколько. Он чувствует, что теряет даром время; "я глупею и старею не неделями, а часами", - жалуется он Вяземскому в уже цитированном нами (см. эпиграф) письме от 21 апреля (X.16).

И дней моих печальное начало
Наскучило, давно постыло мне!
К чему мне жизнь? (I.342)

Лунин любил повторять, что язык до Киева доведет, а перо до Шлиссельбурга. От безвыходности две мысли приходят Пушкину: покончить с собой или - убить царя. Его оставили и отговорили Чаадаев и Николай Раевский. Поэт вспомнит потом в "Руслане и Людмиле":

Ум улетал за край земной;
И между тем грозы незримой

Сбиралась туча надо мной!..
Я погибал... (IV.80)

Что касается намерения стать террористом, о котором Пушкин сам признается через пять лет в неотправленном письме к Александру I, то экстремизм его, как и многое в желаниях, был весь в словах, в браваде, а не в деле. Пушкин принес в театр и показывал знакомым портрет Лувеля, заколовшего наследника французского престола, со своей надписью "Урок царям", что вряд ли стал бы делать серьезный цареубийца.

Скорей всего, ничего этого не было бы: ни драк, ни злобы, ни антиправительственных стихов, ни мальчишеских глупостей в общественных местах, ни мыслей о терроре, если бы Пушкина просто-напросто отпустили за границу. Возможно, там он решил бы, что дома все же лучше, и тихо вернулся, а то и стал бы горячим защитником всего чисто русского - от царя до лаптей. Но так была устроена русская система в течение столетий: борясь с недовольными, она их плодила, чтобы затем с новой силой подавлять. Энергия нации уходила в борьбу со своими согражданами, в слежку друг за другом. За Пушкиным слежка уже шла, и последующие события происходили быстро, как в кинематографе.

Добровольный осведомитель В.Н. Каразин записывает в своем дневнике мысли о "поганой армии вольнодумцев", приводит эпиграмму Пушкина, и сообщает о ней управляющему Министерством внутренних дел В.П. Кочубею. Кочубей докладывает о полученном письме царю. Петербургский военный генерал-губернатор граф Михаил Милорадович приказывает полиции достать копию пушкинской оды "Вольность" и эпиграммы Пушкина, что, согласно докладу полиции, удастся "не без труда и издержек". Становится известно и о подписи к портрету, который поэт демонстрировал в театре.

Политический сыщик Фогель в отсутствие Пушкина является к нему домой, прося его слугу Козлова за 50 рублей дать почитать рукописи хозяина. Козлов ему отказывает. Пушкин, вернувшись домой, поспешно сжигает часть рукопи-

сей. На следующее утро он ждет обыска, но его приглашают на прием к Милорадовичу. За Пушкина заступился Федор Глинка, чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе. Предполагалось, что, пока будет идти беседа, полицмейстер заберет все рукописи, которые найдет у Пушкина в доме. Поэт, однако, с готовностью предложил прямо в кабинете написать все крамольные стихи, ему известные, пометив при этом, какие из них сочинены им самим. Эта открытость обезоружила генерала, и он, услышав слова раскаяния, от имени Александра Павловича объявил поэту прощение. Пушкин мог только вздохнуть, решив, что он легко отделался.

Император, однако, был не доволен чересчур быстрым прощением Пушкина. Наказания злоумышленника требует также военный министр Аракчеев, сообщивший царю о двух эпиграммах Пушкина. Речь пошла о ссылке в Сибирь или в Соловецкий монастырь.

Возможно, у Пушкина была слабая надежда, что с ним поступят, как с Грибоедовым, которого отправили служить за границу. Баратынский в тот же год попадает в солдаты, и это считалось ссылкой, но - в Финляндию. Именно поэтому, может быть, Пушкин эпатировал публику и был откровенен с Милорадовичем.

Мысль об отправке Пушкина в виде наказания за границу, как ни странно, у властей возникала. Обер-прокурор Священного Синода и министр народного просвещения Александр Голицын знал Пушкина по Лицею и даже представлял его среди других выпускников Александру I. В 1818 году Голицын издал инструкцию для цензоров, в которой предлагалось не допускать мысли, противные принятым твердым правилам, обнаруживать и пресекать вольнодумство, безбожие, своеволие, мечтательное философствование и пр. Теперь Голицын предложил выслать Пушкина в Испанию.⁴⁹

Любопытно, что это важнейший эпизод биографии Пушкина, а о нем нет никаких разработок. Кому Голицын предложил эту идею? И почему предложил? Загадочный факт этот остается белым пятном пушкинистики. Александр Тургенев, директор департамента духовных дел иностранных вероис-

поведаний, был подчиненным министра Голицына. Отношения между ними были хорошими, не случайно Голицын предоставил Тургеневу квартиру в своем доме. Тургенев вполне мог обосновать такую ссылку для Пушкина, а Голицын - предложить эту мысль царю. Вариант мог бы и осуществиться, если бы не революция в Испании. Не знаем, стало ли это известно Пушкину и какова была его реакция. Предложение не нашло одобрения, да это и понятно: отправка в Испанию вовсе не стала бы наказанием.

Между тем, причины для принятия мер против вольнодумцев и смутьянов были, с позиций властей, серьезными. В Испании революция. Во Франции убит наследник престола. В Петербурге полиции известно о заседаниях нелегальных организаций, вроде Союза Благоденствия. Пушкин общается с заговорщиками, сочиняя стихи противоположительного содержания. Как и всегда в России, крамолу тогда писали многие (например, вполне лояльный Федор Тютчев). О стремлении Пушкина вырваться на Запад было известно; потакать ему в этом так, как предложил Голицын, царь не намеревался.

Филипп Вигель, член общества "Арзамас" и приятель Пушкина, сформулировал суть дела: "Когда Петербург был полон людей, велегласно проповедующих правила, которые прямо вели к истреблению монархической власти, когда ни один из них не был потревожен, надобно же было чтобы пострадал юноша, чуждый их затеям, как последствия показали... Пушкин был первым, можно сказать, единственным тогда мучеником за веру, которой даже не исповедовал".⁵⁰

Друзья Пушкина, которые понимали цену его дарования, переполошились. Чаадаев помчался к Карамзину, прося заступиться за друга перед императрицей Марией Федоровной и начальником Пушкина графом Каподистрия. Карамзин готов был содействовать, но потребовал от Пушкина гарантий не писать против правительства в течение двух лет.⁵¹ Почему именно двух лет - загадка. Пушкин дает Карамзину такое обещание.

Чаадаев тоже просил заступиться за Пушкина своего начальника князя Васильчикова. Чаадаев, по его собственному выражению, спас Пушкина от гибели.⁵² В хлопоты втянуты Александр Тургенев, просящий своих влиятельных знакомых, Жуковский, обратившийся к императрице, Гнедич, ходатайствующий перед членом Государственного Совета и статс-секретарем Олениным, директор Лицея Энгельгардт. Такого натиска ходатаев Александр I, по всей видимости, не ожидал.

Граф Каподистрия, будущий президент Греческой республики, управлявший пока что русским Министерством иностранных дел, имел большое влияние на Александра и был его доверенным лицом во многих щекотливых международных делах. Хорошо образованный, либерально мыслящий, сторонник отмены крепостного права и организации Совецательного дворянского собрания (то есть конституционной монархии) Каподистрия был среди почетных членов общества "Арзамас", к этому времени уже распавшегося.

Каподистрия буквально вымолил у царя согласие сменить гнев на милость, видимо, доказав тому, что такое решение вызовет одобрение в обществе. Место ссылки было определено: южные поселения колонистов. "Наставление в письме Каподистрии было с любопытной субординацией ценностей: "...можно сделать из него прекрасного слугу государству или, по крайней мере, писателя первой величины..."⁵³ Царь написал резолюцию: "Быть по сему". Мысль, что царь согласился на замену ссылки в Сибирь отправкой Пушкина по службе, чтобы не было шума на Западе, кажется очень соблазнительной, но тогда она не возникала.⁵⁴

Какие конкретно сочинения послужили поводом к ссылке Пушкина, остается неизвестным. И неопределенность дала возможность построить важную часть мифа, что поэт был наказан за политическую активность и, в первую очередь, за оду "Вольность". Однако еще М.А. Цявловский ставил это под сомнение. Он считал, что реальная причина была в эпиграммах на Аракчеева, а "Вольность" тут не при чем.⁵⁵ Нам представляется, однако, что сработали все обстоятельства вместе.

Как явствует из письма Пушкина Вяземскому, Петербург ему так надоел, что он рвался уехать куда угодно и свою ссылку-командировку на юг называл "чужими краями". 5 мая Александр Тургенев сообщал тому же Вяземскому, что Пушкин стал тих и осторожен и даже его в публике избегает. Знакомое поведение опального человека, который боится подвести друзей. Утром он выехал - с верным дядькой Никитой и провожающими друзьями - в сторону Царского Села. Он ехал одетый как на маскарад, весьма экстравагантно: в красной рубаше, подпоясанной кушаком, и в сапогах. В кармане у него лежал свежий паспорт, а вернее, подорожная, которая сохранилась во Франции до наших дней. Ее подарил Пушкинскому дому коллекционер и балетмейстер парижской оперы С. Лифарь.

Другой бумагой в кармане ссыльного было письмо, сочиненное Каподистрия от имени Нессельроде, писанное по-французски, о том, что Пушкин направляется на службу. Письмо это было одобрено Александром I. В нем не содержалось ни намека на ссылку. Фактически Пушкин получил перевод по службе и вез в Екатеринослав главному попечителю колонистов Южного края генералу Инзову приятную весть о повышении в должности: тот назначался Наместником Бессарабии. На проезд коллежский секретарь получил из казны тысячу рублей.

В дороге у Пушкина было предостаточно времени, и вполне вероятно, что он перебирал в мыслях возможности уехать за границу, которые возникали после Лицея. За три петербургских года он предпринимал шаги для выезда несколько раз. И всегда в той или иной форме получал отказы сам или через ходатайствовавших за него влиятельных знакомых. Теперь его отправляли на службу против воли, не туда, куда он стремился. Не исключено, что Пушкин размышлял и о том, как продолжить путешествие за пределы империи.

Глава третья КУРОРТНИК ПОНЕВОЛЕ

...Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы.
Свобода! Он одной тебя
Еще искал в подлунном мире.
"Кавказский пленник" (IV.85)

Выделенные строки были выброшены цензурой, но, по словам приятеля Пушкина М.В. Юзефовича, в рукописи, поэтом ему показанной, строки эти имелись, и Юзефович их выписал.¹

В истории пушкинской ссылки, описанной в сотнях книг, остаются загадки. И первая из них - почему Пушкин, в отличие от всех ссыльных до него и после, отправился в ссылку весело? Суть дела, нам кажется, объяснима, молодой поэт надеялся в ссылке получить свободу, от которой, наказав, его отлучили в Петербурге и к которой он так стремился.

Откажемся пока от предположения, что он намеревался оттуда осуществить свои давнишние планы. В подтвержде-

ние таких намерений перед отъездом его из Петербурга у нас нет доказательств. Тогда, может быть, он рад тому, что едет со слугой и самостоятельно, а не со стражниками и в кандалах? Что он счастливо избежал участи политического преступника? Конечно, ему повезло, но для веселья это еще не повод. Пушкин был пьян после шумных проводов, но и этого недостаточно, чтобы объяснить его приподнятое настроение.

Более радостными для Пушкина были два важных обстоятельства, которые ему сообщил на прощанье, хотя и ворчащий, но добрый Карамзин. Такая ссылка (а фактически - перевод на новую должность) была знаком прощения со стороны царя раскаявшемуся молодому и неводержанному на язык поэту, жестом монаршей доброты, и последовавшей за обещанием поэта не сочинять противоправительственных стихов.²

Более того, Карамзин шепнул (и вряд ли он это выдумал), что месяцев через пять его простят совсем. Пять месяцев, когда одна дорога туда и обратно займет месяца полтора, - вот от чего также можно было веселиться.

Но имелось и еще одно радостное и немаловажное обстоятельство. Согласно общеизвестной концепции, впервые высказанной П. Бартеневым в прошлом веке, Пушкин приехал в Екатеринослав, и там ему повезло: проезжавшее мимо почтенное семейство Раевских взяло его с собой на Кавказ, а потом в Крым. Традиционно это излагается в пушкинистике как случайный подарок судьбы.

Но вот что любопытно: 17 мая, в день, когда Пушкин приехал в Екатеринослав, где была резиденция нового начальства, Карамзин писал из Петербурга в Варшаву Вяземскому: Пушкин "благополучно поехал в Крым месяцев на пять". И - "если Пушкин и теперь не исправится, то будет чертом еще до отбытия своего в ад".³ Значит, Карамзин знал, что Пушкин поедет к Черному морю.

Однако еще интереснее другое письмо. Николай Тургенев сообщает брату в Турцию, в Константинополь, важную весть: Пушкин скоро будет недалеко. Он собирается с молодым

Раевским (то есть с Николаем) в Киев и в Крым. Письмо написано 23 апреля - за 14 дней до отъезда Пушкина из Петербурга в ссылку.

Вот от чего опальный Пушкин радовался: он заранее знал, что из Петербурга, который он глубоко презирал, отправляется в увеселительную поездку, что едет путешествовать, отдохнуть на Кавказ и в Крым, да при этом в хорошей компании. Ничего, кроме двух тысяч долга, он не оставлял, а на дорогу был пожалован тысячей рублей из казны и обещанием друзей прислать еще. Мрачная альтернатива: Сибирские рудники или Соловецкий монастырь, которую устранили его заступники, придавала пушкинскому веселью несколько нервический оттенок.

Почти ничего не известно о дружбе Пушкина с Николаем Раевским-младшим, с которым он сговаривался в Петербурге о поездке, ничего, кроме признания Пушкина в письме брату: "...ты знаешь нашу тесную связь и важные услуги, для меня незабвенные" (X.17).

Ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка, приятель Чадаева, Николай Раевский был на два года моложе Пушкина. Знакомы они были с лицейских лет. Раевский хорошо образован, особенно по части истории и литературы, знал языки и имел несомненное литературное чутье, что позволяло вести с ним нескончаемые дискуссии не как с дилетантом, но как с равным. Они особенно сблизились в трудные для Пушкина месяцы слезки и угрозы наказания.

Раевский оказался среди тех немногих, кто не отвернулся от Пушкина, когда у того начались неприятности. Но что же за услуги, да еще важные и незабвенные, оказал Пушкину Раевский в Петербурге? Ведь такой оценки дружеской помощи не найти больше во всей переписке Пушкина. Ответа на этот вопрос в пушкинистике нет.⁴

Может, выручил материально? Но что незабвенного в этом для Пушкина, любившего сорить деньгами? Такую услугу он не посчитал бы важной. Нам кажется действительно незабвенным в тот период (и поэт понимал это лучше всех)

было спасение от серьезного наказания и разрешение отправиться "под контролем" генерала в отпуск на юг.

Что сделал Раевский? Одновременно с Чаадаевым воздействовал на князя Васильчикова? Или же он, влиятельный сын генерала и героя прошедшей войны, да и сам признанный героем, ухитрился отыскать иные сильные связи, которые оказали давление на Александра I? Этого мы пока не знаем. Но все другие услуги были бы мелки, и Пушкин вряд ли придавал им такое значение. Не случайно проездом через Киев поэт останавливается именно у Раевских, - это тоже было заранее договорено.

Здесь маршрут усовершенствовался, - впрочем, .скорей всего и это Пушкин знал заранее. Семейство Раевских собиралось сперва на Кавказ - отдыхать и лечиться, а уж затем в Крым. Договорились, что по дороге они заберут Пушкина из Екатеринослава.

Пушкин между тем формально ехал на службу - сверхштатным чиновником канцелярии генерала Инзова, Главного попечителя и Председателя комитета об иностранных поселенцах южного края России. Инзов принял молодого чиновника ласково, по-отечески велел осваиваться и отдыхать. О службе и речи не шло, не было возражений и против вояжа с Раевскими на Кавказ. В Петербург от Инзова полетела депеша к графу Каподистрия, что чиновник прибыл и устроен.

Поэт, до этого не видевший ничего, кроме обеих столиц да имений родителей, жадно набирался впечатлений. Дорога шла мелкими городишками. Екатеринослав, хотя и числился губернским центром, был городок захудалый и грязный, как отмечает современник, тоже чиновник Инзовской канцелярии. "...Общество в Екатеринославе, за исключением 2 - 3 личностей, было весьма первобытным... Образ их жизни был самый забулдыжный. Карты, обжорство, пьянство, пустая болтовня и сплетни отнимали все их свободное время".⁵

Тут, глядя ежедневно на тюрьму и исправительную роту, Пушкин обдумывает сюжет "Братьев-разбойников", - историю в духе Шиллера, о двух скованных цепью беглецах из

Екатеринославской тюрьмы, которым удается убедить стражника переплыть вместе реку и бежать. Впоследствии Пушкин сжег поэму, но до нас дошли отдельные части, и в них отголоски мыслей поэта. "Цепями общими гремим..." - говорит он, и его слова обретают историко-философский оттенок (IV.129). В мае 1823 года Вяземский писал Тургеневу: "Я благодарил его (Пушкина - Ю.Д.) и за то, что он не отнимает у нас, бедных заключенных, надежду плавать и с кандалами на ногах".⁶

В Екатеринославе план путешествия на юг оказался под угрозой. Катаясь на лодке по Днепру, Пушкин выкупался в холодной воде и слег с горячкой (острое респираторное заболевание? вирусный грипп? ангина?). Когда через неделю за ним приехали Раевские, они нашли его в "жидовской хате, в бреду, без лекаря, за кружкою оледенелого лимонада" (X.17). Впрочем, это была единственная туча в те дни на его небосклоне.

Кортеж из нескольких карет, колясок и возов: семейство почтенного генерала Раевского, - взрослые дети, гувернантки, прислуга, после еще и телохранители, - продолжил путь с прибавившимся к ним больным Пушкиным. Через неделю, по мере приближения к югу, он уже чувствовал себя лучше. Ему грозила ссылка, а попал он на праздник.

Они направлялись в Минеральные воды и Пятигорск, уже ставшие тогда модными курортами, пить целебные воды и купаться. По дороге представители местных властей встречают известного генерала и его свиту хлебом и солью. Иногда добродушный генерал просит Пушкина: "Прочти-ка им свою оду".⁷ Затем следуют званые обеды у местной администрации. В Таганроге они обедали у градоначальника, в том самом доме, где позже умрет Александр I.

И чем дальше они продвигались, тем жизнь становилась более похожей на райскую. "Дольче фар ниенте", - прекрасное ничегонеделание, как говорят итальянцы, нирвана, как называют это на Востоке. "Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства, жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался". Это он

напишет брату через три месяца - 20 сентября 1820 года, из Кишинева.

К этому мы можем лишь добавить, что такой жизни у Пушкина больше никогда не будет.

Он блаженствует. Он внутренне подготовился к худшему: к изгнаничеству, к изгойству, к отверженности, к лишениям, может, даже к голоду и холоду Соловков. А оказался в вельможной роскоши, окруженный заботой и вниманием, красивыми женщинами, умными собеседниками. Он был в семье, которая стала ему ближе родной. Нигде и никогда он не мог бы чувствовать себя аристократом (чего ему всегда хотелось) и полностью свободным (чего требовал его бойкий ум и недисциплинированный талант).

У него нет никаких обязанностей. Он свободен. Он может ни о чем не думать и ничего не делать, кроме того, что захотелось в данную минуту. "Завтра" для него не существует. Себя он называет "преданным мгновенью" (X.19). Он развлекается и потешает других. А его наблюдения во время путешествия на Кавказ и в Крым, как не раз отмечали специалисты, - поверхностны, отрывочны, содержат ошибки.

По дороге он вписал себя в книгу учета приезжих как недоросля, за что Раевский-старший ласково журит его под звонкий смех дочерей, с которыми Пушкин всю дорогу кокетничает. Он сочиняет эпиграммы, в том числе злые, и они принимаются благосклонно. Он поигрывает в картишки, гоняет верхом в горы, переживает случайные мгновенные романы. Все планы, все заботы и все цели улетели, как ангелы, и его не тревожат. Деньги для Пушкина, полученные из Петербурга, Инзов пересылает ему на Кавказ. В Пятигорске он сходится со старшим сыном Раевского Александром - циником, при том европейски образованным, с ясным умом и точным мышлением. Пушкин, который был моложе на четыре года, попал под его влияние.

Но так ли он в действительности счастлив и беспечен, как это ему показалось с самого начала? Надолго ли он останется в этом состоянии?

Переживания, связанные с отъездом в эту сладкую ссылку, были нелегкими. Теперь обстоятельства разорвали прежние привязанности. Их место заняли другие симпатии. Сложилась новая сфера дружеских и сердечных отношений, из которой к прошлому возвращаться было незачем. "Мне вас не жаль, неверные друзья", - как всегда, его эмоции категоричны, и взгляды послушно рифмуются (II.11).

Всю жизнь Пушкин оглядывается назад и оценивает свое прошлое. Как же он оценит это время? В посвящении к поэме "Кавказский пленник" он скажет:

Я жертва клеветы и мстительных невежд;
Но, сердце укрепив свободой и терпением,
Я ждал беспечно лучших дней... (IV.82)

Отсюда следует, что он понимал: свободы, к которой он рвался, он не получил даже и в этом временном раю. И еще - он "ждал беспечно", значит, упрекал себя, что не добился того, чего хотел. Чего же именно? Суть размышлений автора в поэме "Кавказский пленник" есть стремление героя к освобождению. Он европеец, застрявший у азиатов, задержавшийся из-за любви. Белинский после скажет, что Пушкин сам был этим пленником.

Мысли о загранице, по-видимому, не покидают его. К поэме он выписывает эпиграфом цитату из Ипполита Пиндемонте, а затем вычеркивает ее:

О, счастлив тот, кто никогда не ступал
За пределы своей милой родины...
(Перевод с итальянского. IV.413, 443)

Период нирваны был важным с точки зрения перехода Пушкина от беспечности к самосознанию, к ответственности перед собой за свои поступки. Но - только переходом.

С Кавказа он готовился поехать дальше, в Грузию, куда собирался еще год назад. Николай Тургенев теперь уведомлял брата, находившегося в Турции, что Пушкин движется

туда. А через полгода Пушкин напишет Гнедичу о своем сожалении, что не добрался до границ Грузии (24 марта 1821 года). Что занимало его ум - сама Грузия или ее границы?

По иронии истории через сто лет, в 1921 году тут, на Кавказе, в Батуми, окажутся рядом два других скептика: Михаил Булгаков и Осип Мандельштам. Первый из них добрался сюда с женой, пытаясь эмигрировать из Советской России в Стамбул, но опоздал на один пароход, а в ожидании другого заболел. Не успели уехать тогда и Осип с Надеждой Мандельштамы - это, как выяснилось позже, была последняя возможность. "Бежать! Бежать! - пишет Булгаков в "Записках на манжетах". - На 200 тысяч (полученных, как он сам считал, за халтурную пьесу - Ю.Д.) можно выехать отсюда. Вперед. К морю. Через море и море, и Францию - сушу - в Париж!.. Вы, беллетристы, драматурги в Париже, в Берлине, попробуйте! Попробуйте, потехи ради, написать что-нибудь хуже! Будьте вы так способны, как Куприн, Бунин или Горький, вам это не удастся. Рекорд побил я!"⁸

Пушкин не попытался тогда пересечь границу. Он был вполне доволен представившейся дружбой и - завязывающимся романом с Марией Раевской - младшей дочерью генерала. Снова у Пушкина *cherchez la femme*. Но было и еще одно обстоятельство.

Высылка поэта из Петербурга способствовала его популярности. Ко всем приятным обстоятельствам добавилось еще одно: его имя замелькало в прессе. Осведомитель В.Н. Каразин сообщал, куда следует, о печатных органах, в которых он обнаружил намеки на высылку Пушкина из Петербурга, и требовал обратить внимание на всех авторов. Стихи Пушкина были постоянным предметом разговоров в гостиных. Никто не накладывал запрет на печатание его произведений. Сразу после отъезда поэта брат его с приятелем получили из цензуры поэму "Руслан и Людмила", и она пошла в печать. А через десять дней издатель выплатил для Пушкина гонорар.

С кавказских минеральных источников кортеж Раевских перемещается между тем к побережью Черного моря, сопро-

вождаемый отрядом из шестидесяти казаков с пушкой для устрашения недопокоренных племен. Из Керчи отплывают морем на корабле до Феодосии, там пересаживаются, чтобы плыть в Гурзуф, на военный сторожевой бриг "Мингрелия".

Ночью, плывя на корабле между берегами Крыма и Турции, он записывает строки:

Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волнением и тоской туда стремлюся я...

(II.7)

Можно подумать, он стремится в Крым, куда идет судно. Но далее из стихотворения выясняется, что он стремится к другим берегам:

Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей. (II.7)

Вот и подведены итоги счастливого времени. Не таким уж беззаботным было его пребывание с Раевскими. Он обдумывал побег. Он добровольный изгнанник в том смысле, что никто не гнал его за границу, он рвался туда сам. И рай в России - вовсе не рай. Плыть куда угодно, но только не к берегам родины. Ничего хорошего здесь не было, кроме минутных заблуждений и боли сердца. Вот почему -

Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края... (II.7)

Разумеется, это лишь слова, и не стоит их понимать слишком буквально. Изгойство - традиционная тема романтической поэзии, своего рода литературный штамп. Как позже отметит Ю. Лотман, стилистика литературного поведения Пушкина шла под влиянием романтической литературы.⁹ Но

поэтическое изложение вполне реальных мыслей, проблем, которые его волнуют - неотъемлемая часть пушкинского самовыражения. И именно поэтому мысль об отторжении от печальных берегов родины, высказанная в стихотворении "Погасло дневное светило" весьма важна.

Позже к приведенному стихотворению он напишет эпиграфом слова: Good night, my native land! Byron (II.355). Имя Байрона тогда то и дело упоминалась в семье Раевских. Не без их влияния Пушкин примеривал свою биографию к жизни и поступкам знаменитого англичанина.

В Крыму он флиртует, купается, объедается виноградом, гуляет и резвится, как дитя, но и снова принимается за английский. Он занимается языком не только с Екатериной, старшей дочерью Раевского, которая знала английский прекрасно и помогала поэту переводить Байрона, о чем в биографиях Пушкина говорится, но и с англичанкой мисс Маттон, о которой не упоминают. Маттон ехала в свите Раевских. Занятия с Екатериной по строгим понятиям тех лет были бы нарушением норм приличия: Екатерине было 23, а Пушкину 21. Кто бы позволил им проводить много времени вместе?

Между тем, вояж с Раевскими подходит к концу, и Пушкину, хочет он того или нет, предстоит объявиться на службе.

Глава четвертая КИШИНЕВ: ТРАНЗИТНЫЙ ПУНКТ

...Забыв и лиру и покой,
Лечу за милою мечтой.
Где ж отдохну, молодой изгнанник?..
Из стихотворения, оставше-
гося недописанным (II.28)

Александр Тургенев, сидя в Петербурге, старался быть в курсе дел Пушкина. "Теперь он в Бессарабии с Инзовым,- писал он брату Сергею в Константинополь 11 сентября 1820 года,- следовательно, может быть в сношении с вами".¹ В этот день Пушкин еще был в Крыму. В Кишиневе он появился лишь через десять дней, усталый, весь в пыли, сквозь которую можно было различить крымский загар. Коляска остановилась возле убогих домишек без деревьев. В их тени удавалось укрыться от палящего зноя. Верный слуга Никита стал стаскивать с коляски обтрепанные чемоданы.

В сущности, выезжая из столицы, Пушкин не рассчитывал, что ему придется жить в Кишиневе. Попечительский комитет о колонистах Южного края был распоряжением

сверху переведен сюда только теперь. Инзов, его начальник, уже переехал, и Пушкин явился служить ему.

Старые авторы называют вещи своими именами: Россия оккупировала эти территории дважды в XVIII веке и один раз в XIX-м.² Раньше туркам и австрийцам удавалось отвоевывать их, но после Бухарестского трактата 1812 года, похоже, русские утвердились тут окончательно, получив все земли по левому берегу реки Прут. В местечке Кишала Ноу создавался административный центр управления новой колонией. Город был дотла сожжен русскими еще в предыдущую оккупацию, но за тридцать лет ожил. При других оккупациях это было святое место, принадлежавшее Иерусалимскому патриаршеству.³

Теперь начиналась русификация, в которой Пушкин, как государственный чиновник должен был участвовать. Одной из причин колонизации этого края Россией, как писал историк начала нашего века, являлось то обстоятельство, что население Бессарабии при турках "было не уверено в завтрашнем дне".⁴ Центру управления колонией и предстояло вселять эту уверенность в местное население.

Направляясь сюда, Пушкин следовал как бы в бывшую за границу - ведь он ехал на Запад, в страну, которая только что была "присоединена". Последнее слово есть более удобный и традиционный русский вариант иностранного слова "оккупирована". Какое впечатление произвела на него эта Европейская страна? Филипп Вигель, приятель Пушкина, будущий тайный советник и вице-губернатор Бессарабии, прибыв в Кишинев, написал следующее: "Обширнее, бесконечнее, безобразнее и беспорядочнее деревни я не видывал... Въезжая в нее, ровно страдают и взор и обоняние: она вся состоит в излучистых переулках, униженных лачужками, тесно друг к другу приклеенных. Помои и нечистоты стекаются сюда из всех мест, отсюда впадают в Бык и в летние жары так заражают воздух, что производят повальные лихорадки".⁵

Улицы представляли собой сплошные заборы (защита от воров), дома с маленькими окнами под самой крышей, чтобы

трудней было забраться, да еще обузданные железными решетками и потому похожие на тюрьмы и землянки. Бурные потоки в дождь вымывали со дворов нечистоты и несли их в овраги.⁶

В 1829 году путешественник сообщал: "Стоит только въехать в город, чтобы судить о неисправности полиции, и заглянуть в какое вам угодно Губернское Присутственное Место, чтобы видеть беспорядок в управлении Областью. Нет ни суда, ни правды. Губернаторов до десятка переменялось не более как в течение двух лет, двое из них заглянули только в Присутственные Места и, убоясь бездны, открывшейся пред ними, можно сказать, бежали".⁷

Население Кишинева было смесью востока и запада с преобладанием восточной публики. Там жили болгары, турки, цыгане, французы, итальянцы, греки. Немецкий путешественник И. Коль, побывавший там лет через пятнадцать после Пушкина, отмечает, что главный элемент населения, как и у большинства городов Бессарабии, не молдаване, а евреи, которых насчитывается 15.000. Одна из частей города называлась турецкой. Теперь сюда из России бежали крестьяне, часть, не осев на земле, начинала заниматься разбойным промыслом, другая часть смешивалась с местным населением по цитируемой молдавским историком поговорке: "Папа - рус, мама - рус, а Иван - молдаван".⁸

В сущности, теперь, после курортного раздолья, началась для Пушкина ссылка. Она была неприятная, но не жестокая. Судьба и люди продолжали благоприятствовать ему. Для оперативного управления новой колонией наместник ее подчинялся статс-секретарю (Каподистрии), а тот лично царю.⁹ Здесь Пушкин осознал, что отправка его Каподистрией к Инзову была жестом продуманной доброты.

Попав под начало наместника, Пушкин арендовал в городе часть небольшого домика и начал новую жизнь. Благодаря заботе Каподистрии, Инзов, его начальник, был предрасположен к опеке над молодым чиновником. Холостяк, лишенный к тому же родственных привязанностей, Инзов принялся опекать Пушкина как родного, по-отечески наказывая и прощая

его. За душевную мягкость, незлобивость и нетребовательность наместника именовали не иначе как Инзушко. А ведь он получил должность председателя Верховного Совета Бессарабской области, впрочем, органа, несмотря на одиннадцать человек, его составлявших, весьма незаметного. Говорили, что Инзов – незаконнорожденный сын одного из предыдущих императоров и его имя означает аббревиатуру слов "Иначе Зовущийся". Пятидесятидвухлетний служака, он был скромен и мягок характером, терпим к возражениям. В войне с французами он участвовал вместе с Каподистрией, с которым между боями играл в шахматы. У него было одиннадцать орденов, множество медалей и шпага с алмазами, поднесенная ему за храбрость, но он никогда не кичился прошлыми заслугами.¹⁰

В литературе сообщается, что в канцелярии Инзова был единственный русский чиновник – Кириенко-Волошинов.¹¹ Если это так, то с Пушкиным их было двое. Подчиненные, среди которых было большинство местных, во всю пользовались мягкостью Инзова, чтобы проворачивать свои дела. Взятничество, коррупция, всякого рода злоупотребления процветали в канцелярии с чисто восточным размахом, несмотря на относительную близость Запада.

Вдоль всего юга России образовывались колонии – немецкие, болгарские, еврейские – для развития и освоения края. Инзов по мере сил защищал колонистов от притеснений центрального правительства, стараясь не замечать неисполнения спущенных сверху постановлений. В этом была и негативная сторона. Состояние общественной сферы в Бессарабии было из рук вон плохое. Грязь в Кишиневе стояла и в сухую погоду. Когда к Инзову пришел нанятый на службу иностранец с жалобой, что дом, в котором он живет, со всех сторон окружен водой, Инзов спокойно ответил: "Ведь и Англия на остrove".¹²

Почти пять предыдущих месяцев Пушкин был счастлив, но воспоминания о прошедшем счастье не компенсировали отсутствие оногo в настоящем. Поэт сразу начал скучать. Через три дня после приезда уже пишет брату: "Будешь ли

ты со мной? скоро ли соединимся? Теперь я один в пустынной для меня Молдавии" (X.18). "В пустынях Молдавии", - скажет он и в письме Гнедичу 24 марта 1821 года, а в "Евгении Онегине" появится строка: "В глуши Молдавии печальной".

Пустыня для Пушкина - не географическое понятие, а синоним провинции, азиатчины, отсутствия интеллигентного общества, информации, светской жизни. Сравните, например, слова Пушкина о Ленском: "В пустыне, где один Евгений мог оценить его дары..." (V.35) Слово "пустыня" то и дело повторяется в "Евгении Онегине", в письмах и в стихотворениях именно в таком значении. В Кишиневе Пушкин вспоминает о тех, кого оставил в Петербурге, начинает чувствовать свой собственный ошейник, который все лето не натирал ему шею.

Он умоляет в письмах сообщать ему новости. Ничего хорошего не слышно из Петербурга. Он узнает, что запрещена книга его лицейского учителя Куницына "Право естественное", ибо само употребление слова "право" есть крамола. Слышит о том, что из университета исключено несколько профессоров. Его волнуют отъезды друзей за границу. Пушкин спрашивает, отбыл ли уже Жуковский с Ее Величеством? Узнает с завистью о том, что пока сам он добирался до Кишинева, уехал за рубеж Кюхельбекер.

Кюхельбекер думал отправиться в Дерптский университет - со своим родным немецким - преподавать. А в это время знатный вельможа А.Л. Нарышкин искал секретаря для поездки за границу. При своих связях он без труда оформил паспорта для свиты. И вот Кюхельбекер в Дрездене, затем в Вене, Риме, Париже, Лондоне. Почему же он, Пушкин, это время столь бесцельно проводит в пустыне?

Кюхельбекер выступил в Вольном обществе любителей словесности в Париже с хвалой сосланному Пушкину:

Что для тебя шипенье змей,

Что крик и Филина, и Врана?¹³

Доносы об этом дошли до правительства.

Рассказал ли кто-нибудь из приезжих Пушкину очень важную для него весть, что царь, узнав о том, что Кюхельбекер за границей, сказал: "Не следовало пускать"?¹⁴ Информация очень важная и для Пушкина. Значит, Вильгельма выпустили за границу без согласования с царем, - вот какой демократический расклад. И совершили ошибку, которую вряд ли захотят повторить.

От приезжавших знакомых и незнакомых, из писем с оказией и без Пушкин то и дело узнавал новое о своих друзьях за границей. Без телефона, телеграфа, радио и телевидения, без самолетов и спутников связи, при тех допотопных способах передвижения, при жестокой цензуре и системе перлюстрации почты люди начала XIX века знали друг о друге и о событиях в мире больше, чем их соотечественники до начала распада советской системы.

Из Франции, милой Пушкину, Кюхельбекер писал: "Странное, дикое чувство свободы и надменности наполняло мою душу: я радовался, я был счастлив, потому что никакая человеческая власть до меня не достигала и не напоминала мне зависимости, подчиненности, всех неприятностей, неразлучных с порядком гражданского общества!"¹⁵ Кюхельбекер общался со многими западными писателями, в том числе с Гете, сокурсником которого по Лейпцигскому университету был отец Вильгельма. "Деятельная, живая жизнь пробудилась во мне", - сообщает он в письме к матери, написанном по-немецки. Поездка на Запад была, по его словам, "в высшей степени замечательною, для всей моей жизни, дар моей судьбы".¹⁶

Реальное путешествие по Европе оказалось значительно интереснее воображаемого, сочиненного Кюхельбекером пару лет назад. В Париже он так переполнен впечатлениями, что есть письма, где захлебываясь, он не успевает рассказывать и переходит на перечисления названий, событий, имен. Он чувствовал, что впечатлений хватит на всю жизнь. Волею судьбы так и получилось.

Он решил стать российским культуртрегером, своего рода миссионером русской словесности, и начал читать лек-

ции по истории России и русской литературе, но, надышавшись свободой, несколько забылся и увлекся критикой существующих в России порядков. Его покровитель Нарышкин рассердился, и с помощью русского посольства в течение суток Вильгельма вытолкали из Парижа и отправили в Россию. Такова версия Юрия Тынянова.¹⁷

Известный журналист Николай Греч в воспоминаниях оставил свою версию о возвращении Кюхельбекера: якобы, поэт Туманский помог ему "пробраться в Россию".¹⁸ Не случайно в официальном акте об отставке Кюхельбекера фактически фигурировало безумие ("болезненные припадки"). Александру I стало известно, что Вильгельм собирался в Грецию, - там начиналась революция. В "Евгении Онегине" Пушкин, строя портрет Ленского и имея в виду Кюхельбекера, сначала написал: "Он из Германии свободной привез учености плоды". А потом исправил на "туманной привез учености плоды" (V.33, 491-492). Дома друзья, опасаясь последствий, спротежировали Вильгельма чиновником по особым поручениям к генералу Ермолову - нечто вроде добровольной ссылки. Но наверху считали, что он удален за плохое поведение в Париже.

В то время, как Кюхельбекер в Европе вел жизнь в высшей степени замечательную и активную, Пушкин в Кишиневе, не меняя своих привычек, просыпался поздним утром. Сидя голым в постели, он стрелял в стену для тренировки, а затем холил свои невероятно длинные ногти. В постели он завтракал, сочинял, потом вскакивал на лошадь и часами носился по лесам и полям, начинавшимся сразу позади дворов. Когда солнце клонилось к закату, он появлялся за бильярдным или карточным столом, а затем в гостях. Он волочился за чужими женами, дурачился, например, танцуя вальс под музыку мазурки, дерзил и готов был драться на пистолетах, рапирах или кулаках при любом показавшемся ему недостаточно почтительном слове. Ближе к ночи, если у него не предвиделось свидания, он с приятелями наведывался в "девичий пансион" мадам Майе.¹⁹

Служба его не утомляет, впрочем, говорят, переводчик Пушкин переложил на русский язык несколько законоположений старой территории, которые никому не понадобились. Весь год с него не могут взыскать двух тысяч рублей, которые он остался должен в Петербурге. Жажда наслаждений, задор, склонность к издевательствам и насмешке, подчас жестокой, самолюбие и самомнение, полная бесцельность существования, - вот его облик в представлении случайных наблюдателей в Кишиневе.

А вот о чем сетует в те дни директор лицея Егор Энгельгардт в письме к бывшему сокурснику Пушкина Александру Горчакову: "Когда я думаю, чем бы этот человек мог бы стать, образ прекрасного здания, которое рушится раньше завершения, всегда представляется моему сознанию".²⁰ Возможно, потому Инзов, отечески его опекающий, выделяет для опального чиновника в своем двухэтажном доме две комнаты с окнами в сад на первом этаже. Пушкин охотно переезжает. В доме этом останавливался царь Александр во время визита в Бессарабию.

Круг его знакомых - люди, приехавшие из Европы и говорящие по-французски, да еще русские офицеры, среди них члены тайных обществ, о чем Пушкин не подозревает, хотя и участвует в их политических спорах.

И все же такое представление о поэте в Кишиневе несколько неполно. Для узкого круга лиц, которым повезло стать его друзьями, открывался другой человек, "простой Пушкин без всяких примесей", как выразился Анненков.²¹ Он любопытен, впечатлителен. Он столь щедро талантлив, что не нуждается в длительном времени на обдумывание, работая по принципу: пришел - увидел - сочинил. Он делает предметом поэзии все, что видит, создавая, кажется, из ничего свободный строй ассоциаций. Десять лет спустя он без сожаления напишет приятелю Алексею: "Пребывание мое в Бессарабии доселе не оставило никаких следов: ни поэтических, ни прозаических" (X.255). Но это чрезмерная скромность: в Кишиневе он сочинил почти сотню стихов, включая серьезные поэмы, мелочи, рифмованную матерщину и на-

броски. Он читает все, что попадает под руку. Липранди вспоминает, что будучи уличенным в ошибочном указании какой-то местности в Европе, он безотлагательно берется за книги по географии.²²

Но был еще и третий Пушкин. Он был скрыт для большинства друзей и родных. Этот Пушкин предчувствовал, что он попал в пустынный Кишинев в очень удобный исторический момент.²³

Он рассматривал свое пребывание в ссылке как временное, на несколько месяцев. Но вот протекли полгода, а никаких изменений в его статусе не намечалось. "Изгнанник" - его любимое слово. Он чувствует себя изгоем, отверженным. Наполеона называет "изгнанником вселенной" и сочувственно размышляет о том, как тяжело было опальному императору в ссылке. Произвол бесит его. Как и в то время, когда он был в Петербурге, все его знакомые едут за границу, он остается.

Когда Пушкин соблазнил в Кишиневе жену богача Инглези цыганку Людмилу-Шекору, муж вызвал Пушкина на дуэль. Об этом донесли Инзову. Инзов посадил Пушкина на десять дней на гауптвахту (и сам навещал его, чтобы развлечь), а Инглези немедленно вручил бумаги, что ему разрешается выезд за границу вместе с женой. На другой день Инглези с Людмилой-Шекорой уехали.

Пушкин хотел съездить в Европу, только и всего. Но теперь это его желание, смешавшись с обидой, превращается в настойчивое стремление вырваться. Не поехать, а уехать - вот результат его размышлений, реакция на запреты, на рабскую зависимость от прихотей начальства. Именно здесь Пушкин начинает строить планы, чтобы вырваться из неволи.

Согласно положению, полномочный наместник Бессарабии Инзов не только лично подписывал заграничные паспорта, но лично их вручал. В Центральном государственном архиве Молдавии сохранилось несколько таких документов. Никаких бумаг для получения паспорта не требовалось. У отъезжавшего спрашивались сведения самого неопределенного свойства: "Цель выезда?" - "По торговой надобности".

Но практически каждого выезжавшего знали в лицо, имели о нем сведения и знали, чем он занимается. В паспорт вписывались родственники и прислуга. В таможене с проезжавших бралась дополнительная расписка, что лошади будут возвращены в Россию.²⁴ По поводу родственников и прислуги таких расписок не требовалось. Не давал обязательств и сам выезжающий. Короче говоря, выехать было сравнительно не трудно. Что касается Пушкина, то мог ли Инзов отпустить поднадзорного чиновника?

В стихах кишиневского периода Пушкин рисует себя в виде "добровольного изгнанника". Это, по мнению некоторых биографов, довольно традиционный литературный образ, не более. Литературный двойник Пушкина якобы утверждал, что он добровольно бежал из неволи на волю, то есть сюда на юг.²⁵ На самом деле, никакой литературности в этом не было. Пушкин реально хотел быть изгнанным по доброй воле, то есть, как мы теперь говорим, по собственному желанию.

Документальных подтверждений того, что Пушкин обращался к Инзову с просьбой отпустить его за границу, пока обнаружить не удалось. Но возможно, Пушкин, когда писал, что скоро оставит эту землю и отправится в более благословенную, уже намекал на определенные шаги, им предпринятые. И по понятным причинам подробнее распространяться на эту тему не хотел, хотя и подчеркивал, что "скоро".

Другой вариант: Пушкин специально держал Инзова в неведении, чтобы легче было осуществить побег, - отпадает, ибо сперва поэт пытался выехать легально. Через пять лет в Михайловском, однако, он скажет о болезни, для лечения которой хотел выехать: "Аневризмом своим дорожил я пять лет, как последним предлогом к избавлению, *ultima ratio liberatis*" (X.140). Значит, мысль изобразить болезнь, как предлог для выезда, сообщить наверх, что он смертельно болен, возникла у него в 1820 году. В Михайловском болезнь станет "последним предлогом к избавлению", - по-латыни это звучит еще более весомо: последним поводом для освобождения, оставшимся не использованным ранее, т.е. на юге.

Значит, перед этим выдвигались другие предлоги для отъезда, ибо не может быть последнего повода без предыдущих.

Документов не сохранилось, но логично предположить, что Пушкин верноподданнически просил отпустить его до замысла побега, а значит, до весны 1821 года, то есть вскоре после приезда в Кишинев. Также логично, что он первый раз это сделал "по инстанции", через Инзова. Если Пушкин все же просил Инзова, тот, при всей своей доброте, вынужден был отказать. По собственному душевному порыву добряк Инзов отпустить Пушкина не мог. Инзов понимал, что несет ответственность лично перед правительством, распорядившимся отправить провинившегося чиновника сюда. Он мог пообещать просить своего друга министра Каподистрию замолвить слово за Пушкина. Если Каподистрия это сделал, то в ответ, очевидно, услышал от Александра Павловича раздраженное "Нет". Царь вполне мог считать, что Пушкин будет вести себя в Париже еще хуже, чем Кюхельбекер, - зачем же его выпускать?

А Пушкин надеется. Он хотел бы быть законопослушным и избежать конфликта:

Я стал умен, я лицемерю -
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что Бог простит мои грехи,
Как Государь мои стихи (II.39).

Тем временем он опять принимается писать стихи по-французски, а также начинает переводить на французский Байрона, - своего рода двуязычная практика. Одновременно Пушкин начинает обдумывать новый для него вариант - побег. Жить "на лужиче города Кишинева", как он выражается в письме, ему противно (X.19).

Первые реакции Пушкина всегда образные - и в стихах появляется образ беглеца. Пускай действие происходит на Кавказе - не случайно это пишется именно в Кишиневе. Тут, как писал один из современников, поэт впервые реально

"очутился почти в пограничном городе, что для него было очень важно"²⁶

Перебраться из Кишинева в заграничную Молдавию, казалось бы, не очень трудно. Отношение Инзова к беглецам, буде они задержаны, насколько мы можем судить по другим историям, было весьма терпимым. В конце концов, Пушкин всегда мог сказать, что поехал прогуляться верхом (что он делал каждый день) и заблудился. В худшем случае он отделался бы домашним арестом на несколько дней. Вряд ли Инзов стал бы доносить об этом в Петербург.

Но и недооценивать трудность бегства из Бессарабии не следует. Так, при Инзове было усилено наблюдение на карантинных постах и таможах, и обо всех происшествиях надлежало сообщать ему. И все же Пушкину будет после казаться, что легче бежать из Одессы, а в Одессе - что лучше это сделать в Михайловском. На деле же, в Одессе это будет сделать трудней, чем в Кишиневе, а в Михайловском - трудней, чем в Одессе. Но поймет это он еще позже.

А пока он собирается это сделать в Кишиневе, обстоятельства снова идут ему навстречу. С доброго согласия Инзова Пушкин отдыхает в Каменке, под Киевом. Европа бурлит страстями восстаний, а в Каменке кипят страсти за столом. Его приятели, и среди них будущие декабристы, строят планы переустройства России, о чем ему мало известно. В Каменке Пушкин опять болеет, и заботливый Инзов просит удержать его от возвращения на службу, не пускать в мороз ехать в Кишинев. Вернувшись под крыло начальства, Пушкин выясняет, что социальные волнения докатились до Бессарабии. Один шаг - и он их участник, но этот шаг еще предстоит сделать.

Глава пятая С ГРЕКАМИ В ГРЕЦИЮ

"Недавно приехал в Кишинев и скоро оставляю благословенную Бессарабию - есть страны благословеннее".

Пушкин - барону Дельвигу,
23 марта 1821 (X.23)

Летом 1821 года в Москве, а следом и в Петербурге распространились слухи о том, что сочинитель Пушкин благополучно бежал из Бессарабии в Грецию.¹ Слухи эти приходили с юга. Больше того, Пушкин сам дал им повод. Лишь спустя сто с лишним лет профессор Одесского института народного просвещения В.И. Селинов, сопоставив все известные ему материалы, скажет: "Как мы будем видеть, реальные (выделено Селиновым - Ю.Д.) намерения к отъезду из России у Пушкина впервые зародились в Кишиневе по связи с восстанием Ипсиланти..."²

Намерения к отъезду, как мы теперь знаем, возникли раньше, но сейчас речь именно о кишиневской весне 1821 года, когда Пушкин, что явствует из его приведенного в эпи-

графу письма Дельвигу, изложил свой план в простой и доступной даже непосвященным форме: "скоро оставлю", ибо "есть страны благословеннее". Больше того, он начал предпринимать (и в этом Селинов точен) конкретные шаги по реализации этого плана.

В Кишиневе Пушкин сдружился с Еленой Горчаковой, сестрой своего лицейского товарища, который в это время был уже первым секретарем русского посольства в Лондоне. Пушкин был влюблен в Елену как раз в то время, когда греки, бежавшие из-под турецкого ига в Россию, готовились принять участие в войне против турок. Борьбу эту организовывала этерия - греческая община или партия, одним из вожаков которой был муж Елены Георгий Кантакузин. Среди руководителей этерии был и брат Георгия Александр и четверо братьев Ипсиланти.

В доме Георгия и Елены Кантакузиных был своеобразный центр греческой оппозиции.³ Здесь шла энергичная подготовка к освобождению Греции от турок, и русское правительство, в предвидении войны с Турцией, благосклонно смотрело на эти приготовления. Правительство держало их под контролем через находящихся на русской службе офицеров братьев Ипсиланти и, конечно, через статс-секретаря грека Каподистрию. Александр I даже обещал поддержку Ипсиланти, а Инзов сочувствовал грекам.

Надежды на перемены в России всегда увязывались с внешними событиями. Естественно, что тайные общества офицеров-заговорщиков, будущих декабристов, связывали революционную ситуацию в Греции с возникновением аналогичной ситуации в России. У Пушкина подобных мыслей не было, но, по мнению Ю.М. Лотмана, он их мог слышать от своего приятеля полковника Михаила Орлова.⁴ В конечном счете, Южное общество могло мечтать об освобождении и объединении всех балканских народов, - разумеется, под опекой той же России.

Два слова в названии первого тайного общества декабристов "Общество истинных и верных сынов отечества" можно считать несовместимыми: "истинные" и "верные". В рос-

сийском политическом контексте можно было быть либо истинным, либо верным. Пушкин отличался от офицеров, входивших в общество, по меньшей мере тем, что считал себя истинным, но не верным. Позже он не раз писал, что гордится предками, но презирает отечество. В литературе можно прочесть, что в Кишиневе Пушкин стал даже более радикален, чем в Петербурге, и произошло это под влиянием декабристов. На деле же развитие поэта шло в другом направлении, и, хотя друзья всегда были лучшими философами и политиками, чем он, и всегда влияли на Пушкина, между ними оставалась дистанция непонимания.

Когда поэт вернулся из Каменки, внешние события разворачивались полным ходом и уже вышли из под контроля Петербурга. В Кишинев со всех сторон съезжались греки. Братья Ипсиланти подняли на ноги этерию в Одессе. Оттуда морем уплыли на Родину около четырех тысяч греков. Ипсиланти появились в Кишиневе в конце февраля, и Александр с братом успешно переправились через границу.

Вскоре они издали обращение к грекам, призывающее свергнуть турецкое владычество. Георгий Кантакузин прибыл в турецкую часть Молдавии на помощь Ипсиланти с отрядом из 800 человек. Шестой корпус русской армии получил приказ начать передвижение к границе, и это было воспринято как обещанная поддержка грекам в их "справедливой борьбе за независимость", говоря казенным языком советской прессы.

Пушкин решает присоединиться к греческим добровольцам. Но как практически это сделать и где? Он спешит в Одессу, но опаздывает: добровольцы уже уплыли морем.⁵ "В Одессах, - пишет Пушкин, - я уже не застал любопытного зрелища: в лавках, на улицах, в трактирах - везде собирались толпы греков, все продавали за ничто имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты... все шли в войско счастливица Ипсиланти" (X.22).

Поэт возвращается в Кишинев. Здесь есть путь в Яссы, ближайший пункт за границей. О сборах Пушкина в Кишиневе, последовавших за сообщением о скором отъезде, мы зна-

ем немного. Прежде всего Пушкин озаботился судьбой своего младшего брата Льва, опасаясь, что после бегства старшего брата у того будут неприятности. "Боюсь за его молодость; боюсь воспитания, которое дано будет ему обстоятельствами его жизни и им самим, - пишет он другу юности Дельвигу 23 марта. - Люби его; я знаю, что будут стараться изгладить меня из его сердца, - в этом найдут выгоду". Это единственное из восьми сотен известных нам писем Пушкина оканчивается по-русски, коротко и недвусмысленно: "Прощай" (X.23- 24).

На следующий день Пушкин пишет другое письмо, Гнедичу: "Не скоро увижу я вас; здешние обстоятельства пахнут долгой, долгою разлукой!" Вчерашнее письмо Пушкин вкладывает в только что написанное, и оба письма вместе отправляются в Петербург, не по почте, конечно, а с верной оказией.

В дни, когда Пушкина не было в Кишиневе, искал путь нелегально выехать оттуда третий брат Александра Ипсиланти, Дмитрий, у которого, как и у Пушкина, не было заграничного паспорта. К Инзову пришел кишиневский купец П. Аванностопулос с ходатайством выехать в Италию "по торговой надобности". Без лишних вопросов Инзов распорядился такой паспорт выдать ему, как "жителю города Кишинева и греческому купцу Бессарабии".⁶ В паспорт, по просьбе Аванностопулоса, чиновник канцелярии вписал его приказчика. Под видом приказчика в Грецию выехал Дмитрий Ипсиланти. Писатель и пушкинист Иван Новиков описал эту ситуацию так: "Вельтман (знакомый Пушкину чиновник - Ю.Д.) трунил, что это "только алчущие хлеба, но не жаждущие славы". Пушкин тогда сердился в ответ и жалел, что его не было в Кишиневе, когда Ипсиланти и два его брата покидали Россию. Он непременно уехал бы с ними".⁷

Готовясь к отъезду, Пушкин был в курсе всех греческих дел, следил за ходом событий, собирал сведения и аккуратно записывал в заведенный им "Журнал греческого восстания". То и дело Пушкин навещает оставшегося пока в Кишиневе другому деятелю этерии Михайлу Суццо. Поэт чувству-

ет себя греком, он одержим греческой национальной идеей, как ему кажется, больше, чем те, кто остался в Кишиневе. 2 апреля он записывает в дневник: "Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками я один говорил как грек... Я твердо уверен, что Греция восторжествует..." (VIII.15)

Он перестал быть эгоистом и прожигателем жизни: высокая идея освобождения другого народа, угнетаемого не своими, но чужими оккупантами, вдохнула в него новые жизненные силы.

Не случайно в эти дни Пушкин, получив письмо от Чаадаева, мысленно говорит с ним. Чаадаев всегда пытался доказать ему, что общие проблемы выше частных, что жизнь коротка, и высокие цели делают ее полной. Месяц назад Чаадаев подал в отставку и собирается покинуть Россию. Пушкин вторит Чаадаеву в стихах 6 апреля 1821 года:

Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне
(II.47).

В дневнике он исповедуется Чаадаеву: "Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя" (VIII.16). В мыслях его, как мы после узнаем от него самого, - их совместный вояж за границу.

О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?
(II.48-49)

Пушкину во что бы то ни стало надо каким-то образом срочно попасть в Петербург на несколько дней. Судя по стихам, в мечтах он уже за границей, и не только с греками, но и с карбонариями в Неаполе. Но пока на деле он еще здесь, нужно угадать, как снег на голову друзьям (его выражение), договориться с Чаадаевым, добиться у отца денег. В письме Александру Тургеневу: "...сперва дайте знать минутным

друзьям моей минутной младости, чтоб они прислали мне денег, чем они чрезвычайно обяжут искателя новых приключений". Последние слова он жирно подчеркивает (X.25). В этом же письме сообщает, что ему надо в пакостный Петербург - опять его собственные слова - проститься с Карамзинными, с Тургеневыми, ибо "без вас двух, да еще без некоторых избранных, соскучишься и не в Кишиневе, а вдали камина княгини Голицыной замерзнешь и под небом Италии". В том же письме он прощается с друзьями: "Верьте, что где бы я ни был, душа моя, какова ни есть, принадлежит вам и тем, которых я умел любить".

Он не очень-то верит, что друзьям удастся вытребовать его через посредство каменных жителей Каменного острова, то есть через царскую семью. И поэтому Пушкин просит своего приятеля, офицера Генерального штаба Ивана Липранди, отправляющегося в Петербург, поговорить с отцом и растолковать ему, в чем дело, - не писать же по почте.⁸ Пушкин и не подозревает, что Липранди для такого рода тайных откровений - самая неподходящая фигура.

В эти майские дни 1821 года Пушкин становится особенно энергичным потому, что исполняется годовщина, как его отправили сюда, и терпение иссякло. С надежными людьми уже послана депеша к тому, кто там, в Греции, является главнокомандующим и уполномоченным Тайного правительства. Содержания письма Пушкина мы не знаем, есть только запись в дневнике от 9 мая: "Третьего дня писал я к князю Ипсиланти, с молодым французом, который отправляется в греческое войско" (VIII.16).

Даже после первых поражений греков в сражениях с турецкой армией Пушкин все еще готов туда бежать. Брату он сообщает: "Пиши ко мне, покамест я еще в Кишиневе. Я тебе буду отвечать со всевозможной болтливостью, и пиши мне по-русски, потому что, слава Богу, с моими конституционными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку" (X.26). Но бежать он медлит, возможно, ждет ответа от Ипсиланти.

После эйфории успехов и первых побед отряды греческих волонтеров начали расправы с турками и первые казни, по

жестокости соизмеримые с крутостью восточного нрава оккупантов. "Семеро турков были приведены к Ипсиланти и тотчас казнены - странная новость со стороны европейского генерала", - удивляется Пушкин (X.21-22). Кровавые расправы его возмущают: в другом месте греки перерезали сто ту-рок.

Денег у Пушкина все еще нет, и друзья не спешат помочь. Правда, ссыльный Пушкин исправно получает правительственное жалованье. 1 мая 1821 года ему вручили 7.600 рублей. Хотя долгов полно, отдавать их он не спешит. Вскоре Пушкин получает повестку уплатить долг под страхом полицейского преследования и отвечает, что не может уплатить. Все это время он пытается уговорить отца прислать денег. "Были бы деньги..." - с сожалением напишет он брату Льву два года спустя.

А тем временем общая ситуация постепенно меняется. Греческим лидерам, с которыми он в приятелях и которые могли бы помочь ему, не до него. Зато "до него" агентам тайной полиции. Один из них доносил еще в марте, что Пушкин в кофейных домах публично ругает не только военное начальство, но и правительство. Реакция сверху, по-видимому, смягченная статс-секретарем Каподистриа, быстрая: "...желательно, особенно в нынешних обстоятельствах, узнать искреннее суждение Ваше, Милостивый Государь мой, о сем юноше..."⁹

Инзовская характеристика была составлена в оптимистическом тоне, что вызывало недоверие к самому Инзову, которым Александр был недоволен: Инзов несвоевременно сообщил о подготовке восстания, хотя знал, что Александр Ипсиланти готовил его в Кишиневе. Правительственные чиновники действовали по известному принципу "доверяй, но проверяй". Информацию, помимо бюрократических каналов, поставляли официальные и секретные агенты, в том числе специально прибывавшие из столицы.

В это время агентура сообщила Александру I из Парижа, что секретарь Нарышкина Кюхельбекер собрался ехать в Грецию сражаться за независимость греков. К тому ж третий

лицейский приятель Пушкина, граф Сильверий Броглио вскоре после окончания лицея уехал в Пьемонт, сделался участником освобождения Греции и погиб. Дата его смерти и место остались не установленными. Пушкин услышал об этом, когда сам он рвался туда же, и, возможно, всерьез призадумался.

Тема нелегального перехода границы волновала Пушкина. В наброске стихотворения "Чиновник и поэт" читаем:

- Куда ж? -
"В острог - сегодня мы
Выпроважаем из тюрьмы
За молдаванскую границу
. Кирджали" (II.72).

Кирджали, как теперь выяснено, был историческим лицом. Этеристы без особого труда проходили границу и возвращались в Бессарабию после поражений. В Молдавском архиве сохранились списки, направленные Инзову из Новоселицкой таможни, в которых перечислено по пятьсот человек. Такие же сведения шли Инзову из Скулян - прикордонного пункта на дороге из Кишинева в Яссы. В Яссах был русский консул, который сообщал правительству о многочисленных побегах из Бессарабии. Инзов вызывал к себе представителей Кишиневских властей и выговаривал им, что они способствуют тайному бегству людей за границу.¹⁰

Не очень ясно, в чьих интересах действовал Александр Ипсиланти - грек и русский генерал: в интересах греков, царя или своих собственных. Ипсиланти надеялся заполучить для себя небольшое королевство на Балканах. Он обсуждал разные планы кампании и не мог остановиться ни на одном. Проекты Ипсиланти получали огласку и уже поэтому становились неосуществимыми.

Турецкая армия была вдесятеро сильнее, и греки начали терпеть поражение за поражением. К этому остается добавить вспыхнувшую на турецкой территории эпидемию чумы. Теперь греки бежали опять, на этот раз в Кишинев. За два-

три месяца в городе, как сообщает Вельтман, вместо 12 тысяч греков стало 50 тысяч.

Когда в Румынии началось восстание под руководством Владимиреско, Ипсиланти перебрался в Румынию. О своих планах он сообщил Александру I, прося поддержки, но царь под влиянием Меттерниха решил отмежеваться от дел этерии – общества с неясными целями. При этом Каподистрия и Нессельроде сообщили Ипсиланти тайно, что царь не гневается, но не может помочь. Ипсиланти пришлось отступить к австрийской границе, чтобы бежать, а турецкая армия уже надвигалась. Боясь измены румын, Ипсиланти решил разгромить отряды Владимиреско и тем настроил против себя румын. Греки были разбиты, Александр Ипсиланти бежал в Австрию. Там он был схвачен и посажен в тюрьму. Вышел он лишь в 1827 году и скоро умер. Результат греческого восстания печален: дунайские княжества были опустошены турками.

Надежды Пушкина на бегство к грекам теряли не только реальность, но и привлекательность. Еще недавно Пушкин называл Грецию священной (II.107). Греки, возвращаясь, становились в Кишиневе забулдыгами и алкашами. Да и сама благородная цель – ринуться освобождать Грецию, находящуюся в цепях рабства – постепенно вывернулась для поэта наизнанку.

Позже Пушкин резко писал о полнейшем ничтожестве народа, лишённого энтузиазма и понятия о чести. Н. Лернер указывает, что суждения Пушкина стали столь негативными, что его даже упрекали в симпатии к турецкому игу.¹¹ Спустя три года Пушкин напишет Вяземскому: "Греция мне огадила... пакостный народ, состоящий из разбойников и лавошников..." (X.74). Это была обида.

Позже, однако, Пушкин, отстранившись от личного, стал смотреть на эти события более объективно. В "Кирджали" он вернулся к идее судьбы небольшого народа, ставшего жертвой противоборствующих держав – России и Турции. То, что не сказал Пушкин, договорил Байрон, который, в отличие от русского поэта, сперва отправил на помощь грекам за свой

счет два корабля, а затем появился в Греции сам. "Так как я прибыл сюда помочь не одной какой-либо клике, а целому народу и думал иметь дело с честными людьми, а не с хищниками и казнокрадами... мне понадобится большая осмотрительность, чтобы не связать себя ни с одной из партий..."¹² Греки еще не отвоевали свободу, но уже боролись за власть, разделив этеристов на касты и требуя привилегий лидерам.

Анненков очень точно оценил едва ли не важнейшую черту характера Пушкина, сказав, что у него было "обычное его натуре соединение крайнего увлечения с трезвостью суждения, когда ему оставалось время подумать о своем решении".¹³

Пушкин загорелся освобождением Греции, но вот парадокс: он отправлялся из несвободной страны освобождать такую же, а может, и более свободную, чем его собственная. По крайней мере, оттуда можно было без труда выехать в любую страну, куда душе угодно, - никто на цепи не держал. Не логичнее ли было сперва подумать о собственной стране и о своем народе, раз уж в крови горел огонь желанья сжечь себя на костре справедливости? Тем более, что возможности такого рода имелись в России даже в Кишиневе, где зрели и готовились декабристские ячейки - чем не этерия?

Но в том-то и состояла, на наш взгляд, логика созревания Пушкина. Здесь он уже "доборолся". Он, как и его друг Чаадаев, рано понял, что здесь "вечный туман" (II.33), в России свободой и не запахнет:

Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет (II.40).

Думается, Пушкин искал свободы не для греков, но лично для себя. Он готов был выбираться "через греки в варяги". Суть официального литературоведческого мифа иная. Пушкин остался в России, а не бежал в Грецию потому, что он, как и декабристы, понял: его судьба неотделима от судьбы России. Эта гипотеза представляется патриотически эффек-

тной, но, нам кажется, не соответствует тому, что происходило на самом деле.

Если бы это было так, отчего начинается у Пушкина в это время полоса крайнего негативизма, о котором принято умалчивать? Он раздосадован. Мятежный дух угасает в нем, не разрядившись. Самолюбие делается болезненным. Он составляет для себя особый кодекс прав и свобод привилегированной личности. Худшие черты его характера выходят на поверхность, задавив собой остальные. Он опять игрок, ловелас, дуэлянт. Дуэли вспыхивают по ничтожному поводу. Пушкин вызывает на дуэль человека за то, что тот удивился, что поэт не читал какой-то книги, хотя Пушкин ее читал. Знакомому, который отказался принять вызов, он пишет оскорбительное письмо, рисует на него карикатуру.

Он записывает на клочках бумаги имена своих обидчиков и готов хранить эти бумажки всю жизнь, пока не рассчитается с каждым сполна. Он русский вариант демократа Байрона: человек, который не ценит своей жизни и считает, что имеет право распоряжаться жизнями других. По его собственному выражению, у него был "последний либеральный бред". Он, по его собственным словам, "закаялся".

Итак, он уже не собирается освободить греков, а в обеих столицах новый слух на старый лад. Издатель Михаил Погодин 11 августа 1821 года сообщает приятелю в Петербург: "Говорят, что кишиневец печатает новую поэму "Пленник". Кстати, я слышал от верных людей, что он ускользнул к грекам".¹⁴ Тот же слух дошел до Федора Тютчева.¹⁵

Пушкину плохо, может быть, это депрессия. Он рвет все связи. Кажется, он готов податься куда угодно, хоть в никуда.

Глава шестая БЕГСТВО С ТАБОРОМ

Почто ж, безумец, между вами
В пустынях не остался я,
Почто за прежними мечтами
Меня влекла судьба моя!
"Цыганы", черновик (IV.384)

Так с сожалением он напишет спустя три года, дописывая поэму, начатую на юге.

О периоде этом Пушкиным написано много, большей частью, в стихах, а биографических подтверждений мало, буквально крупницы. Попытаемся их собрать, тем более что это напрямую связано с исследуемой нами стороной биографии поэта.

Желание "на стороне чужой испытывать судьбу иную" не реализуется. Судьба его остается той же, и желание пересечь границу не только не ослабляется, но становится сильней.

В литературных образах этого периода у Пушкина происходит переход от пленника к беглецу. И кавказский пленник,

и разбойники, и цыгане отторжены от нормального общества. В поисках другой судьбы они разорвали предуготовленные этим обществом связи. В конце июля 1821 года Пушкин исчез. Анненков утверждал, что это произошло в 1822 году, но он ошибался.¹

Исследователь бессарабского периода жизни Пушкина Кочубинский произнес речь "Черты края в произведениях Пушкина", позже опубликованную.² Подводя итоги своих поисков, Кочубинский заявил, что летом 1821 года Пушкин решил тайно покинуть Россию и для этого отправился "с цыганской экскурсией" до Измаила.

Сам Пушкин на этот раз хранил молчание. Даже потом, годы спустя, повествуя о своих замыслах, он выражал лишь общие симпатии к цыганам и, особенно, к цыганкам в стихах. Только близкие друзья узнали подробности. Несколько лет спустя он исповедовался об этом своей знакомой А.О. Смирновой, да и то в полушутливой форме и не касаясь целей экскурсии. Строки о том, что поэт скрылся в таборе, были вписаны им самим лишь в экземпляр "Цыган", подаренный князю Вяземскому.

За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил.
Простую пищу их делил
И засыпал перед огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы -
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил (IV.169).

Сам Пушкин эти строки не публиковал. Теперь они весьма произвольно включены в эпилог канонического текста поэмы. В печати же стихотворение-воспоминание "Цыганы" Пушкин и через десять лет поместит для конспирации как перевод с английского. Свое участие в таборе он сделает условным, как будто не он, а кто-то другой прошел через эти приключения:

Я бы сам в иное время
Провожал сии шатры (III. 200).

А в "Евгении Онегине" скажет, что это не он посетил цыганский табор, а... его муза.

И, позабыв столицы дальней
И блеск, и шумные пиры
В глуши Молдавии печальной
Она смиренные шатры
Племен бродящих посещала,
И между ими одичала (V.143-144).

Такая конспирация Пушкина, конечно же, не случайна.

Пушкин считал цыган ветвью индийцев (он писал "индейцев"), париями, изгнанными из своей страны. Подчеркивая их изгойство, он наблюдал стремление русских отторгнуть этих инородцев, узаконив их бесправное положение. Но цыгане, благодаря своему отказу от оседлой жизни, оказались жизнеспособнее и свободнее, чем коренное население. Цыгане кочевали (и по сей день кочуют) по всей Европе, включая Англию.³

В рассматриваемое нами время российские границы не были для цыган помехой. И эту дикую свободу передвижения не раз использовали лица, которые хотели пересечь границу Российской империи нелегально. Этеристы в те годы бесконтрольно: ходили в Молдавское княжество, в Грецию и обратно в Бессарабию с цыганскими таборами по несколько раз в год.⁴

Похоже, местные власти махнули рукой на этих бродяг, не подчиняющихся приказам сверху. Путешествовали цыгане без виз, паспортов, без особых сложностей и преследований пересекали границы, минуя таможенные кордоны, и Пушкин все это хорошо знал. Раствориться в их массе, принять их вид, стать цыганом, - и все остальное произойдет само собой. Пушкин гляделся в зеркало - и сомнения во внешнем

сходстве с данным племенем исчезали. Некоторые черты характера тоже были сходны.

Согласно одной из версий, Пушкина привел в цыганский табор за рекой Бык чиновник той же инзовской канцелярии Дмитрий Кириенко-Волошинов, тот самый, которого в канцелярии считали единственным русским.

О человеке этом мы знаем мало, не знаем ни лет его жизни, ни отчества. Воспоминания Е.Д. Францевой, его дочери, о встречах Пушкина с Кириенко один из пушкинистов назвал малодостоверными в подробностях.⁵ Даже если принять это ограничение, то оно значит, что в основе воспоминания достоверны. Известно, что Кириенко, прожив в тех местах много лет, хорошо говорил по-цыгански. Кириенко вскоре ушел, а Пушкин остался в таборе.

По другой версии Пушкин тогда направлялся в командировку. Версии разнятся, притом весьма значительно. Так, Яковлев, ссылаясь на непоименованные источники, пишет, что Пушкина отправил в Буджацкую степь сам Инзов. Он не раз посылал поэта в дальние командировки в виде наказания, когда домашние аресты с чтением французских романов не помогали. Так, известно, что Инзов лично отправлял Пушкина в Измаил. Следование за табором, возможно, оказалось одной из таких поездок.

Так или иначе, с этого момента поэт неделями не появлялся в канцелярии и подолгу не приходил к себе в квартиру в Инзовском доме. На его исчезновение никто не обратил внимания.⁶

Скорей всего, Инзову не приходило в голову, что Пушкин может сбежать за границу. Отсутствие поэта после очередного скандала в городе, затеянного Пушкиным, Инзова даже устривало. Это успокаивало страсти.

В степи Пушкин встретил табор, пристал к нему и некоторое время кочевал с цыганами, спал под открытым небом у костра.⁷ Дополнительный штрих дает Шимановский. По его мнению, в таборе самого Пушкина звали Алеко - сокращенное имя Александр. И упоминается роман Пушкина с цыганкой.⁸

Сколько времени Пушкин провел с табором, который вскоре разобрал шатры и ушел к юго-западу, - вопрос спорный. "Несколько дней", - говорит Б. Томашевский в примечаниях к собранию сочинений поэта (II.420). Интересно, однако, что по мере изучения деталей этого периода биографии Пушкина срок загула увеличивается - от нескольких дней до более чем трех недель.

Один кишиневский краевед тщательно собрал переходившие из поколения в поколение местные предания, в которых утверждается, что Пушкин находился в селе Долна и в цыганском таборе около месяца, из них около двух недель у него был роман с цыганкой, которую он называл Земфирой.⁹ Намечены даже даты этой своеобразной и весьма таинственной отлучки: с 28 июля до 20 августа 1821 года. Есть у Трубецкого еще уточнение: табор расположился не у села Долна, а у села Барсук, в стороне от дороги Долна-Юрчены. Потом табор снялся с места и пошел к Варзарештам, и Пушкин ушел с ними.¹⁰ Он жил в одном шатре со своей будущей героиней, в которую был влюблен.¹¹

Здесь, в таборе, как бы реализуется тема беглеца, скользящая по стихам Пушкина. Он будто решил примерить на себя, испытать все прелести жизни, которую проходят его герои. Это, так сказать, творческая командировка или, как пишут в газетах, "репортер меняет профессию", если не брать во внимание конечное желание человека, примкнувшего к табору: вместе с табором перейти границу. В поэме "Цыганы", написанной три года спустя, желание это уточнено. Героя "преследует закон", и он, как говорит Земфира, "готов идти за мной повсюду".

Но вот какой парадокс: Пушкин рвется к европейской цивилизации от русского дремучего варварства - а в поэме осуждает цивилизацию, как скопище нравственных пороков.

Противоречие легче объяснить, если мы предположим, что эти мысли вовсе не Пушкина, а Байрона. Это Байрон со своими героями двигается от Западной цивилизации к опрощению, и у Байрона все это логично. А у Пушкина литература становится чем-то вторичным и не имеющим логического

выхода. В результате автор как бы смиряется, зайдя в тупик: "И от судеб защиты нет" (IV.169). Такова последняя фраза "Цыган", написанная, правда, после длинного ряда других столкновений с действительностью. Отметим при этом, что поэма писалась позже, когда поэт явственно ощутил тупик, в котором он находится и из которого не может найти выход.

Что реально происходило в таборе с Пушкиным - узнаем ли мы когда-нибудь об этом? Действительно ли там имело место убийство из-за ревности или это лишь литературный, сюжетный ход, остается неясным.

Судя по тому, что Пушкин везде описывает цыганское племя как мирное и даже прощающее козни извне, мы склонны предпочесть второй вариант. Цыганка, которой он увлекся, согласно легенде, просто изменила поэту и бежала с другим, настоящим цыганом.

Остается загадкой и то, почему Пушкин не ушел с табором за границу. Табор туда не пошел или - Пушкин не пошел с табором? Первое более вероятно. Непокойное состояние за границей Бессарабии, война турков с греками, бандитизм, кровожадность обеих сторон - достаточные аргументы для вожаков табора, в котором много стариков и малых детей, чтобы кочевать по эту сторону границы, где относительно спокойно. Пребывать дальше в таборе становилось бессмысленным, хотя после, по размышлению, Пушкин пришел к выводу, что все-таки надо было остаться, а он, "безумец" ушел.

Мы можем только гадать о состоянии Пушкина, решившего в знак протеста скрыться от всех. Выехать поэту не удалось, а оставаться было противно - и вот естественная реакция: бежать, куда глаза глядят. Но не исключено, что это была, так сказать, пристрелка на местности, репетиция побега, тренировка. Помалкивать об этом впоследствии было весьма разумно. Как всегда у поэта, доминирующую роль и тут играла женщина, которой он был в данный момент увлечен. Эту причину можно было не скрывать, а наоборот, сделать ее главной, что Пушкин и сделал.

Важно отметить и другое обстоятельство. В данном случае, пребывание в таборе было реальным поступком, в отли-

чие от множества других, которые поэт обдумывал, обговаривал, решал и - ничего не предпринимал.

Цыганская тема как часть темы изгойства прошла через всю жизнь Пушкина и обрела симпатию у читателей его не без участия в этом легенд, которыми обросли стихи. С фактами дело сложнее, и кажется, время их уничтожило.

Инзовский дом в Кишиневе исчез. Дом, где жил Пушкин, в середине прошлого века превратился в конюшню.¹² "Теперь на месте тех садов, где Пушкин обдумывал свою чудесную поэму "Цыганы", - писал в местной газете автор, подписавшийся инициалами М.З., - ржут лошади и раздаются руготня конюхов... Стоит ли быть у нас великим человеком?"¹³

Глава седьмая НАДЕЖДА НА ВОЙНУ

Приблизьте хоть мой гроб
к Италии прекрасной!
"К Овидию", 26 декабря
1821 (II.63)

В мае 1821 года Пушкин вступил в масонскую ложу. Это было таинство, но никакой оппозиции в нем не содержалось. В ложе вступали многие, если не все, повсюду, и это была мода вполне разрешенная. Инзов, наместник края, тоже был членом ложи, как и его чиновники, и офицеры, причастные к действительно тайным обществам.

Приятели Пушкина в то время обсуждали "Проект вечно-го мира" французского писателя аббата Сен-Пьера. И в бумагах поэта сохранились об этом заметки. Идеи справедливости Шарля Сен-Пьера были очевидны и привлекательны, но на практике их вряд ли можно было реализовать. Аббат считал, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир на земле. Европейские правительства относились к этой идее с одобрением. Строи-

лись даже прогнозы, когда это произойдет; "возможно, - пересказывает Пушкин идеи Сен-Пьера, - что менее чем через 100 лет не будет больше постоянных армий". Сам он относился к этой идее с нескрываемой иронией, называя Руссо, в пересказе которого узнал о сочинении Сен-Пьера (самого аббата Пушкин не читал), - мальчишкой, идею - абсурдной, а тех, кто поверит в вечный мир, - глупцами (VII.363, 532).

Ритуальные атрибуты масонской ложи - треугольник, циркуль - Пушкин сохранял и позже.¹ А тогда это была для него еще одна попытка удовлетворить природное любопытство и убить время. Никакого проникновения в философию масонства и тем более следования ей не было. Не случайно в момент, о котором идет речь, только что сделавшись мирным масоном, Пушкин с сарказмом писал об идее всемирного братства народов.

20 августа Пушкин покинул цыганский табор, а 21 августа написал письмо в Одессу Сергею Тургеневу, только что прибывшему, по ироническому замечанию поэта, из "Турции чуждой в Турцию родную" (X.27). Пушкин рвется "подышать чистым европейским воздухом", но говорит, что Инзов держит его в карантине, как зараженного "какою-то либеральной чумой". Чума была, однако, настоящая.

Сергей Тургенев направлялся из посольства в Константинополе домой в связи с неожиданным поворотом в дипломатических отношениях с Турцией. Реакция Пушкина немедленная. Очутиться в Греции в связи с восстанием не удалось. На просьбы добиться разрешения заехать на несколько дней в "северный Стамбул" (то есть в Питер) ответа нет. И вот новая идея.

Наверное, Тургенев, как и его братья, привыкший к постоянным просьбам Пушкина, был немало удивлен этой новой его причуде. "Дело шло об моем изгнании - но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня в Бессарабии", - пишет он Сергею Тургеневу (X.27).

Слухи о предстоящей войне, носившиеся с весны и поутихшие, теперь вспыхнули с новой силой, и на этот раз у них было больше оснований. О походе России на Турцию загово-

рили все; думается, эти вести могли дойти до Пушкина, убедив его оставить забавы в степи у костра в связи с открывающейся реальной возможностью действовать немедленно, чтобы снова не опоздать, не остаться у разбитого корыта.

Вот как передает ощущения Пушкина Иван Новиков в своем романе: "Ложась спать, исполненный таких приподнятых впечатлений, Пушкин остро чувствовал близость границы, которая вот-вот могла загореться на картах Липранди изогнутой огневой линией. "Что же, война? - спрашивал он себя, просыпаясь. И эта мысль заставляла его внимательно приглядываться к русскому воинству, которого в Кишиневе было достаточно."²

У нас нет расхождений с Новиковым в понимании эйфорических поступков Пушкина тех дней. Мысли, впечатления, эмоции немедленно выливаются у него в рифмованные строки: наконец-свинец, чести-мести и т.д. Но попробуем облагородить мысли поэта, изложив стихотворение с немудреным названием "Война" вульгарной прозой.

Наконец-то война! - говорит поэт. - Увижу кровь и праздник мести. Сколько сильных впечатлений для меня: звук мечей, трупы солдат и командиров, песни, все это поможет разбудить мой уснувший гений. Вот бы родилась во мне жажда славы и героизма, она бы затмила все надежды юности. Вряд ли и она поможет преодолеть мою лень. Хочу скорее испытать ощущение смерти. "И все умрет со мной..." А пока героизм негде проявить, и я тут таю от скуки, потому что с войной что-то медлят.

Читателя, которого шокирует подобная трактовка, отправляем к самому стихотворению (II.31), которое не приводим ради экономии места. На наш взгляд, оно - пародия. В противном случае, если понимать серьезно, становится не по себе.

Теперь выскажем то, о чем не упоминают Новиков и большинство других пушкинистов, но что почувствовал еще А.М. де Рибас: в стихотворении "Война" отголоски решения Пушкина бежать.³ В отличие от Байрона, Пушкин не был активным борцом за свободу других и в данном случае использо-

вал общественную конфликтную ситуацию для приобретения личной свободы. В написанном тогда же стихотворении "Дельвигу" даже весьма чувствительную проблему славы он истолковывает так:

К неверной славе я хладею...
Одна свобода мой кумир...(II.32)

В традиционном литературоведческом сознании над Пушкиным тяготеет образ победной русской армии, с которым он вырос, армии, которая дошла до Парижа. Война для него - это повторение похода в Европу или хотя бы в южную Европу, возможность движения туда вместе с армией, причем вполне легально и даже героически. На деле все гораздо проще: русская армия наступает, и ты само собой оказываешься за рубежом. Война - это открытая граница. Война - это неразбериха. Война - это когда не до ссыльного поэта. Как только он дождется начала военных действий, вопрос решится сам собой. Стихотворение "Война" вполне оправданно, ибо война для Пушкина - это путь к свободе.

Вот почему поэт так ждет войны и не хочет, чтобы ссылка сейчас кончилась. Вот почему он просит приостановить хлопоты о его возвращении в Петербург, о чем он писал Сергею Тургеневу. Пушкин срочно начинает учить турецкий язык.⁴

Но это лишь намерения. Чтобы осуществиться, они должны, как минимум, совпасть с планами правительства. Когда греки двинулись на румынскую территорию, пошли слухи, что генерал А.П. Ермолов получил приказ выступить с войском на помощь грекам. Армия двинулась, но остановились у границы как бы для ее защиты.

Статс-секретарь Иоаннис Каподистрия от имени Александра I несомненно способствовал формированию намерений русского правительства идти на помощь Греции, что давало возможность захватить у турков новые земли на Балканах. Этерия оказалась удобной пятой колонной, и ее выгодно было поддержать. Когда греческое вооруженное вмешатель-

ство на Балканах стало реальностью, Александр I предложил европейским монархам начать коллективные переговоры с Турцией. Это была незамысловатая хитрость, которую Англия и Австрия сразу раскусили. Державы заявили, что они против умиротворения Греции. Похоже, что война пока отодвигалась.

Турция, почувствовав нерешительность союзников, немедленно ввела войска в Румынию - навстречу греческим отрядам из Бессарабии. А в мае конгресс Священного союза закончился подписанием протокола о праве вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств для подавления революционных волнений. Отдай Александр I приказ о военной помощи грекам, это выглядело бы как поддержка тех революционных волнений, подавлять которые он обязался. Вот почему весной слухи о начале военных действий не подтвердились, и Пушкин об этом быстро узнал. Каподистрия, который уговаривал Александра вмешаться, был отставлен. Этот человек, делавший для Пушкина добро, еще год пробыл в России в ожидании перемен, а затем покинул ее.

Летом, однако, слухи о предстоящей войне поползли снова. Вернувшись в Россию из Европы, Александр I стал смотреть на Балканскую ситуацию иначе. Внутри страны было немало сторонников легкой экспансии, для которых и праведное дело Греции было поводом урвать кусок для России. Чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе Александр Булгаков, известный впоследствии как перлюстратор пушкинской почты, писал брату 15 марта 1821 года: "Что-то выйдет из этого, но дело святое! Постыдно, чтобы в просвещенном нашем веке терпимы были варвары в Европе и угнетали наших единоверцев и друзей. Не имей я семьи и тебя, пошел бы служить и освобождать родину свою, Царьград..."⁵

Официозный русский патриотизм носит своеобразный характер: родиной называется все то, что нужно России. Пушкин тоже, всерьез или нет, говорил, что для России "сбудется химерический план Наполеона в рассуждении

завоевания Индии" (X.17). Захват Кавказа - это лишь некий промежуточный этап, устранение преграды для будущих войн. 28 июня Турции был отправлен довольно надменный ультиматум, а 8 августа русский посланник в Константинополе граф Строганов, а с ним и чиновники миссии отплыли в Одессу.

Воинственная часть русского правительства нажимала на Александра, уговаривая его не упустить удобный момент и напасть на Турцию, и Александр вначале согласился. Вот почему дошел до Пушкина слух о войне. Франции, у которой были свои интересы на Балканах, пообещали отдать часть захваченных территорий. Но Англия и Австрия оказались тверды и заявили, что конфликта такого не допустят. Александр попросту струсил и тем проявил государственную мудрость.

Итак, наверху уже было известно, что война не состоится, а Пушкин по недостатку информации еще ждал ее начала и надеялся на свободу, которую при дележе юга Европы он сможет приобрести для себя. Другими словами, интересы Пушкина и империи в данном случае совпадали, и это частично объясняет мотивы стихотворения "Война". В сущности, поэт оставался пешкой в играх других людей и мало что мог предпринять сам.

Пушкин был одним из чиновников бюрократического аппарата, укомплектованного гражданскими и военными служащими. Аппарат этот, возглавляемый генералом Инзовым, разместился на недавно оккупированных территориях и выполнял несколько задач, среди которых на первом месте стояли две. Основная - русификация захваченных территорий (насаждение русского языка, православия, установление русских порядков, правил и законов, ликвидация недовольных и т.д.) Переводя (хотя и с ленью) местные законы на русский язык, Пушкин, как представитель оккупационных властей, занимался именно этим.

Другой важнейшей задачей местного аппарата была тайная подготовка к дальнейшей экспансии в регионе. Для выполнения разного рода особых миссий в Бессарабию присы-

лались уполномоченные представители из Петербурга, о деятельности которых даже Инзов многого не знал. Иногда это были обычные шпионы, иногда незаурядные личности. Пушкин, открытый для общения, жадный к свежим и умным людям, сблизился с ними и, ничего не подозревая, становился пособником в их делах.

Двойные роли приходилось играть многим, находившимся на службе. Полковник Павел Пестель, глава Южного общества декабристов, впоследствии казненный, прибыл в Кишинев с секретной задачей: собирать сведения об организации, участниках и планах проведения греческого восстания, о чем он подробно доносил правительству. Сначала Пушкин напишет в дневнике о Пестеле: "Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю" (VIII.16). А спустя двенадцать лет Пушкин скажет: "Пестель обманул... и предал этерию, представив ее Александру отраслию карбонаризма" (VIII.23).

Еще более загадочную миссию выполнял другой кишиневский знакомый Пушкина - Иван Липранди. "Он мне добрый приятель, - писал Пушкин Вяземскому 2 января 1822 года, - и (верная порука за честь и ум) не любим нашим правительством и в свою очередь не любит его". Спустя еще три года Пушкин отметил другое достоинство Липранди, добавив, что он соединяет "ученость личную с отличными достоинствами военного человека" (VII.16). Мало таких оценок своим друзьям можно найти в бумагах Пушкина.

Опальность ("не любим нашим правительством", по выражению поэта) была для Пушкина едва ли не высшим показателем значительности личности. Липранди родился в России. Его отец был уроженцем Пьемонта, а здесь ассимилировался. Подполковник Липранди был старше Пушкина на девять лет, бывал в Париже, блестяще знал европейские языки, историю и культуру.

Человек либерально мыслящий, смелый и трезвый в суждениях, Липранди был одним из первых принят в тайное общество. Пушкин близко сошелся с этим штабным офицером, делился творческими замыслами, пользовался его библиотекой. В течение четырех лет они встречались едва ли не еже-

дневно, и несомненно, Пушкин ему исповедовался, как он это всегда делал с близкими по духу людьми. Как уже говорилось, Пушкин не догадывался, а когда узнал, не хотел поверить, что Липранди был секретным сотрудником тайной полиции.

Впрочем, странности Липранди отмечал еще в Кишиневе другой приятель Пушкина, Алексеев, считая Липранди загадочным, "дьявольским", не понимая, откуда тот достает огромные деньги. До Кишинева, будучи в Париже, Липранди выполнял там сыскные дела по русской армии за границей.

Липранди неожиданно выехал из Кишинева в Петербург, а через четыре дня был арестован первый член тайного общества Владимир Раевский.

Липранди вышел в отставку, а после декабрьского восстания тоже был арестован, но ненадолго. Он был уверен: его скоро освободят, что и произошло. Еще через два года царь назначает его начальником только что учрежденной высшей тайной заграничной полиции. Известно, что именно Липранди подослал провокатора к петрашевцам.

О своей деятельности в области военно-политического сыска он впоследствии рассказывал сам. Свою дружбу с Бенкендорфом, Дубельтом и Видоком Липранди не скрывал. В преклонном возрасте этот великий практик доносительства стал теоретиком новой области педагогики, издав проект об учреждении при университетах особых факультетов, "чтобы употреблять их (студентов - Ю.Д.) для наблюдения за товарищами, чтобы потом давать им по службе ход и пользоваться их услугами для ознакомления с настроениями общества".⁶

Этот необыкновенный человек жил подолгу за границей и умер в довольстве и счастье, не дотянув двух месяцев до девяноста лет. Большую часть сведений о своих заслугах перед русским отечеством Липранди унес с собой в могилу. "Гениальным сыщиком" назвал его Анненков. Обширная переписка между ним и Пушкиным, продолжавшаяся несколько лет, таинственно исчезла.

В декабре 1821 года, когда слухи о предстоящей войне еще имели место (а планы Пушкина были связаны с войной), Липранди отправляется в длительную командировку по южным колониям и берет поэта с собой. Официально Липранди поручено расследовать вопрос о солдатских волнениях в 32-м егерском полку в Аккермане (теперь Белгород-Днестровский) и 31-м егерском полку в Измаиле.⁷ Оба полка расквартированы совсем недалеко от границы. К тому же в Петербурге могут предполагать, что волнения связаны с тайной деятельностью офицеров и представляют политическую опасность, так что ничего странного в самом расследовании нет. Чиновник канцелярии Пушкин едет с ним, чтобы, по мнению Инзова, быть при деле.

Но вот что любопытно: Липранди представлялся еще и как военный историк. Он действительно блестяще разбирался в военно-политических проблемах, в частности, на Балканах, и собирал информацию о Европейской Турции, которую уже планировали присоединить к южным колониям России. Липранди знал, а Пушкин мог сообразить, что колонизация и русификация уже захваченных земель, их изучение, освоение, охрана границ, строительство укреплений и военных поселений, развитие промышленности, связи и торговли были этапами, обеспечивающими завоевание следующих территорий.⁸ Липранди тратил большие суммы для вербовки осведомителей на уже захваченных и пока еще турецких территориях, куда он тайно переправлялся и возвращался снова, а так же направлял личных агентов.⁹

Объезжая край, этот чиновник делал больше, чем было известно Пушкину. Последний со своей общительностью, знаниями и способностями к сближению с незнакомыми людьми не мог не помогать Липранди. Видимо, и Пушкину перепала лишняя информация сверху.

Обнаружатся ли когда-нибудь секретные материалы о том, как Липранди использовал Пушкина для своих целей? Доносил ли Липранди о нем наверх и, если да, что именно? Возможно, что и не доносил - у него были другие, более важные функции. Ясно и то, что стоило Липранди захотеть,

и он мог бы отправить или вывезти Пушкина за границу без особых хлопот. Мог, но не сделал. Вместе с тем, нет никаких оснований лишать Липранди человеческих симпатий и привязанностей, в которых он был вполне порядочен. Кроме того, поэт скрашивал и делал, так сказать, более respectable существование этого человека.

Пушкин взял у Липранди французский перевод римского поэта Овидия Назона, судьба которого показалась ему сходной с его собственной. Овидий был сослан императором Октавием Августом в Римские колонии на берег Черного моря, и Пушкин даже думал, что Овидий сослан был именно в места, которые они с Липранди посетили.

Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой - участью я равен был тебе.
("К Овидию", II.64)

Грустно думать, что правовой уровень России XIX века был таким же, а возможно, и ниже, чем в Риме I-го века нашей эры.

Любимая тема отечественного литературоведения - соотношение биографического и литературного в творчестве Пушкина. При этом, когда это выгодно, говорят, что Пушкин отражает собственные мысли и взгляды (например, в экстремистских стихах), а когда не отражает (скажем, политическая индифферентность Онегина) - то это лишь взгляды его героя. Не вступая в длинную полемику, отметим здесь, что мало у кого из писателей была такая близость между литературной фантазией и исповедью, как у Пушкина. Мало у кого литературные ассоциации столь прозрачны.

О, други, Августу мольбы мои несите!
Карающую длань слезами отклоните,

- умоляет Овидий, прося, в случае его смерти, хоть гроб с ним отправить в Италию (II.63). Это, пожалуй, и ассоциациями не назовешь, настолько прямо написано: Август - без

сомнения Александр I, Овидий – Пушкин. И рядом находится элегия "Умолкну скоро я", где мысли о смерти, о том, что веселье улетучилось из души поэта. И стихотворению "Наполеон" он приписывает эпитафию по-латыни: "Неблагодарное отечество...", сравнивая себя на этот раз с Наполеоном.

Пушкин страдает и мечется, а тем временем в Петербурге Александр I в разговоре с великим князем Николаем Павловичем назвал нашего Овидия "повесой с большим талантом", что можно понять как похвалу.¹⁰ Но сыск идет своим чередом. Доносчик сообщает из Кишинева с полугодовым опозданием, что Пушкин вступил в масонскую ложу. Ответная депеша поставит Инзову в упрек, что не обратил внимания на таковые занятия Пушкина. "Предлагается вновь Вашему Превосходительству, – требует начальник Главного штаба князь П.М. Волконский, – иметь за поведением и действиями его самый ближайший и строгий надзор".¹¹

Власти прекрасно знали, что масонские ложи не представляли никакой опасности. Наблюдали за ними для порядка, как за всем остальным. К этому времени руководители лож сами охотно сообщали полиции о своих членах и их занятиях. От европейского масонства русское было практически отрезано и сходило на нет.¹² И Пушкин терял к нему интерес.

Единственное, что скрашивало его существование в кишиневской пустыне, были гости из-за границы. Он с радостью мчит к каждому, надеясь "подышать чистым европейским воздухом" (X.27). Пока Липранди в командировке занимается своими делами, Пушкин знакомится с Луи Венсеном Тарданом, основателем швейцарской колонии Шабо возле Аккермана.

По-видимому, Пушкину было очень интересно понять, почему человек удрал оттуда, куда он сам мечтал отправиться. Тардан ссылался на опасность революции, но ведь она Швейцарии не задела. Поговорили они два часа и общего языка не нашли. Оказалось, что Инзов для развития виноградной отрасли в колонии уговорил Тардана поселиться здесь, обещая содействие в развитии дела.

Теперь Луи Венсен Тардан уже называл себя Иваном Карловичем и писал соотечественникам в Швейцарию, советуя им "не искать счастья в пустынях и лесах Северной Америки, а спешить на плодоносные земли Новой России, где виноградные лозы, персики и шелковица поспевают и рано, и с большим успехом".¹³

И правда, два года спустя в Бессарабию приехали еще несколько семей из Швейцарии. Инзов принял их тепло. "Тардан" стало после маркой бессарабского вина, которое Пушкин продегустировал одним из первых, но не обнаружил в нем никаких свойств, чтобы предпочесть его французскому вину.

Война не состоялась. Официальная версия советских историков о том, почему Александр I не помог грекам, звучит так: "...оказалось невозможным совместить традиционное покровительство России угнетенным народам (sic! - Ю.Д.) с верностью принципам Священного союза".¹⁴ Вместо войны Пушкин пережил землетрясение. Дом Инзова, в котором поэт занимал комнаты внизу, пострадал, сохранилась лишь часть, где жил Пушкин, да и то по стенам пошли трещины. Инзов выехал, а Пушкин продолжал там жить некоторое время. Потом перебрался к своему приятелю Алексею. Алексею стал собирать все сочинения Пушкина, которые нельзя было печатать и даже опасно было держать, - первый сборник поэта в Самиздате.

Глава восьмая ХЛОПОТЫ И ОТКАЗЫ

"Говорят, что Чаадаев едет за границу - давно бы так; но мне его жаль из эгоизма - любимая моя надежда была с ним путешествовать - теперь Бог знает, когда свидимся".

Вяземскому, 5 апреля 1823 (X.49)

С сентября 1821 по апрель 1822 года в переписке Пушкина, если не считать двух писем в январе, имеется провал. При его обильной переписке со множеством корреспондентов хоть что-нибудь должно было уцелеть. Стало быть, в эти полгода Пушкин не писал, да и вообще об этих двух годах его кишиневской жизни мы знаем мало. "Денег у него ни гроша, - пишет о нем Александр Тургенев Вяземскому 30 мая 1822 года, - Он, сказывают, пропадает от тоски, скуки и нищеты".¹

В одном из двух писем, которые Пушкин написал в январе, он сообщает Вяземскому, что у него "лени много, а денег мало" (X.29), а в другом, брату Льву, вдруг вспыхивает надежда на возможность явиться в Петербург: "...я давал тебе

несколько поручений самых важных в отношении ко мне - черт с ними; постараюсь сам быть у вас на несколько дней - тогда дела пойдут иначе" (X.30).

Речь идет, видимо, о просьбе к Жуковскому похлопотать о разрешении Пушкину приехать или о рискованном замысле нарушить ссылку самовольно. Ответа на просьбу не было. Самовольно нарушить ссылку - значило рассердить царя и подвергнуться более серьезному наказанию. И вот уже снова уныние: "Пожалейте обо мне: живу меж гетов и сарматов; никто не понимает меня... не предвижу конца нашей разлуки. Здесь у нас молдованно и тошно..." (X.33). Он устал жить на биваке. Состояние неопределенности с постоянными переходами от надежды к отчаянию удручает его. Он все чаще оказывается подвержен хандре. "В эти минуты, - признается он Плетневу, - я зол на целый свет" (X.43).

Кончается второй, начинается третий год его ссылки. Ссылки бессудной и бессрочной. Право, закон в стране заменены движением указательного пальца Александра Павловича: куда направит он свой перст, туда и двигаться коллежскому секретарю Пушкину. А не пошевелит пальцем, оставаться Пушкину на месте. На сопротивление произволу и нравственные мучения, связанные с этим, а не на творческие дела, уходят силы, нервы, молодость, ум.

О Пушкине уже много пишут журналы в обеих столицах. Критика расточает похвалы, издатели просят от него новых стихов. Ссылного поэта выбирают в действительные члены Общества любителей российской словесности. В тот отрезок времени, о котором мы сейчас говорим, был напечатан портрет поэта с гравюры Е.И. Геймана в виде приложения к отдельному изданию поэмы "Кавказский пленник".

Имя Пушкина начинает появляться и в западной прессе. Первым Европу познакомил с новым именем Сергей Полторацкий, написав о нем в октябрьском номере французского журнала "Энциклопедическое обозрение" за 1821 год. Тридцать лет спустя Полторацкий признался в письме французскому писателю Ксавье Мармье, что те несколько строк "причинили много неприятностей и огорчений тому, кем они

были написаны".² Полторацкого уволили со службы и выслали в деревню под надзор полиции за то, что он упомянул в журнале оду "Вольность" и стихотворение "Деревня", в которых, как он выразился, "поэт скорбит о печальных последствиях рабства и варварства".

Пресса в Англии и Франции начала публиковать переводы стихотворений Пушкина, затем на немецком языке появился "Кавказский пленник". Рецензенты подчеркивали оппозиционность мышления Пушкина. Не остановился и Полторацкий: он продолжал нелегально пересылать на Запад свои материалы и печататься под псевдонимом R.E. Полторацкий сделался страстным собирателем рукописей, изданий и материалов о Пушкине, которые он впоследствии переправлял Герцену и Огареву для публикации того, что здесь запрещено.

Пушкину начали предлагать напечатать кое-что в Европе. Он аккуратно выписывает, что о нем пишут за границей (точнее, что ему удастся узнать об этом) и опасается - не без оснований, что публикации там отрицательно скажутся на всемилостивейшем разрешении побывать в столице. "Князь Александр Лобанов предлагает мне напечатать мои мелочи в Париже. Спасите ради Христа; удержите его по крайней мере до моего приезда - а я вынырну и явлюсь к вам... Как ваш Петербург поглупел! а побывать там бы нужно" (X.39).

Когда Пушкин отправлял приведенные только что строки, он уже написал ходатайство графу Нессельроде, своему высокому петербургскому шефу, с просьбой отпустить его. Мы не знаем, куда он просился - за границу или в Петербург. Но думается, в данном случае, в Петербург. Все же больше шансов. Ни заявления, ни ответа не сохранилось. Есть только письмо, написанное еще через несколько дней, в котором не все ясно. "Я карабкаюсь, - пишет Пушкин брату в Петербург, - и, может быть, явлюсь у вас. Но не прежде будущего года. (Далее часть текста в рукописи тщательно зачеркнута писавшим; видимо, он решил, что следует быть осторожней и не дать этой информации утечь к "промежуточному читателю", то есть цензору - Ю.Д.) Жуковскому я писал, он мне

не отвечает; министру я писал - он и в ус не дует - о други, Августу мольбы мои несите! но Август смотрит сентябрем..." (X.41)

"Карабкаюсь" в этом письме можно понимать как "пытаюсь выбраться" или "предпринимаю попытки". Ходатайство подано ("министру я писал"), а ответа нет ("он и в ус не дует"). Впрочем, отсутствие ответа тоже можно рассматривать как отказ, что Пушкин и делает.

Откуда Пушкин знает, что в этом году не получится ("не прежде будущего года")? Не объяснение ли - такое для нас важное - вычеркнуто в письме? До конца года остается два с небольшим месяца. Считает ли он, что просто мало времени остается, чтобы получить "добро" или кто-то ему сообщил, что ссылка окончится в следующем году? Здесь он повторяет строки из стихотворения об Овидии, на этот раз открыто имея в виду самого себя: молит Александр, чтобы простил. Но надежды мало - "Август смотрит сентябрем". Пушкин заимствует строку из стихотворения Языкова, смысл которой - доброты от царя вряд ли дождешься.

В это время на Веронском конгрессе русское правительство находит общий язык с Францией, Пруссией и Австрией, договорившись о подавлении революции в Испании. В январе, после ультиматумов этих стран, Франция вводит в Испанию войска. Международная ситуация напряженная, и, как всегда в таких случаях, русские власти первым делом обеспечивают порядок и полное молчание внутри собственной страны.

Пушкин обращается с ходатайством министру иностранных дел второй раз совсем некстати, наверное, не посоветовавшись даже с Инзовым: "Осмеливаюсь обратиться к Вашему превосходительству с ходатайством о предоставлении мне отпуска на два или три месяца" (Подлинник по-французски, X.44). Мотив сугубо личный: увидеться с семьей, с которой расстался три года назад.

Отправив ходатайство, он, однако, и сам слабо надеется, осторожно спрашивая в письме, на месте ли царь, и просит напомнить о себе друзьям и родне, которые мало заботятся

о судьбе его. Ему кажется, можно найти каналы, чтобы замолвить о нем словцо у Августа.

Проходит месяц. Нессельроде исправно докладывает государю, последний опять отказывает.³ И нехитрый этот круг замыкается в очередной раз. "Мои надежды не сбылись, - пишет Пушкин Вяземскому, - мне нынешний год нельзя будет приехать ни в Москву, ни Петербург" (X.49). Унылый итог этих своих мытарств Пушкин подведет позже в письме к брату, уже уехав из Кишинева.

Отказы ясно показывали, что легальным путем ему ничего не добиться. Его словно подталкивали к самостоятельным отчаянным решениям, направляя мысли и энергию его на то, чтобы возненавидеть отечество. Ибо - "неприятно сидеть взаперти, когда гулять хочется" (X.46).

Что за мысли у него - каждая просится в эпитафию. Как трудно выбрать что-нибудь другое из его писем - не о хандре, не брань по поводу собственной страны, не о надежде выехать, не о желании бежать. Он начинает называть Кишинев своей тюрьмой, а свое пребывание в нем передает в известном двенадцатистишии "Узник": "Сижу за решеткой в темнице сырой". Поэт мечтает вместе с орлом улететь туда, где за тучей белеет гора, и где синют морские края. Это между прочим, написано дома, скорей всего в постели, когда Пушкин сидел, наказанный Инзовым за хулиганство. Но он мог свободно гулять в большом Инзовском саду и принимать гостей.

Все, что он задумывает, полно романтики. Романтизм - непереносимое направление, своего рода литературная игра. Он живет и творит в неких условных рамках, согласно определенной ролевой игре, как теперь говорят психологи. Он принял эту роль сам, и она наложилась на подходящие черты его темперамента, его мышления, его образа жизни.

Далекий от поэзии человек, Инзов называл странности Пушкина "маской байронизма".⁴ Романтизм на Западе был связан с проявлением роли личности, ее прав, интереса к политической жизни, расширения социальных связей, а значит, свободы передвижения, сочувствия людям, лишенным

этих прав. Эти основы гуманизма на Западе стали в XIX веке реальностью, а романтизм - воспоминанием, иногда сентиментальным, о прошлом. Для России заимствованное это течение было открытием - важным, но умозрительным, неадекватным реальности, которая не совмещалась с чужим романтизмом.

Пушкин находился под влиянием Шатобриана, и исследователями уже отмечалось немалое сходство "Ренэ" и "Цыган".⁵ Затем кумиром его стал Андрей Шенье, а в описываемые годы - Байрон. "...Он хотел и в качестве поэта играть роль Байрона, которому подражал не в одних своих стихотворениях", - считал К.А. Полевой. Драматическая биография Байрона, частично сконструированная им сами, стала предметом обсуждения в гостиных всей Европы. Молодые люди, особенно поэты, от Лиссабона до Москвы имитировали его во всем. Это касалось и конфликта со своей родиной. И Пушкин, и Кюхельбекер, и Грибоедов подражали Байрону.

Когда русский поэт отправился в ссылку, Байрон уже четыре года жил и действовал за границей. Близко познакомившись в Крыму с английским языком и творчеством Байрона, Пушкин обрел эталон для подражания. В Кишинев он явился байроновским двойником (что заметил даже Инзов). Здесь в результате чтения и краеведческих экскурсий дорогу Байрону перебежал Овидий.

Два символа, два кумира, подталкивали Пушкина сразу к двум образцам поведения, то есть к существованию в двух противоположных образах. Байрон звал поэта на борьбу, Овидий - к любимым наслаждениям. Байрон советовал эмигрировать, Овидий - возвращаться в столицу к друзьям. Байрон враждовал со всей Англией, Овидий - только с императором. Овидий казался старомодным, и его привлекательность слабела. Байрон же подталкивал Пушкина к решительности в поступках.

Но был еще и третий вариант поведения, черты характера которого заложила в Пушкина Россия. Пушкин был русским Байроном, или, точнее, Байроном на российский манер, Байроном Сергеевичем, как нежно назвал его Жуковский. А

это означало физиологическую неспособность к поступкам, то, что академик И.П. Павлов назвал основной чертой русского мужика: угасший рефлекс цели. Пушкин загорался, но остывал перед тем, как что-либо совершить.

Тем не менее, Пушкин подражал все больше именно Байрону, хотя разница между ними возрастала по мере того, как замыслам кишиневца предстояло преобразоваться в поступки. Байрон после конфликта с обществом спокойно сел на пароход и уехал из Англии, считая себя изгнанником отечества. Он мог сравнивать себя с древними римлянами, которых в наказание изгоняли к варварам. Пушкин, хотя и вел себя с вызовом, тотчас умолк, когда возник скандал, но был выгнан из провинциальной европейской столицы в еще более глухое место, хотя мечтал попасть из варварского Петербурга хоть в какую-нибудь точку Европы.

Байрон участвовал в революции в Италии, затем в Греции, отдав на это все свое состояние, а Пушкин (при всех его благих намерениях) продувал свое состояние в карты. Не столько поступки, сколько дух Байрона, его литературное мастерство увлекало Пушкина. Он стремился сорвать плоды с веток, до которых он, будучи на цепи, дотянуться не мог.

После смерти Байрона Александр Тургенев писал князю Вяземскому: "Смерть его в виду всей возрождающейся Греции, конечно, завидная и поэтическая. Пушкин, верно, схватит момент и воспользуется случаем". Вопросы байронизма Пушкина в те времена обсуждались более подробно и открыто, чем после канонизации поэта в советское время.⁶ Но оказалось, собственные переживания были для Пушкина важнее беды мировой литературы, и русский поэт пишет нечто чудовищное: "Тебе грустно по Байроне, - отвечает он Вяземскому, - а я так рад его смерти, как высокому предмету для поэзии" (X.74). Не хочется думать, что здесь примешивалась еще и сальериевская зависть.

В жизненных поступках Пушкин просто не дозрел до самоотречения Байрона - тут у него ничего не выходило, и может, это даже унижало его. Что же касается влияния, то немало страниц написано о байронизме Пушкина. В большинст-

ве из них одно и то же: "подпал" - "освободился". Одна часть пушкинистов утверждает, что лишь "южный" период был у Пушкина "байроническим". Другие, что освобождение из-под влияния Байрона было результатом увлечения Гете, когда Пушкин, читая "Фауста", из мятежника превращался в философа, из романтика в реалиста, а из оптимиста - в скептика.

На самом деле, нам кажется, влияние это осталось в произведениях навсегда. Байронизм Пушкина проявился не в том, что "Братья-разбойники" навеяны "Шильонским узником", а "Евгений Онегин", начатый тут, в Кишиневе, 9 мая 1823 года, - подражание шуточной повести Байрона "Беппо" и затем "Паломничеству Чайльд-Гарольда". Думается, Пушкин сперва был байронистом-романтиком, а потом стал байронистом-скептиком, так и не выйдя из-под тени великого европейца. Пушкин призывал и других поэтов писать байроническую поэзию, ибо она "мрачная, богатырская, сильная" (X.23).

Байронизм - не этап, но вся жизнь Пушкина. В заимствованиях этих нет ничего унижающего ни его как поэта, ни зеленую тогда русскую литературу. Когда писатель из отсталой страны приобщает своего читателя к достижениям более высоких цивилизаций, это трудная и вполне благородная задача.

Хотя Пушкин и строил для себя условный мир, который позволял ему выжить в условиях ссылки, жизненные обстоятельства то и дело напоминали ему о себе. Невольно он сравнивал свою судьбу с судьбами друзей. Один за другим они отъезжали за границу, он же томился здесь. Правда, теперь к нему прибавился еще один поэт - Павел Катенин. Знали ли власти, что Катенин принадлежит к тайному Союзу Спасения, одной из ветвей организации Военного общества декабристов, готовившихся к перевороту? Похоже, что нет, ибо вызван он был к тому же генерал-губернатору Милорадовичу и выслан на десять лет "за шиканье артистке Семеновой".⁷

Катенин писал лояльные вещи, стало быть, сослан был не за стихи. А за что же? За фрондерство? Ни возвратиться из

ссылки, ни выехать за границу Катенин не рвался. Он вскоре был прощен, но из собственного имени уезжать в столицы не захотел, и Пушкина уговаривал не нервничать.

Впрочем, Катенин был, кажется, единственным исключением. До Пушкина то и дело доходят сведения об отъездах. Уехал историк, библиофил и писатель Александр Чертков. Пробыв два года в Австрии, Швейцарии и Италии, он собрал обширную библиотеку книг о России на многих языках. В Кишиневе подал в отставку бригадный командир Павел Пуштин. Сбросив мундир с генеральскими эполетами, он собрался в Париж. "Что Вильгельм? есть ли о нем известия?" - спрашивал Пушкин о Кюхельбекере и радовался за приятеля, который набирался впечатлений, гуляя по Европе (X.35). Беспокоится Пушкин за Батюшкова, который психически заболел в Италии. И наконец, слухи о Чаадаеве - последний удар. Как пишет Пушкин, "мне его жаль из эгоизма". Это означает, скорей всего, что он примеривает его судьбу на себя, и себя ему становится жаль.

Потом Чаадаев скажет: "Пушкин гордился моею дружбой; он говорил, что я спас от гибели его и его чувства, что я воспламенял в нем любовь к высокому..."⁸ Пушкин же в кишиневском дневнике 18 июля 1821 года записывал о нем: "Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя" (VIII.16). Это было редкое сродство душ.

До знакомства с Пушкиным Чаадаев прошел с русскими войсками по Европе до Парижа. А в 1820 году, посланный с расследованием в Семеновский полк, где он служил раньше, Чаадаев в докладе царю сообщил о своих виноватых товарищах. За преданность ему предложили пост флигель-адъютанта императора, он, однако, отказался и вышел в отставку. Власти перехватили его письмо, в котором он писал, что в России жить невозможно.⁹ Чаадаев начинает распродавать свою огромную библиотеку и решает уехать из России навсегда. Выбраться ему удастся без особых усилий. Можно понять пушкинскую "жалость из эгоизма": друзья не раз еще до ссылки Пушкина строили планы и предпринимали усилия,

чтобы выехать, но теперь это удалось одному Петру Яковлевичу. Пушкин остается на привязи.

Чаадаев писал: "И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся. Вот что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели..."¹⁰

Как всегда у Пушкина, обида, унижительность положения, сперва проявляются внешне - в раздражительности, злобе, то и дело возникающей ярости, для большинства его знакомых немотивированной. Он и сам писал о себе, что он бессарабский, а потом - бес арабский. Причину пушкинской ярости и негативизма в официальном пушкиноведении принято объяснять социальными причинами. Непрерывно возникающие конфликты, в которых поэт защищает свое достоинство, источники объясняют тем, что Пушкин был беден, был штатским, а не офицером, с маленькой должностью коллежского секретаря. Он не мог сносно существовать, самолюбие великого поэта страдало.¹¹

К сожалению, конфликты подчас провоцировал он сам. Из-за спора, какой танец исполнять, Пушкин вызывает на дуэль командира егерского полка. После примирения в ресторане Пушкин грозит вызвать на дуэль каждого, кто плохо отзовется об этом командире. В дневнике князя П.И. Долгорукова читаем: Пушкин "всегда готов у наместника, на улице, на площади, всякому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России. Любимый разговор его основан на ругательствах и насмешках и самая даже любезность стягивается в ироническую улыбку".¹²

За обедом у Инзова кто-то называет Пушкина молокососом, а Пушкин того винососом, - снова вызов на дуэль. Инзов то и дело вынужден запирает Пушкина дома. Пушкин ходит с тяжелой железной палкой, всегда готовый к драке. И если что-то не по нему, начинает драться не медля. Он спорит со

всеми и готов, едва аргументы иссякнут, вклеить пощечину. В письмах его друзей то и дело мелькают сообщения о том, что Пушкин ударил в рожу одного боярина или дрался на пистолетах, рапирах, а если избить или ранить не удастся, драка или дуэль возобновляются в последующие дни. Он желчен и ненавидит весь свет.

Он всегда один против всех. Даже в общественных делах - поучает он Вяземского - лучше действовать в одиночку. Вяземский предлагал подать коллективную жалобу на цензуру, и Пушкин его отговаривает, что это почтут за бунт. Нет, сражаться с правительством он не хочет. Но обида и унижение остаются и после дуэлей, в которых он рискует жизнью. Оскорбленный ум воспринимает все более остро.

И может быть, главный итог кишиневской жизни - приход Пушкина (как и Чаадаева) к осознанию порочности не отдельных проявлений власти или жизни в этой стране, но страны в целом. И как всегда это тоже происходит в крайних выражениях, с обобщениями, далеко перекрывающими непосредственный повод.

В Европе горит политический костер, а здесь вялое тление жизни, и это удручает поэта. Павел Долгоруков, кишиневский чиновник, вспоминает, что он заходил к Пушкину и тот "жалуется на болезнь, а я думаю, что его мучает одна скука. На столе много книг, но все это не заменит милую - неоцененную свободу".¹³ Отметим про себя это "жалуется на болезнь", хотя он вполне здоров. А пока приглядимся к его настроениям.

В письмах он старается быть сдержанным: "здесь не слышу живого слова европейского" (X.35). В разговоре срывается на крайности. За столом у Инзова говорит, что всех дворян в России надо повесить и он сам "с удовольствием затягивал бы петли".¹⁴ В стихах также нет особого оптимизма:

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,

А человек везде тиран иль льстец,
Иль предрассудков раб послушный (II.110).

И уже прозой дописывает: "Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой". Но и в стихах Пушкин то и дело теперь переходит на крик. Ничего он не ждет от этой земли:

Ничтожество! Пустой призрак
Не жажду твоего покров! (II.103)

Самые нейтральные поводы приводят его к размышлениям о глупости и ничтожности страны, в которой он вынужден жить. Он сочиняет "Песнь о вещем Олеге" - легенду в стихах, а в комментарии с презрением отмечает, что это страна, в которой герб заимствован в Римской империи, где двуглавый орел знаменовал разделение ее на Западную и Восточную. "У нас же он ничего не значит" (II.346). Все нормальное в этой стране вывернуто наизнанку. Вот что автор говорит цензору в своем послании, опубликовать которое - нечего и думать.

Ты черным белое по прихоти зовешь:
Сатиру пасквилем, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Куницына Маратом
(II.112).

Россия не доросла до европейской цивилизации:

Что нужно Лондону, то рано для Москвы
(II.111).

Глубокое презрение к своим братьям по перу испытывает кишиневский узник. Им свобода творчества и не нужна, они вполне довольны той, что им дадена:

У нас писатели, я знаю, каковы:

Их мыслей не теснит цензурная расправа...
(II.111)

В черновом варианте вместо этих строк было размышление о том, во что вылилась бы свобода печати в России, буде она отменена, как на Западе.

Потребности ума не всюду таковы:
Сегодня разреши свободу-нам тисненья,
Что завтра выдет в свет: Баркова сочиненья
(II.366).

Страна настолько, по Пушкину, ненормальная, что, например, у царя рождается 40 дочерей - и все без того, что составляет главное отличие анатомии женщины. Находясь на привязи, Пушкин иронизирует над своим приятелем: "Я барахтаюсь в грязи молдавской, - пишет он Вяземскому, - черт знает когда выкарабкаюсь. Ты - барахтайся в грязи отечественной и думай:

Отечества и грязь сладка нам и приятна"
(X.48).

Пушкин взял строку из Державина: "Отечества и дым нам сладок и приятен". Эту же строку (случайно ли?) выудил Грибоедов для комедии "Горе от ума". Серьезно ее произносит Чацкий или тоже иронизирует? Грибоедов, сидя за границей, возможно, толковал ее серьезно, а Пушкин в грязи молдавской - иронически. На полях он рисует свой автопортрет в старости - во что он превратится, если останется в этой грязи.

Он проникается почти физиологической ненавистью к городу, в котором вынужден пребывать: "О Кишинев, о темный град!" (II.52) - до чего же надоела ему эта дыра. В письмах он называет город Содом-Кишинев (X.55). Пушкин переделывает географию, утверждая, что Кишинев находится на границе с Азией. Брань в рифму обрушивается на это место:

Проклятый город Кишинев!
Тебя бранить язык устанет.
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром, конечно, грянет,
И - не найду твоих следов!

Ну, а какой же выход? Выход в мечтах:

Провел бы я смиренно век
В Париже ветхого завета! (III.140)

Так ответил Пушкин стихотворным письмом на приглашение своего приятеля Филиппа Вигеля приехать погостить в Кишинев осенью того же 1823 года, когда он из Кишинева все-таки вырвался. Что это удастся, Пушкин и не подозревал. Одесса, конечно, была не заграница, но более цивилизованное место. Возможно, он узнал, что планы побега оттуда реализовать легче. И он начал бомбить просьбами (более скромными, чем раньше) своих петербургских друзей.

В апреле 1823 года Пушкин еще не знал, что переедет в Одессу, так как звал Вяземского приехать к нему в Кишинев. А в Петербурге чудачка Евдокия Голицына, бывшая его любовница, пригласила к себе в ночной салон графа Воронцова, который был уже назначен вместо Инзова наместником Новой России - Новороссийской губернии, образование которой завершало объединение и обрусение новых земель, превращая их из колонии в исконное тело империи. Во время исполнения романса на слова Пушкина "Черная шаль" Голицына прошептала на ухо Воронцову о таланте молодого поэта, который сохнет в Бессарабии и расцветет под чутким руководством графа в Одессе.

Вяземский просит Александра Тургенева похлопотать об этом же, а тот отвечает, что уже говорил с министром Нессельроде, а также с графом Воронцовым. Брат Александра Тургенева Сергей был под началом Воронцова в оккупационных войсках во Франции. Дело прошло гладко, Воронцов обе-

щал перевести Пушкина к себе в Одесскую канцелярию. Это была удача.

Еще не ведающий об этом, но, возможно, предчувствующий перемены Пушкин в начале июля отпрашивается у Инзова в связи с ухудшившимся состоянием здоровья лечиться морскими ваннами в Одессе. Придуманная болезнь, о которой он твердил всем встречным, реально помогла. В Одессе Пушкин узнал от самого Воронцова, что переходит под его начало, тогда как сам новый губернатор собирается ехать осматривать владения.

В Кишинев Пушкин мчался, как на крыльях. Город этот был провинцией, а теперь становился задворками: столица края перемещалась в Одессу. Жить, как он писал, "в бессарабской глуши, не получая ни журналов, ни новых книг" (X.38) – он имел в виду западные издания, так как русские он получал, – жить так было невыносимо, а тут прорезалась щель, чтобы дышать.

Инзов расстроился, что Пушкин, для которого он столько старался сделать, легко променивает его на Воронцова. "Разве отсюда не мог он ездить в Одессу, когда бы захотел, и жить в ней, сколько угодно? – жаловался Инзов приятелю Пушкина Вигелю. – А с Воронцовым, право, несдобровать ему!"¹⁵ Но байроническая модель поведения, наложенная на русский характер, являла собой вполне прагматический эгоизм. Русский байронизм строился на презрении к человечеству вообще, праве сильной личности командовать над слабыми и поступать якобы от их имени только потому, что данный байронист считает это целесообразным.

Философия эта имела далекие последствия, но в данном случае все было скромнее и проще. 26 июля 1823 года Инзов перестал быть наместником Бессарабии, сдал должность Воронцову. Останься Пушкин в Кишиневе, он все равно подчинялся бы теперь новому наместнику, и рассчитывать на помощь Инзова в отъезде за границу Пушкин уже не мог: паспорта теперь подписывал Воронцов. Надежды на войну здесь тоже больше не было. Греческие брожения закончились. У

местных властей (скорей всего, не без подсказки сверху) возникла идея выслать этеристов во внутренние губернии.¹⁶

Теперь мы знаем, что Пушкин в своих рассуждениях ошибался. Уехать он мог, и со значительной степенью вероятности можно утверждать, что это ему удалось бы без паспорта. Высылка греков не состоялась. В последующие годы около трех тысяч греков и к ним примкнувших лиц удачно бежали через границу.¹⁷

В этот период начинается перелом в настроениях и мироощущении Пушкина. 1 декабря 1823 года он пишет Тургеневу о своих политических стихах, что "это мой последний либеральный бред, я закаялся..." (X.61) Он осознает, что перемены в этой стране не близки, если вообще возможны. Он становится суеверным. Кто-то заметил, что роковое число "три" тяготеет над Пушкиным в Кишиневе: он провел здесь три года, сменил три квартиры, позже он будет три раза свататься, за жизнь его сменятся три царя и графиня в "Пиковой даме" будет владеть тайной трех карт.

Рассчитывая пробыть в изгнании полгода, Пушкин провел три, причем в основном, под покровительством Инзова, незлобивого человека, терпеливого к нелояльности и сносившего все проделки ссыльного. Если не считать прошений о разрешении вернуться хотя бы ненадолго в столицу, то Пушкин трижды, как мы считаем, готовился бежать из Кишинева за границу: с греками, с армией в случае войны и с цыганским табором. Из этого ничего не получилось, но переезд в Одессу стал реальным.

22 июля 1823 года граф Воронцов, приехавший накануне, объявил Пушкину, что тот будет под его началом воспитываться в нравственном духе. "Приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково", - писал Пушкин брату (X.53). 9 или 10 августа 1823 года, скорей всего, в свите Воронцова, Пушкин отправился из Кишинева в Одессу.

Александр Тургенев писал Вяземскому в его имение Остафьево: "...тебя послали в Варшаву, откуда тебя выслали; Батюшкова - в Италию - с ума сошел; что-то будет с Пушкиным?"¹⁸ Тургенев старался быть в курсе всех планов поэта.

Если датировка пушкинских стихов, приводимая составителями его полных собраний сочинений, верна, в Кишиневе до отъезда в Одессу за весь 1823 год Пушкин написал одно стихотворение из восьми строк - "Птичка".

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать! (II.134)

Говорили, Пушкин действительно выпустил птицу - не свою, а из клетки Инзова. За ассоциацией ходить было недалеко. Удивительно другое: в тот же год стихотворение было напечатано в "Литературных листках", конечно же, с оговоркой для глупых цензоров, что речь идет о выкупе из тюрьмы невинных должников.

До революции "Птичка" была хрестоматийной, ее повторяли все дети, едва выучившись говорить. После революции стихи эти из учебников изъяли, потому что в них есть слово "Бог".

А Пушкин летел птицей в коляске, в кортеже Воронцова, по пыльной дороге к морю. Он понимал, что свободу ему не даровали, но все же надеялся, что из Одессы до нее ближе.

Глава девятая ОДЕССА: ЗА ЧЕРТУ ПОРТО-ФРАНКО

"Правда ли, что едет к вам Россини и итальянская опера? - Боже мой! это представители рая небесного. Умру с тоски и зависти".

Дельвигу из Одессы в Петербург 16 ноября 1823
(X.59)

Об одесской жизни Пушкина написано много, а известно мало. И в этом нет противоречия. Дело в том, что документальных материалов и писем сохранилось от этой поры немного. То, что мы знаем, мы знаем из вторых рук. Третий век назад одесский пушкинист С.Я. Боровой подсчитал, что о жизни Пушкина в Одессе опубликовано 236 работ. Скоро это число удвоится, а новых сведений найдены крупницы. Гостиница "Норд" - единственное сохранившееся здание, где жил Пушкин. Даже место его квартиры не установлено. Возможно, это было правое крыло второго этажа во внутреннем флигеле.¹

Зарегистрировано, что в Одессе у поэта было 90 знакомых – друзей и врагов. Именно благодаря им и их потомкам, до нас доходят сведения, но разобраться в них непросто. Согласно одним источникам, Пушкин считал время, проведенное в Одессе, счастливейшим периодом своей жизни.² Согласно другим источникам: "О подробностях своего одесского житья Пушкин не любил вспоминать".³

Кишиневские и одесские пушкинисты спорят, где Пушкину жилось лучше. Кишиневский автор считает, что лучше было в Молдавии: "В Кишиневе было гораздо больше интеллигенции, более умственно развитой..." В Одессе же "как в муравейнике кишели многочисленные чиновники и дельцы, пресмыкавшиеся перед богатством и начальством".⁴ Одесские авторы другого мнения: Пушкин приехал из захолустья в цивилизованный город. "Одесса – просто маленький Петербург, по крайней мере, в умственном развитии", по выражению современника.⁵ Одессу считали также русским Марселем. Что касается самого Пушкина, то и он поначалу считал, что перебрался из Азии в Европу.

Древние греки называли Черное море Эвксинским, то есть Гостеприимным, и поселение на месте Одессы существовало еще до Рождества Христова. Захватив эти территории в конце XVIII века, русские начали строить порт. Для развития в городе экономики, торговли и привлечения иностранных судов в гавань высочайшим указом здесь было введено порто-франко. Въезжающие сюда пользовались правом беспошлинного ввоза товаров. При этом первое, что было построено в порту еще до указа о порто-франко – таможня, а затем целая пограничная линия для борьбы с контрабандой. Таможенная черта отделяла Одессу от России и делала ее как бы свободным городом. Границу эту охраняли казаки. Город рос и богател очень быстро, но еще быстрее богатели таможенные чиновники.

В Одессу шли обозы с хлебом едва ли не со всей России, на экспорт. Отсюда вывозили уголь, для изготовления которого жгли леса. Русские начинали конкурировать с западными коммерсантами. В Одессу бежали крепостные, солда-

ты-дезертиры, бродяги, каторжники, - становясь "вольными гражданами" и постепенно превращаясь в коренное население Новороссии. Здесь временно или навсегда оседали иммигранты из Европы, Азии и Африки - неудачники, безземельные крестьяне, торговцы - надеясь разбогатеть. Им по решению правительства выдавались пособия. Их - итальянцев, французов, турок, греков, албанцев, сербов, хорватов, поляков, евреев, немцев, - было больше, чем русских. Пушкин вписал бы в этот список армян, молдаван, испанцев - как он сделал это в стихах (V.175). На Армянском бульваре в Одессе русская речь слышалась реже, чем другие языки.

Итальянцы пекли хлеб, делали макароны и конфеты, пели в опере, учили детей музыке. Французы разводили сады, делали вино, содержали отели, рестораны, учебные заведения, бордели, были архитекторами, мебельщиками, поварами, парикмахерами, варили мыло и делали свечи, но часто бросали дело и уезжали обратно. Дольше других задерживались повара, так что еще и во второй половине XIX века одесская французская кухня славилась далеко за пределами города.

Немцы ремесленничали, были кузнецами, каретниками, сапожниками, столярами, портными, типографами. Среди поляков было много богатых, соривших деньгами, были адвокаты, аптекари, потом стало много ремесленников и прислуги польского происхождения. Греки разных сословий держали кофейни и игорные дома или посещали их. Те и другие крутились вокруг организации "Филике этерия", готовившей вторжение в Грецию. Их мало интересовало происходившее в самой Одессе, но осведомители, подсланные русскими властями, исправно доносили о том, что происходило в их среде.

Евреи стекались в Одессу отовсюду, от Испании до Польши, и занимались всем, постепенно откупая у иностранцев магазины и мастерские. По мере обрусения Одессы они осваивали русский язык и культуру. Во время Пушкина в городе было 35 тысяч жителей и небольшой процент евреев. К концу прошлого века, когда Одесса стала четвертым городом России (после Петербурга, Москвы и Варшавы), в ней жило

300 тысяч евреев и сто тысяч русских. Многие русские понимали идиш.⁶

Порт был действительно европейский. Когда Александр I посетил Одессу (за пять лет до Пушкина), в гавани стояло триста кораблей. Торговые, культурные и личные связи соединяли одесситов со множеством городов разных стран, куда добраться отсюда было быстрее, чем из Петербурга или Москвы. Но - информация, приведенная выше, почерпнута нами из дореволюционных источников. Позже советские авторы начали утверждать, что буржуазные историки клеветали на Одессу, называя ее европейским городом. На самом деле, Одесса город русский и украинский.⁷ Теперь пишут также, что иностранцев в Одессе было на самом деле немного, и встретить их можно было лишь в порту и на центральных улицах.⁸

Остальная территория города была не столь уж привлекательна, по поводу чего иронизировал Пушкин, вспоминая Одессу. Поэт Туманский, приехав из Парижа, -

Пошел бродить с своим лорнетом
Один над морем - и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил.
Все хорошо, но дело в том,
Что степь нагая там кругом... (V.175)

Пушкин был объективнее наших научных современников. В письме к Александру Тургеневу от 1 декабря 1823 года он объяснил, что провел три года в "душном азиатском заточении" и теперь чувствует цену "и не вольного европейского воздуха" (X.61). Все поставлено на свои места. Кишиневу он уже все прощает: "мне стало жаль моих покинутых цепей" (X.53).

В идеализированной, показательной Одессе -

Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет югом и пестреет

Разнообразностью живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой... (V.175)

Но реальная картина выглядит несколько иначе.

В Одессе пыльной, я сказал.
Я б мог сказать: в Одессе грязной -
И тут бы, право, не солгал (V.176).

Живописуя подробности жизни в "густой грязи", когда кареты вязнут, а пешеход лишь на ходулях рискует перейти улицу, Пушкин в главе "Путешествия Онегина" не жалел красок (V.176-179). Лавки вдоль улиц торговали зарубежными товарами, но Марсель этот выглядел весьма на русский манер.

Так или иначе, Пушкин попал в молодой город и остановился в гостинице с видом на залив. Французские газеты поступали сюда без цензуры. Позже, между прочим, через Одессу в Россию шел тамиздат, например, "Колокол" Герцена. Здесь был магазин иностранных книг, оперный театр и газета, тоже на французском языке, печатавшая преимущественно зарубежные новости. Когда Воронцов получил разрешение издавать газету, у нее набралось 37 подписчиков. Переоценивать свободу в Одессе того времени не следует. В 1823 году здесь запретили газету, которая существовала четыре года. Причиной запрета было нарушение редактором правила, не разрешающего печатать самостоятельные статьи на политические темы. Такие статьи можно было только перепечатывать из официальных органов.

Пушкин продолжал числиться по Министерству иностранных дел в звании коллежского секретаря и поступил в дипломатическую канцелярию Новороссийского генерал-губернатора. Ссылкой все это можно было назвать с большой натяжкой.

Сорокалетний генерал-адъютант Воронцов, умный и просвещенный либерал, получивший блестящее образование на

Западе, был полон энергии и планов действовать в духе герцога Ришелье, главного устроителя Одессы. О Пушкине он наслышан от общих знакомых и готов ему покровительствовать. Воронцов "принимает меня очень ласково..." - сообщает Пушкин брату (X.53). С собой Воронцов привез большую группу молодых чиновников из хороших семей и сделал это с вполне определенной целью. До этого Одессой управляли иностранцы. Теперь здесь формировалась русская администрация, появлялась русская интеллигенция. Русское дворянство оказывалось в центре культурной жизни города, что было полезно и с точки зрения русификации края.

Пушкину опять везло: дипломатическая канцелярия, в которой он служил, ведала внешней торговлей, изучением колебаний курса валюты и хлебных цен на рынках Европы, а также собирала сведения о политических аспектах конфликтов в Греции и Испании. Канцелярия держала связь с иностранными консулами в Одессе, занималась проблемами судоходства. Особенно интересно для рассматриваемой нами темы, что канцелярия ведала также вопросами эмиграции и иммиграции.⁹ Правда, сам Пушкин был весьма далек от служебных дел и вряд ли в них вникал. Само понятие службы отвращало его даже от тех дел, которые ему лично были бы весьма полезны.

Воронцов открыл для Пушкина личный архив и огромную библиотеку, которую привез из Лондона. Жене своей, Елизавете Ксаверьевне, красавице и умнице, Воронцов поручил опекать одинокого и талантливое поэта. Перед Пушкиным открылись уникальные рукописи, политическая и философская литература всего мира, в том числе русская и о России. Жадный пушкинский ум стал развиваться без ограничений, черпать темы, сюжеты, мысли, которые впоследствии поэт использовал всю жизнь.

Он гуляет по Одессе в черном сюртуке и фуражке или черной шляпе с неизменной тяжелой железой палкой. Он такой же, как и раньше, искатель приключений и картежник. Вместе с тем, он любознательный читатель, остроумный, словоохотливый собеседник, многим добрый и сердечный

приятель. Иллюзия Европы, однако, не может ему заменить саму Европу. Поэтому несмотря на обширный круг знакомых, состояние одиночества у Пушкина в Одессе не только не становится слабее, но вскоре обостряется. "У меня хандра", - жалуется он в письме к брату (X.54). "У нас скучно и холодно. Я мерзну под небом полуденным", - сообщает он Вяземскому (X.55). "Вам скучно, нам скучно: сказать ли вам сказку про белого бычка?.. скучно, моя радость! Вот припев моей жизни", - тоскует он в письме к Дельвигу (X.58). И так из письма в письмо.

Чем же он скрашивает скуку? "Недавно выдался нам денек, - исповедуется он Вигелю, - я был президентом попойки - все перепились и потом поехали по блядам" (X.57). Умеющий точно подмечать происходящее в людях, его особый приятель Липранди находит Пушкина "более и более недовольным".¹⁰ "Хороша и наша civilisation! - пишет между тем Пушкин Вяземскому 4 ноября 1823 года. - Грустно мне видеть, что все у нас клонится Бог знает, куда..."¹¹

Это происходит вскоре после переезда в Одессу. Состояния эйфории хватило не надолго. Перед рождеством граф Воронцов, которому не удается привлечь Пушкина к серьезным занятиям (не в канцелярии, нет, но важным для самого поэта), осторожно просит Филиппа Вигеля, зная, что тот близкий приятель Пушкина, склонить его к тому, чтобы заняться чем-нибудь путным.

Вигель был фигурой не менее любопытной, чем Липранди, но в другом плане. Хитрый, умный и лукавый, он умел трактовать события во многих ракурсах, в зависимости от того, с каким собеседником имел дело. При этом себя всегда умел выставить в выгодном свете и делал на этой своей способности неплохую карьеру, Доносами он не гнушался. В истории стал известен доносом на Чаадаева и его философические письма. Вигель был гомосексуалистом, что Пушкин отмечал с некоторой иронией. Приятель Пушкина Соболевский написал на Вигеля следующую эпиграмму:

Счастлив дом, а с ним и флигель,
В коих свинства не любя,
Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
В шею выгнали тебя!

Этот человек, по просьбе губер́натора Воронцова, должен был положительно влиять на Пушкина.

Тем временем Пушкина издают в столицах и, по слухам, государь-император готов с ним помириться.¹² Публикации поэта не радуют, как прежде: "Мне грустно видеть, что со мною поступают, как с умершим, не уважая ни моей воли, ни бедной собственности" (X.64).

Пушкин встречается грека-предсказателя (по другим данным, гадалку). Тот (или та) в лунную ночь везет Пушкина в степь и, спросив день и год его рождения, что-то долго бормочет, потом произносит заклинания, обращенные к небу и, наконец, сообщает что Пушкин умрет от лошади или от беловолосого человека и что у поэта будут два изгнания. Не исключено, что Пушкин понимает второе изгнание, как путь на чужбину. Он начинает торопить события.

Наблюдатель с чутьем профессиональной ищейки, Липранди записал свое ощущение от встречи с Пушкиным той зимой: "Я начал замечать какой-то abandon в Пушкине..."¹³ Бартенев перевел это слово как "заброшенность, ожесточение". По-английски это значит "покидать, оставлять". Пушкин страдает в "прозаической Одессе", когда на свете существует "поэтический Рим" (X.61). Батюшков, находящийся в Неаполе, назвал Одессу "русской Италией", а Пушкину теперь охота в настоящую Италию, то есть нерусскую.

И снова, как в Кишиневе, в связи с разными мыслями, все чаще посещающими его, он хочет повидаться с младшим братом: "Если б хоть брат Лев прискакал ко мне в Одессу!" (X.59) Письма его к брату шли из Одессы, минуя почту. Пушкин передавал их с отправлявшимися в Петербург чиновниками Воронцова и, значит, тоже до конца не мог быть откровенен.

Восемнадцатилетний Левушка, которого друзья с легкой руки их общего друга Соболевского звали по-английски Lion, прискакать не торопился, отвечал не очень охотно, да и часто был занят. Как писал тот же Соболевский, -

Пушкин Лев Сергеич,
Истый патриот:
Тянет ерофеич
В африканский рот.¹⁴

Никогда еще тяга за границу не была такой сильной. Скитания в одиночестве по побережью, горькие раздумья, общая ситуация заставляли действовать. Никогда еще свобода не была столь близка: вот она - на другом берегу. Кажется, можно дотянуться рукой.

Одесса открывала перед ним морской путь через Босфор в Средиземное море. Хаджибейскую бухту заполняли паруса и флаги всех цветов. Здесь швартовались у причалов и бросали якоря на рейде корабли из Италии, Англии, Америки. Пушкинист Леонид Гроссман замечает: "Нигде план избавления от тисков царизма не был так близок к осуществлению, как именно здесь".¹⁵ Замыслы зрели у Пушкина давно, а должны были реализоваться именно тут, в 1824 году. Вопрос был только в том, каким именно способом.

В Одессе Пушкина мало кто знал. Встречая его в порту или на побережье, на него просто не обращали внимания. Это было удобно. Он доучивался английскому, освоил здесь итальянский и даже немного испанский. Он собирается покончить со своими старыми привязанностями: "Возможно ли, чтоб я еще жалел о вашем Петербурге?" (X.62) Чего же он хочет оставить тут, какую память о себе? Он не очень-то щедр: "я желал бы оставить русскому языку некую библейскую похабность" (X.62). Вот и все, большего отечество не заслуживает.

На всякий случай он спрашивает у друзей адрес Якова Толстого, своего петербургского приятеля, который отбыл в Париж (X.64). В письме брату, посланном с оказией, которую

поэт специально поджидал, Пушкин обижается на Льва, который все никак не появится, а надо бы, "иначе Бог знает, когда сойдемся". Происходящее вокруг все явственнее выводит его из себя: "Душа моя, меня тошнит с досады - на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость - долго ли этому быть?" Это - большое письмо, отправленное в Петербург между 13 января и началом февраля 1824 года, миновавшее перлюстрацию и очень важное (X.65-66). За ним стоит много несказанного, недоговоренного, нам придется возвращаться к этому письму в последующих главах. А пока лишь еще два сообщения из этого послания, требующие пояснений.

"Ты знаешь, что я дважды просил Ивана Ивановича о своем отпуске чрез его министров - и два раза воспоследовал все милостивейший отказ".

Разные Иваны Ивановичи встречаются в письмах Пушкина. Среди них Иван Иванович Мартынов, директор департамента Министерства народного просвещения, который был куратором лицея, и даже французский классик Иван Иванович Расин. В данном же тексте - и в этом нет никакого сомнения - Иван Иванович - это Александр I. Даже и в письме, посланном не по почте, Пушкину не хочется называть царя прямо.

Значит, прошения дважды шли через министров Каподистрия и Нессельроде. Здесь имеются в виду два ходатайства Пушкина о выезде за границу, на которые он получил отказы. Первым на обстоятельство, что это были прошения отпустить поэта за границу, обратил внимание М. Цявловский.¹⁶

Что же оставалось делать Пушкину? "Осталось одно, - поясняет далее Пушкин брату, - писать прямо на его имя - такому-то, в Зимнем дворце, что против Петропавловской крепости..." Иван Иванович, как мы видим, получает точный адрес.

Этого третьего прошения Пушкин посылать не стал. Предыдущие разы отказы были "все милостивейшими", значит, мнение самого Ивана Ивановича почтительно спросили, и он

не изволил разрешить. Чего же ждать в третий раз? Нет, надо самому устраивать свою судьбу, рассчитывать только на себя. И сделать это надо, не привлекая к своей персоне внимания начальства. В голове поэта вызревают планы побега.

Как раз в эти дни Пушкин едет в командировку в Бессарабию вместе с Липранди. Генерал Сабанеев, принимая гостей из канцелярии Воронцова, предлагает Пушкину повидаться с заключенным в тюрьму Тираспольской крепости кишиневским приятелем поэта Владимиром Раевским. В свое время Пушкин, услышав от Инзова, что Раевскому грозит арест, успел предупредить того, и Раевский сжег лишние бумаги. Теперь Пушкин отказывается от предложенного свидания под предлогом необходимости попасть в Одессу к определенному часу. Но какова была истинная причина? Пушкин отказался от свидания в тюрьме с Раевским, по мнению Тынянова, просто испугавшись провокации.¹⁷ Возможно, Пушкин решил, что это привлечет к его персоне внимание, а именно этого он сейчас не хотел.

Глава десятая ПУТЯМИ КОНТРАБАНДИСТОВ

Для неба дальнего, для отдаленных стран
Оставим берега Европы обветшалой;
Ищу стихий других, земли жилец усталый;
Приветствую тебя, свободный океан.
Черновой набросок (II.139)

Это поистине космическое желание поэт высказал в конце 1823 года.

Если весь одесский период плохо документирован, то это в еще большей степени относится к фактам, которые Пушкин намеренно скрывал от чужих глаз по причинам, не требующим объяснений. Но и биографы Пушкина были вынуждены иногда изъясняться еще туманнее, чем сам поэт, не без оснований опасавшийся перлюстрации своей почты. Например, о причине, по которой Пушкин перебрался в Одессу, в исследовании пятидесятых годов советского периода говорится так: в Одессе "он надеялся стать свободным".¹

"Стать свободным" может означать и просто окончание ссылки.

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! - зываю к ней...

Но далее следуют строки, не оставляющие сомнения в его цели. Они настолько важны для нашего анализа, что их необходимо процитировать.

Брожу над морем, жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный берег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил (V.25-26).

Пушкин размышляет о побеге в стихах, в письмах и, наверное, устно. Он собирается на южное побережье Средиземного моря, планируя очутиться в Африке. Александр Тургенев, его благодетель, зовет Пушкина в письмах "африканцем", и Пушкин словно хочет оправдать это прозвище.² Африку сменяет мысль об Италии.

Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас... (V.25).

"Нет" в этих строках несет полемическую нагрузку. Поэт спорит с теми, кто считает, что он Адриатическое море и реку Бренту не увидит, а может быть, и с теми, кто не хочет его выпустить. В этом "нет" упрямство, настойчивость, вера в возможность выскользнуть из страны-тюрьмы.

Ночей Италии златой

Потом в письме, посланном не по почте, Пушкин говорит, что собирается в Турцию, в Константинополь (X.65). О Константинополе он размышлял, возможно, еще и потому, что от рождения был с ним породнен. Его назвали именем Александр в честь Александра, архиепископа Константинопольского, о чем Жуковский напомнил ему в письме.³

Пушкин находится в наиболее удобной точке: из Одесского порта в принципе можно выбраться куда угодно. До Константинополя отсюда рукой подать. Но вдруг, придя домой и набрасывая на клочке бумаги так и не оформившиеся потом в стихотворение строки, Пушкин сообщает, что берега Европы обветшали и его не устраивают. Может, он имеет ввиду Азию, - но разве она не обветшала еще больше? Куда же тогда он нацеливает стопы?

Бывший генерал-губернатор Одессы Александр Ланжерон, который был почти втрое старше, становится приятелем Пушкина. Смещенный с поста в связи с изменением внешнего и внутривластного курса русского правительства и потому обиженный на Александра I, Ланжерон нашел в Пушкине сочувствие и понимание. Сближали их поначалу и литературные интересы, хотя графоманские сочинения этого человека приводили Пушкина в ужас. Это не мешало обоим быть откровенными.

Ланжерон, обрусевший француз, эмигрировал в юности в Америку и, будучи весьма левых взглядов, участвовал в борьбе за независимость США. Ко времени знакомства с Пушкиным взгляды Ланжерона стали несколько умереннее, романтический восторг молодости остался в рассказах о стране, где он провел несколько лет. Пушкин вообще легко поддавался влиянию, и, может быть, под впечатлением рассказов Ланжерона у Пушкина впервые возникает идея двигаться в Новый свет, что отразилось в стихах, вынесенных нами в эпиграф.

Мысль Пушкина о бегстве Ланжерон одобрял и еще недавно, обладая реальной властью, мог бы помочь выехать.

Увы, легко быть прогрессивным, когда ты уже не у дел. Вскоре Ланжерон, вроде ассимилировавшийся, уехал за границу.⁴

Для начала Пушкину надо было искать пути не для того, чтобы добраться, а для того, чтобы выбраться. Современник вспоминает: поэт вслух жалел, что не обладает такой физической силой, как Байрон, который переплывал Геллеспонт.⁵

С появлением в Одессе новой администрации, только порт с примыкавшей к нему территорией все еще оставался вольным. Уже упомянутая таможенная черта порто-франко была чем-то вроде границы, отделяющей город от империи. "Единственный уголок в России, где дышится свободно", - говорили приезжие.⁶ Действительно, солнца и иностранной валюты было много, а полицейских стеснений мало. Жизнь была беспаспортной. Вдоль моря, над гаванью, размещались здания морской таможни, казармы и карантин, построенный после эпидемии чумы 1814 года. Для карантина часть порта обнесли высокой стеной - остатки ее сохранились по сей день. В одноэтажных домиках, обслуживаемых особой прислугой, отсиживались приезжавшие из-за моря купцы, дабы не завести в империю чуму.

Процедура выезда из Одессы в мемуарной литературе того периода описана весьма тщательно. Для того, чтобы выехать из Одессы, надо было пройти осмотр в таможне. В конце первого тома "Мертвых душ" Н.В. Гоголь, не раз путешествовавший за границу, рассказывает эпизод из биографии Чичикова до истории с мертвыми душами. Чичиков страстно мечтал попасть на службу в таможню.

"Он видел, - пишет Гоголь, - какими щегольскими заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какие фарфоры и батисты пересылали кумушкам, тетушкам и сестрам. Не раз давно уже он говорил со вздохом: "Вот бы куда перебраться: и граница близко, и просвещенные люди, а какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись!" Надобно прибавить, что при этом он подумывал еще об особенном сорте французского мыла, сообщавшего необыкновенную белизну коже и свежесть щекам; как оно называлось,

Бог ведает, но, по его предположениям, непременно находилось на границе".⁷

Таможни стояли на трех дорогах, ведущих из Одессы. В таможене взимался налог за новые иностранные вещи. Процедура досмотра была длинная. Все сундуки открывались, и в них рылись надзиратели. С ними пререкались путешественники, обычно приходя к компромиссу посредством взяток. Память современников сохранила рассказ о женщине, которая подвесила под платьем стенные часы и благополучно их пронесла бы, если бы ни полдень: часы начали бить двенадцать раз. Поэтому женщин казаки-надзиратели бесцеремонно ощупывали, при этом спрашивая: "А ще сие у вас натуральнэ, чи фальшивэ?"⁸

Надо сказать, что приемы совершенствовались обе стороны - и таможенники, и контрабандисты. Последние, обходя морскую таможню, переносили товары по воде в непромокаемых мешках. Шли они в волнах, по шею в воде, надев на голову стальной шлем, отражающий солнечный и лунный свет и поэтому не видимый с берега.⁹

Для выезда из Одессы морем за границу Одесский городской магистрат выдавал "Свидетельство на право выезда за границу причисляющемуся в... (название учреждения) господину... (имя) с семейством... (состав, включая слуг)".¹⁰ Однако часто бывали случаи, когда уезжали за границу без всякой бумажки.

Все это Пушкину было известно лучше, чем нам. Как раз в это время он налаживает знакомство с начальником Одесской портовой таможни Плаховым. Это был весьма интересный человек, в доме которого собиралось местное общество и который сам был вхож в лучшие дома. В гостиной у Плахова бывали и будущие декабристы, и лидеры этерии. Разговоры в салоне его велись самые либеральные, критиковалась политика правительства. Подробностей об этом знакомом Пушкина не сохранилось, хотя кое-что мы могли бы знать. Ведь младший брат Пушкина, Лев, позже служил в Одесской портовой таможне и застал там многих старожилов, помнивших поэта.

Для бегства нужны были связи в таможне и в порту. Пушкин сводит также знакомство с начальником Одесского таможенного округа князем Петром Трубецким и даже передает с ним письма друзьям в Москву. Он бывает в гостях у племянницы Жуковского Анны Зонтаг. Ее муж Егор Васильевич Зонтаг был капитаном "над Одесским портом". О связях с хозяином порта почти ничего не известно, а между тем это важное звено в пушкинских контактах.

Карантинная гавань, где суда отстаивались в ожидании окончания чумного карантина, отделялась от остального порта Платоновским молом. Перестроенный, он еще сохранился в наше время, и здесь по-прежнему разгружаются иностранные суда. В конце Платоновского мола была площадка, "пункт", куда одесская знать съезжалась дышать свежим морским воздухом и общаться. Неподалеку от "пункта" были построены купальни. К ним подъезжали в коляске.

Пушкин стал чаще бывать здесь, в порту, иногда по несколько раз в день.

Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,
С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я.
Потом за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный
Как мусульман в своем раю,
С восточной гущей кофе пью (X.176-177).

Вспоминая об этой жизни, поэт все свои тогдашние заботы в порту сведет к гастрономии:

Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,
Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов (X.177).

На самом деле, тут были и знакомство, и гульба, и серьезные разговоры. Приход кораблей в порт вселял надежду: один из этих кораблей возьмет его с собой.

"Иногда он пропадал, - вспоминала княгиня Вера Вяземская, жена его друга. - Где вы были? - На кораблях. Целые трое суток пили и кутили".¹¹ Именно там, на кораблях, устанавливались связи с деловыми людьми, которые Пушкину были нужны. Сводил поэта с этими людьми поистине легендарный человек - Али, Морали, или мавр Али (Maure Ali). Многие точно замечавший Липранди записывает, что Пушкин веселеет только в обществе Али.¹²

Это была необычная личность. Могучая фигура, косая сажень в плечах, бронзовая шея, черные большие глаза на обветренном лице, черная борода, важная походка, в осанке нечто многозначительное. От него веяло экзотикой. На нем шикарная куртка с золотыми позументами и всегда с собой целый арсенал холодного и огнестрельного оружия.¹³ Ходил Али с тяжелой железной палкой на случай драки, как и поэт.

Пушкин говорил, что Морали - египтянин, "сын египетской земли" (V.175,503), и считал, что по африканской крови они друг другу родня. По более поздним данным, Али был полунегр-полумавр из Туниса.¹⁴ Они познакомились в кофейне грека Аспориди, неподалеку от оперного театра. Морали любил там сидеть на бархатном диване вишневого цвета и потягивать дымок из кальяна. По воспоминаниям Липранди, Али часто захаживал в канцелярию графа Воронцова, где у него были кое-какие дела. Любил он и просто поболтать с чиновниками.¹⁵

Одно время Али был капитаном или шкипером коммерческого, законтрактованного или своего судна, купцом, негоциантом, набобом, а теперь о занятиях его, да и о прошлом ходили самые невероятные слухи.¹⁶ Если обратиться к легендам, то из них можно узнать, будто Али был пиратом в Средиземном море, шел на абордаж, грабил купеческие суда, а сокровища зарывал на необитаемых островах и в пещерах, в том числе, в Одесских катакомбах. "Корсар в отставке", по выражению Пушкина, фантастически богатый, он в один

прекрасный момент влюбился в местную красотку, бросил рискованное ремесло и пришвартовался в Одесской гавани. Где точно жил Али, не известно; было у него в Одессе несколько домов.

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях
 поседелый!
Спокойной пристани давно ли ты достиг -
Давно ли тишины вкусил отрадный миг?
И вновь тебя зовут заманчивые волны.
Дай руку - в нас сердца единой страстью
 полны (II.139).

А дальше в стихотворении идут строки, вынесенные нами в эпиграф. Говорили, что бывший корсар, которому было лет тридцать пять, поддерживает старые связи и участвует в каких-то аферах, встречаясь с прибывающими ниоткуда и отбывающими в никуда сомнительными людьми. Еще болтали, что он поставщик в гарем турецкого султана: присматривает ему подходящие кадры, прячет их в пещерах, а затем люди султана переправляют их через море. Что здесь соответствует действительности, теперь проверить невозможно.

Старейший одесский литератор и директор библиотеки, де Рибас полвека спустя утверждал, что он помнит Али, ведь тот глубоким стариком бывал у них в гостях. От множества легендарных достоинств этого выдающегося человека остались три: аферист, картежник, выпивоха. Он приносил две золотые табакерки и хотел их продать за 30 тысяч.¹⁷

По сведениям другого одессита, в восьмидесятые годы, то есть в возрасте за девяносто, Морали еще жил в Одессе припеваючи. Он передал капиталы сыновьям и удачно выдал замуж дочерей.¹⁸ Последнее, что слышали одесситы, будто более умелые картежники обыграли Али в пух и прах, и он исчез из города. Скрылся ли он, уплыл ли за границу, умер или был убит, - остается загадкой. Исчез Али так же таинственно, как появился.

В январе - феврале 1824 года Али становится неразлучным компаньоном Пушкина. Липранди, заходя к Пушкину домой, застаёт у него Али. Приятель и поэт Туманский отговаривал Пушкина от странной дружбы со столь сомнительным человеком: упаси Бог, наживете беду! А Пушкин привязался к нему, как ребенок, веселился, играл, хохотал, сидя у Али на руках, когда тот щекотал его. Пушкин называл его братом. Али водил Пушкина по самым сомнительным притонам в подвалах Греческого базара. Вместе они проводили время на кораблях, в блатных компаниях и ночных публичных местах для моряков, вместе играли в карты. Пушкин говорил с ним по-французски и, отчасти, по-итальянски и хохотал от души, когда Али пытался сказать что-нибудь по-русски: тот до неузнаваемости коверкал слова.

Но были у них и более серьезные занятия. Али свел Пушкина с греками, членами тайного общества этеристов. Заседания этого общества проходили в одном из домов, принадлежавших мавру. Али пользовался их особым доверием, снабжал отъезжающих в Грецию оружием из своих кладовых. Однажды Пушкин рассказал Туманскому, что Али водил его ночью в катакомбы, где с факелом в руках показывал склады оружия, приготовленные для этерии. Говорят, он ссужал греков деньгами, но, возможно, и наоборот: греки платили Морали за то, что он поставлял им оружие и помогал нелегально перебираться в Грецию.

Один из одесских пушкинистов сообщает, что Пушкин встречался с Морали на "пунте". Пунта - разговорное название "пункта" - окончания Платоновского мола. Здесь Пушкин и заинтересованные владельцы судов обсуждали возможность бегства за границу.¹⁹ Эта версия сомнительна. Для чего было тайную операцию проводить столь демонстративно? Друзья вполне могли обговорить все заранее и не встречаться на самом видном месте города. Пушкина могли видеть с Али на пунте и в других местах порта, не обязательно в связи со столь важной аферой.

Но представляется, что дружба с Али и замыслы побега были связаны. Риск, пиратство, выяснение реальных возмож-

ностей бегства за море, способов и деталей этого предприятия могли быть откровенными темами их разговоров. Видимо, Али охотно объяснял, что бежать можно, и сделать это не трудно. В руках Али все связи. Можно подкупить стражу в порту, подыскать надежных людей, которые переправят, куда нужно. Самое простое - бежать в Константинополь, а там уже решать в зависимости от новых конкретных обстоятельств.

И однако, наверное, Али удивлялся стремлению Пушкина. Для бывшего пирата свобода была вполне достаточна и тут, за чертой порто-франко, под опекой российской неразберихи. Тут Али мог творить, что хотел, в том числе операции, за которые в любой цивилизованной и даже восточной стране он уже давно угодил бы за решетку. Но в этом поэт и пират понять друг друга не могли, как не мог Али понять нерешительности и непредприимчивости Пушкина.

Тогдашние трудности в восьмидесятые годы нашего века могли показаться смешными: быстроходные ракетные катера, пограничная служба на вертолетах, прожектора, ошупывающие море всю ночь, радары, стальные сети под водой для отчаявшихся выбраться с аквалангами. А тогда - жалкая охрана, падкая на взятки, да пустынные берега. Можно было причалить и отчалить во многих местах.

Среди знакомых Пушкина был Карл Сикар, бывший французский консул в Одессе, а потом владелец гостиницы и ресторана "Норд", в котором обедали все одесские иностранцы. В гостинице этой одно время жил и Пушкин.²⁰ Один из старейших и уважаемых жителей Одессы, Сикар, которому здесь наскучило, уже после отъезда Пушкина, решил выехать, впрочем, вполне легально. Он сел на корабль, отправлявшийся туда же, куда собирался Пушкин, в Константинополь, - и исчез. Что произошло, не известно, полагают, корабль утонул.

По-видимому, Али дал Пушкину какие-то гарантии. Его приятели контрабандисты совершали подобные операции не раз и обычно успешно. Али обещал снабдить Пушкина адресами своих партнеров, живущих в портах вдоль Средиземно-

го моря, - они помогут. Но есть одна сложность: без денег никто пальцем не пошевелит. И платить надо вперед. Если заплатить мало, перевозчики могут выдать беглеца, чтобы отомстить ему за скупость. Али сказочно богат, но если он будет оказывать посреднические услуги бесплатно, он тоже разорится. Итак, все будет сделано, но Пушкину нужны деньги.

Глава одиннадцатая ДЕНЬГИ ДЛЯ ВЫЕЗДА

"...не то взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мне становится невтерпеж. Ubi bene ibi patria. А мне bene там, где растет трнтрава, братцы. Были бы деньги, а где мне их взять?"

Брату между 13 января и началом февраля 1824, не по почте (X.65)

"Где хорошо, там родина", - латинская поговорка, которую поэт привел в письме к брату, стала его девизом. Обратим также внимание в приведенной выше цитате из письма на слово "тихонько". Шляпа у Пушкина была. Для того, чтобы попасть на другую родину, а тем более "тихонько", необходимо было срочно раздобыть деньги. Без денег любые планы оставались благими желаниями.

У Пушкина было до сего времени три источника дохода: собственное жалование, помощь родителей и изредка гонорары от издателей. И того, и другого, и третьего было явно недостаточно для его довольно легкомысленных повседневных

расходов. Можно, конечно, возразить, что жалование ему, ссыльному, платили ни за что; он никак не старался рвением по службе заработать лучший чин и большой оклад, а про 700 получаемых им рублей говорил, что это "паек ссыльного невольника" (X.71). Это не совсем соответствовало истине.

Старший сын непрактичных родителей, всю жизнь он мало что делал, чтобы привести в порядок помещичьи дела и получать большой доход. Восемнадцатилетним юношей он во время прогулки на лодке по Неве в присутствии отца кидал в воду золотые монеты, любуясь их блеском.¹ Ничто не указывало, что в 24 года он стал в этом отношении серьезнее. Впоследствии он принял от отца управление Болдином, вел переписку, но это было явно недостаточно, чтобы что-либо улучшить. Пушкин, если и читал Адама Смита, экономом был не более глубоким, чем его герой Евгений Онегин, и его занимал лишь конечный результат, - в купюрах, которые он мог тратить. Родители внимали его просьбам с осторожностью и недоверием.

Пушкин постоянно нуждался в деньгах, но теперь к обычным расходам (если не считать долгов, которые следовало отдавать) предстояло прибавить еще две статьи. Во-первых, нужна была круглая сумма в несколько тысяч, не меньше, на уплату за нелегальность операции, - перевоз его в трюме за пределы империи. И во-вторых, требовалась сумма, очевидно, не меньшая, в запас, в качестве прожиточного минимума в новой стране, поскольку, как он сам гордо заметил, "ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу идти..." (X.53) Упоминание в письме столярного ремесла не случайно: граф Воронцов по настоянию отца выучился столярному делу.

Здесь необходимо небольшое отступление о материальной подоплеке выезда за границу во времена Пушкина. Отъезд за рубеж представителей дворянского сословия мало что менял в их статусе. Все они оставались подданными империи, им исправно шло жалование в твердой валюте, поскольку они занимали свою должность в табели о рангах. Поступали также доходы от их поместий. Точнее было бы назвать

тех граждан, которые не служили, не подданными, а иждивенцами империи, и в этом смысле царь вправе был рассматривать их, как живую собственность. От него зависело, поручать им какие-либо миссии, в том числе шпионство и доносительство, или дать возможность вольно прожигать жизнь. Этот альянс действовал до тех пор, пока не возникало напряженности в отношениях между поданным и русским правительством.

Например, поэт и друг Пушкина по Петербургскому литературному обществу "Зеленая лампа" Яков Толстой, парижский адрес которого Пушкин на всякий случай только что попросил у друзей, уехал за границу для лечения, взяв отпуск. Позже там его застали события 14 декабря. Следственная комиссия вызвала его для допроса. Он благоразумно не явился и, таким образом, стал эмигрантом. За этим последовало увольнение его со службы и - к нему перестало поступать жалованье. Доходов оказалось недостаточно, подданный вскоре остался без средств к существованию и, не будучи приспособлен к какому-либо труду, оказался в крайней нужде.

Разумеется, никто не лишал Якова Толстого подданства, то есть гражданства. Больше того, имея он достаточно доходов как помещик, он продолжал бы за границей исправно получать их, - никто не посягал на его собственность. Но в данном случае, Яков Толстой под влиянием нужды, а также и по свойствам характера, начинает искать путь заслужить у царя прощения. Чтобы закончить отступление, не превращая его в развернутый комментарий, упомянем лишь итог: Толстой стал тайным агентом русского правительства в Париже и впоследствии дослужился до чина действительного тайного советника.²

Рассчитывать на жалование в случае нелегального бегства Пушкин не мог. В тайные агенты он не готовился. Надеяться за границей на помощь семьи не приходилось. Оставалось получить как можно больше сейчас. Вот почему из месяца в месяц 1823-й и 1824-й годы он бомбардирует семью одной и той же просьбой. "Изъясни моему отцу, - втолковыв-

вает он брату, - что я без денег жить не могу... Всё и все меня обманывают - на кого же, кажется, надеяться, если не на ближних и родных" (X.53-54). Отец не возмущается этими письмами, но и не помогает сыну, поэтому Пушкин жалуется: "Мне больно видеть равнодушие отца моего к моему состоянию, хоть письма его очень любезны" (X.54).

К весне 1824 года эти письма становятся все настойчивее: "Ни ты, ни отец ни словечком не отвечаете на мои элегические отрывки - денег не шлете", - пишет он брату (X.69). Не получая субсидий от родных, он обращается к друзьям: "Прости, душа - да пришли мне денег" (Вяземскому, X.70). И опять без особой литературной изобретательности брату Левочке: "Слушай, душа моя, мне деньги нужны" (X.74).

Он надеется на третий (помимо службы и семьи) источник дохода и рассчитывает получать больше денег за литературные произведения - благо издатели их охотно публикуют. Происходит то, что позже он выразит отточенной формулой в стихотворении "Разговор книгопродавца с поэтом", вложив свою мысль в уста книгопродавца:

Наш век - торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет (II.178-179).

Литературная профессионализация становится для него вопросом жизни. Публикации в столицах волнуют поэта прежде всего гонораром. Даже цензура притесняет его тем, что не дает заработать: "Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре..." (X.53) Вопросы честолюбия, всегда для него болезненные, теперь отбрасываются в сторону. "Печатай скорее, - пишет он Вяземскому о "Бахчисарайском фонтане", - не ради славы прошу, а ради Мамона" (X.63). Мамон у сирийцев - бог богатства. "Впрочем, - объясняет он в другом письме о том же стихотворении, - я писал его единственно для себя, а печатаю потому, что деньги были нужны" (X.67). "Что до славы, - объясняет он брату в уже упомянутом нами письме о подготовке бегства в Константинополь, -

то ею в России мудрено довольствоваться. Русская слава льстить может какому-нибудь В. Козлову, которому льстят и петербургские знакомства, а человек немного порядочный презирает и тех и других. *Mais pourquoi chantais?* (Но почему ты пел? - Ю.Д.) На сей вопрос Ламартина отвечаю - я пел, как булочник печет, портной шьет, Козлов пишет, лекарь морит - за деньги, за деньги, за деньги - таков я в наготе моего цинизма" (X.65).

Проблемы гонора́ра усугублялись тем, что в России, в отличие от цивилизованных стран, авторских прав не было, и это тоже усиливало антипатию поэта к родине. Пушкин пытался подойти к русскому издательскому пиратству с европейских позиций, что ему, разумеется, не удавалось. Кстати, взгляды свои на вопрос о независимости писателя Пушкин заимствовал, читая в личной библиотеке графа Воронцова труды Пьетро Аретино - итальянского борца за высокие гонорары.³

Издатели платили Пушкину от 11 до 25 рублей ассигнациями за стихотворную строку. Но количество строк, которые он мог продать, было невелико. Пушкин, как уже говорилось, написал в Одессе чуть больше тридцати стихотворений. Из них опубликовано было в 1824 году три, а при жизни поэта - семь. За поэму "Кавказский пленник" Пушкин получил от книгоиздателя 500 рублей, а за "Руслана и Людмилу" ему платили частями, причем книгоиздатель вернул часть суммы в виде изданных книг. Этого, конечно, было недостаточно, чтобы собрать необходимый капитал. Трудность состояла и в том, что все договоры велись через друзей, знакомых и родных, а издатели, пользуясь путаницей, обманывали и посредников, и автора.

Пушкин печатал написанное ранее; что же касается большой новой работы, начатой еще в Кишиневе, названием которой стали просто имя и фамилия героя, то автор с самого начала знал, для чего он ее пишет. "Вроде "Дон Жуана", - объясняет он в письме Вяземскому, - о печати и думать нечего; пишу спустя рукава" (X.57). "Спустя рукава" - шифровка, встречающаяся в письмах Пушкина. Означает она

вовсе не небрежность, не написанное кое-как, а написанное свободно, без внутренней цензуры, и на цензуру не рассчитанное.

Традиционный образ Пушкина-оптимиста, созданный советским литературоведением, в последние годы несколько потускнел. В научных биографиях все чаще пробиваются пессимистические ноты. При этом оговаривается, что безысходность не соотносится с творчеством, толковать которое биографическими моментами опасно. В пример приводится "Евгений Онегин", где самые жизнерадостные идиллические строфы (вторая глава) написаны в наиболее трагические дни жизни поэта в Одессе.⁴

Иначе считал сам Пушкин: "На досуге пишу новую поэму, "Евгений Онегин",- говорит он Александру Тургеневу,- где захлебываюсь желчью. Две песни уже готовы" (X.62). "Захлебываюсь желчью"... Если можно говорить об оптимизме Пушкина, то в период ссылки этот оптимизм проявлялся в одном - в надежде выехать за пределы русской империи. Зеркалом именно этого оптимизма и именно такого противоборствующего состояния поэта на привязи и явился роман "Евгений Онегин".

В оглавлении, составленном самим поэтом спустя семь лет, когда он дописывал роман, первой главе дано название "Хандра". Причина этой хандры - болезненная тоска по загранице. Причем тоска автора навязывается герою, по характеру ленивому домоседу, который никуда не собирается бежать. Отсюда постоянно ощущаемая несовместимость, отторжение авторских отступлений от основного сюжетного движения. Пушкин стал Чайльд-Гарольдом, которому, как писал Байрон, родина казалась тюрьмой, и хотел подражать Байрону, который покинул родину за четыре года до этого. Ю. Лотман, замечая, что часть первой главы посвящена замыслу побега, пишет: "Маршрут, намеченный в XLIX строфе, близок к маршруту Чайльд-Гарольда, но повторяет его в противоположном направлении".⁵

В первой главе Пушкин то и дело соскальзывает на свои любимые мысли о радости свободной жизни за границей. То

и дело мелькают европейские имена, названия, тут и там отголоски европейских будней, всегда похожих на праздник, европейской мысли, сочетающей в себе историю с современностью. Возможно, состояние это передавалось Пушкину от друзей, вернувшихся "оттуда", особенно благодаря впечатлениям сверстника и петербургского приятеля Туманского.

Поэт Василий Туманский, теперь чиновник той же канцелярии Воронцова, что и Пушкин, только что вернулся из Парижа, где два года был вольнослушателем в Коллеж де Франс. Рассказы Туманского о Европе были бесконечны, и Пушкин слушал их с завистью, скрывавшейся иронией.⁶ Лишь в тридцатые годы нашего века стало известно, что Пушкин уничтожил части первой главы "Евгения Онегина".⁷ Возможно, там было значительно больше информации о проблеме бегства из Одессы.

Нет оптимизма и во второй главе "Онегина", писавшейся в Одессе и позже названной "Поэт". Она представляет собой как бы альтернативу первой, зазеркалье, прогноз того, что произойдет с поэтом, который, вырвавшись в Европу, решает вернуться обратно. Об Онегинской строфе имеется большая литература, отметим лишь, что стиль строфы, выработанный с самого начала, здесь слишком легкомыслен. И вот в легком жанре рассказывается мрачная история русского интеллигентного молодого человека "с душою прямо Геттингенской", который неизвестно зачем вернулся из Европы в родную деревенскую дыру и здесь был вскоре убит.

Словно предвидя, что начало "Евгения Онегина" будет толковаться вовсе не так, Пушкин в белой рукописи добавил эпиграф на английском, который весьма многозначителен, но в печатном издании исчез: "Nothing is such an enemy to accuracy of judgment as a coarse discrimination" (V.487). Итак, "ничто столь не враждебно точности суждения, как недостаточная пронизательность". Эдмунд Берк, которому принадлежит мысль, был крупным правительственным чиновником, оратором и писателем Англии XVIII века. Скорей всего, Пушкин отыскал эту цитату в личной библиотеке Воронцова.

Пушкин писал роман вольно, не собирався издавать, но при этом надеялся на достаточную пронизательность читателя. О каком же читателе он думал? "Я бы и из Онегина переслал бы что-нибудь, да нельзя: все заклеено печатью отвержения" (X.78). Тем, кто предлагал ему попробовать опубликовать первые главы "Евгения Онегина" в столице, он запрещал даже размышлять об этом: "Об моей поэме нечего и думать - если когда-нибудь она и будет напечатана, то верно не в Москве и не в Петербурге" (X.67). Где же в таком случае он собирается издавать поэму?

В письмах Пушкин часто не ставит название своего романа в кавычки, называя его просто Онегин. Прочитаем таким способом две строчки из первой главы:

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны... (V.26)

Если так понять намерения автора, то не герой, а рукопись, которую поэт писал, готовилась для того, чтобы взять ее с собой в путешествие на Запад. Но думается, Пушкин все-таки имел в виду, что его герой едет с автором. И хотя на практике все равно не возьмешь с собой литературного героя без текста, все же оттенки мысли разные. Одновременно Пушкин пытается получить из Петербурга и другую свою рукопись, которую когда-то неосмотрительно проиграл в карты приятелю Никите Всеволожскому. Вяземскому он недвусмысленно объясняет, что предисловию, которое тот написал для публикации "Бахчисарайского фонтана" тоже лучше бы увидеть свет не здесь: "Знаешь что? твой "Разговор" более написан для Европы, чем для Руси" (X.69).

Но деньги все еще продолжают держать Пушкина на старом месте, и он начинает думать о возможности подороже продать неоконченный роман в стихах издателям здесь, в России. "Теперь поговорим о деле, т.е. о деньгах, - обращается он к Вяземскому. - Сленин предлагает мне за "Онегина", сколько хочу. Какова Русь, да она в самом деле в Европе - а я думал, что это ошибка географов. Дело стало за цензурой,

а я не шучу, потому что дело идет о будущей судьбе моей, о независимости - мне необходимой. Чтоб напечатать Онегина, я в состоянии хуя, т.е. или рыбку съесть, или на хуй сесть. Дамы принимают эту поговорку в обратном смысле. Как бы то ни было, готов хоть в петлю" (X.70).

Вопрос о том, что это лишь начатый кусок неоконченной вещи, не обсуждается. Быстро с публикацией также не выходит, хотя в принципе никто не говорит "нет", и Пушкин расстроен: время-то не ждет! "Онегин" мой растет, - сообщает он приятелю. - Да черт его напечатает - я думал, что цензура ваша (ваша, - как будто он уже гражданин Франции - Ю.Д.) поумнела при Шишкове, - а вижу, что и при старом по-старому" (X.76). Ему хочется написать и продать побольше, но никто не спешит платить.

Его выводит из себя нерасторопность, неделовитость, разброд среди его знакомых в Петербурге, от которых он полностью зависим, и которые вовсе не торопятся сделать то, что для него - вопрос жизни: "...мы все прокляты и рассеяны по лицу земли - между нами сношения затруднены, нет единогодушия..." (X.73) Если бы не финансовая зависимость, он бы давно порвал с ними со всеми, за исключением разве что двоих: "Ты, Дельвиг и я, - говорит он брату, который вообще далек от литературы, - можем все трое плюнуть на сволочь нашей литературы - вот тебе и весь мой совет" (X.73). Весьма типичное свойство русского интеллигента, находящегося в возбуждении: потребность к единомудушию, когда все должны думать, как он, все обязаны понять и одобрить его; а если он хочет плюнуть, то и все должны плевать вместе со ним.

Его расходы все время превышают поступления, и мысль настойчиво ищет средство сразу решить проблему, неожиданно, в один присест разбогатеть. В карты он поигрывал еще в Петербурге, а в Кишиневе становится азартным игроком. Надежда вдруг выйти из-за стола с состоянием делается прямо-таки навязчивой теперь, когда деньги нужны дозареzu, срочно, и судьба просто обязана смилостивиться и

помочь ему. "...Страсть к игре, - говорил он приятелю Алексею Вульффу, - есть самая сильная из страстей".⁸

Картежники скрывались в подвалах греческих кофеен, рассказывает одесский старожил. Какие темные дела делались в этих подвалах, сказать трудно. Однажды во время игры в подвал ворвался полковник полиции. Хозяин немедленно погасил свечи. Когда свечи снова зажгли, полковника в подвале уже не было, но не было и пятнадцати тысяч рублей, лежавших на столе.⁹ В рукописи второй главы "Евгения Онегина", написанной в Одессе, появилась строфа, которую Пушкин после выкинул:

Страсть к банку! ни дары свободы,
Ни Феб, ни славы, ни пиры
Не отвлекли б в минувши годы
Меня от карточной игры;
Задумчивый, всю ночь до света
Бывал готов я в эти лета
Допрашивать судьбы завет:
Налево ляжет ли валет?
Уж раздавался звон обеден,
Среди разорванных колод
Дремал усталый банкомет.
А я, нахмурен, бодр и бледен,
Надежды полн, закрыв глаза,
Пускал на третьего туза (V.434-435).

Но много выиграть никак не удавалось, скорее наоборот, карты отнимали последнее. Ксенофонт Полевой, брат пушкинского издателя, писал об этой страсти поэта: "Известно, что он вел довольно сильную игру и чаще всего продувался в пух! Жалко бывало смотреть на этого необыкновенного человека, распаленного грубою и глупой страстью!"¹⁰ Играл Пушкин и в бильярд. Но тут шансы внезапно разбогатеть были еще меньше, чем в карты.

Денежные проблемы настолько захватили Пушкина весной 1824 года, что, казалось, ничего на свете более важного

не существует. Любопытно, что как раз в это время начальство было им довольно. Граф Воронцов, который еще недавно просил Пушкина заняться чем-нибудь путным, теперь его хвалил. "По всему, что я узнаю на его счет, - писал Воронцов в Петербург, - и через Гурьева (градоначальника Одессы - Ю.Д.), и через Казначеева (правителя канцелярии Воронцова - Ю.Д.), и через полицию, он теперь очень благоразумен и сдержан".¹¹

Никто из посторонних как будто бы не догадывался о далеко идущих планах поэта, и ничто не предвещало неприятностей.

Глава двенадцатая ОТ ТУЧ ПОД ГОЛУБОЕ НЕБО

Из края мрачного изгнания
Ты в край нной мёня звала.
"Для берегов отчизны да-
льной" (III.193)

Жизнь в молодой столице Новороссийского края шла своим чередом, а жизнь Пушкина своим, и ничто не предвещало неприятностей. Сто лет спустя Владислав Ходасевич, уже будучи в Берлине и Мариенбаде, первым заметил, что в сочинениях Пушкина "неблагорасположение правительства представлено в виде дурного климата". Это касается и строк "Брожу над морем, жду погоды...", и писем ("Ты не приказываешь жаловаться на погоду - в августе месяце - так и быть - а ведь неприятно сидеть взаперти, когда гулять хочется").

По Ходасевичу, "отношения с правительством и мечты о побеге за границу... даны в терминах, так сказать, климатических и метеорологических". Дискуссии по поводу разрешения выехать или возможности бежать построены у него и

его знакомых на весьма прозрачных прогнозах погоды наверху.¹

Современному русскому интеллигенту этот язык столь же близок, поэтому ситуацию в начале весны 1824 года определим так: погода испортилась, подул ветер, над Пушкиным начинают сгущаться тучи.

Но вот что любопытно: ветер подул не с севера, откуда его можно было бы ждать, а возник в Одессе. В конце февраля – начале марта погода испортилась, и туча закрыла от Пушкина синее небо. Друзья принялись искать объяснения этим обстоятельствам еще при жизни поэта. Но и по сей день, несмотря на сотни написанных на данную тему работ, биографы расходятся во мнениях. Переводя с языка метеорологического на обычный, получаем: отношения между Пушкиным и его непосредственным начальником и покровителем графом Воронцовым неожиданным образом испортились.

О Новороссийском генерал-губернаторе Михаиле Воронцове написано немало. Один его архив, который успели частично издать до революции, составляет 37 томов. В обширной библиографии можно найти ему славословия:

Благославляют Воронцова
И город тот и те края!
Монаршей воли исполнитель,
Наук, художеств покровитель,
Поборник правды, друг добра,
Сановник мудрый, храбрый воин,
Олив и лавров он достоин!²

Двадцать лет спустя, когда Воронцов был назначен губернатором на Кавказ, его пребывание в Одессе современник назвал "Золотым веком Одесской словесности".³ В советском пушкиноведении Воронцов традиционно обозначался как негативная личность, невинной жертвой которой стал гениальный поэт. Исторические факты свидетельствуют об ином.

Отец Михаила Воронцова, Семен Воронцов, был в течение двадцати лет русским послом в Англии. Он отличился в бою с турками в Бессарабии, а умер в Лондоне. Дочь Семена Воронцова была замужем за лордом Пемброком. Сын управлял землей, отвоеванной отцом. Но и сам был человеком недюжинной отваги. Кутузов называл его храбрецом. На Кавказе он вынес из-под огня раненого товарища, под Бородином сам был ранен. Триста раненых солдат он разместил у себя в имении, чтобы вылечить их. Воронцов-младший запретил телесные наказания солдатам и не раз конфликтовал с Александром I.

Лев Толстой писал об этом своем дальнем родственнике в повести "Хаджи Мурат": "Воронцов, Михаил Семенович, воспитанный в Англии, сын русского посла, был среди русских высших чиновников человек редкого в то время европейского образования, честолюбивый, мягкий и ласковый в обращении с низшими и тонкий придворный в отношениях с высшими".⁴ При этом комментаторы советского издания А.И. Сергеенко и В.С. Мишин поправляют Толстого в примечаниях, говоря, что Воронцов был "жестокий и хитрый царедворец".⁵

В гигантской библиотеке Воронцова (после Октябрьской революции разворованной) хранилась переписка его предков с Радищевым. Знаток древних литератур и книг эпохи возрождения, Воронцов привил Пушкину интерес к истории, к архивным документам. Жуковский обессмертил Воронцова в стихах.

Отношение Воронцова к Пушкину было крайне доброжелательным. Ничто не предвещало ссоры, ибо еще перед Новым годом Пушкин собирался с Воронцовыми в Крым на весенние каникулы. Что же изменило отношение губернатора к подчиненному?

П.В. Анненков считал, что Пушкин был плохим чиновником. Такой же точки зрения придерживался С.Т. Аксаков. Чем занимался рядовой служащий 10-го класса Пушкин в канцелярии Воронцова, безусловно, серьезного государственного деятеля, точно неизвестно. Ни единой бумаги, им

подготовленной на работе, не найдено, да и много ли их было? Жалование исправно шло, но размером его Пушкин был недоволен и возмущался вслух. Уделять много внимания молодому поэту Воронцов не мог, но продолжал оставаться к нему терпимым, и этого, казалось, достаточно для существования.

Воронцов строил порт, поселения, развивал экономику, создавал управленческий аппарат, поднимал культуру, и, как пишет одесский автор, покровительствовал евреям и иностранцам.⁶ Воронцов сделал Одессу богатым международным портом. Свое жалованье губернатор отдавал нуждающимся подчиненным. Пушкин в их число не входил. Пушкина нельзя было назвать бездельником на службе только потому, что там он не появлялся вообще. И все же можно ли считать, что именно это было причиной охлаждения к нему Воронцова? Скорей всего, отношение Пушкина к службе было третьестепенной деталью на фоне других, более важных.

Симпатия Воронцова к поэту сменилась разочарованием. Хотя стихи в канцелярии губернатора сочинял не один Пушкин, в Пушкине губернатору прочили талантливое писателя, и он отнесся к рекомендациям со всей серьезностью. В первом номере журнала, издаваемого Фаддеем Булгариным, появилось весьма доброжелательное напутствие: "Гений Пушкина обещает много для России; мы бы желали, чтоб он своими гармоническими стихами прославил какой-нибудь отечественный подвиг. Это дань, которую должны платить дарования общей матери, отечеству".⁷ Пушкина откровенно призывали заняться пропагандой, и он, с его настроениями, мог только посмеяться в ответ. "У нас еще нет ни словесности, - записывает он в черновике в это время, - ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке..." (VII.14).

Воронцов не был столь прямолинеен, как Булгарин. Никакими рамками прославления империи, царя или своей персоны он Пушкина не связывал, - для этого он был достаточно умен. Он не хуже Пушкина понимал, сколь отстала русская

культура от Запада, сам вносил посильный вклад в ее прогресс и вправе был рассчитывать на серьезное отношение талантливого писателя к этому важному предмету. Он ждал от поэта той самой просветительской деятельности, к которой Пушкин, вообще говоря, питал интерес и важность которой хорошо понимал. Не корысти ради ожидал Воронцов вклада, будь то в поэзии, истории, журналистике, или любой другой области. А Пушкин выглядел гулякой, играл в карты и предавался прекрасному ничегонеделанию. Сочинения поэта, которые Воронцову удавалось прочитать, были, по мнению графа, вторичными, подражанием Байрону, которого Воронцов знал лучше Пушкина, причем в оригиналах, а не во французских переводах.

А.М. Горький считал, что Пушкин пытался доказать публике: писатель в иерархии государства стоит выше чиновника, но в то время над этим могли только смеяться. Однако, применительно к данной ситуации, Пушкина ставили на место по его собственной, Пушкина, вине.

"Как человек он мне не понравился, - вспоминает его одесский знакомый. - Какое-то бретерство, *suffisance* и желание уколоть, осмеять других".⁸ Это ощущали многие, с кем он общался.

В сущности, Пушкину была обеспечена нормальная жизнь даже в том случае, если бы он не занимался ничем ни в канцелярии, ни в литературе. Но этого ему было мало. Он перессорил чиновников Воронцова, за глаза оскорблял хозяина и его гостей. Он демонстрировал свое презрение к отдельным людям, с которыми был в одном кругу и которые не сделали ему ничего дурного. Вдобавок, в Одессе Пушкин попал под влияние Александра Раевского, адъютанта Воронцова. Эгоист, циник, умный и хитрый демон, Раевский еще более распалаял Пушкина - из своих, корыстных соображений.

Похоже, именно характер и поведение поэта вывели Воронцова из себя: "Здесь слишком много народа и особенно людей, которые льстят его самолюбию, поощряя его гнусностями, причиняющими ему много зла. Летом будет еще многолюднее, и Пушкин, вместо того, чтобы учиться и работать,

еще более собьется с пути".⁹ Речь, как видим, идет не столько о дурном влиянии Пушкина и одесского общества друг на друга, сколько об их несовместимости. Пушкин и сам чувствовал это. Впрочем, с одним, по меньшей мере, человеком в Одессе совместимость Пушкина, наоборот, увеличивалась. Это была супруга графа Воронцова Елизавета Ксавьеровна.

Пятью годами раньше, в Париже, Элиса Браницкая, богатая наследница, вышла замуж за командующего русским экспедиционным корпусом во Франции генерала Воронцова. Это очаровательное существо было старше Пушкина на семь лет, но, по мнению современников, она была молода душой и хороша наружностью. Неудивительно, что другие пушкинские увлечения в значительной мере ослабевают, а Воронцова становится центром его временной вселенной. Она этим центром в Одессе действительно была. При посещениях пышного двора генерал-губернатора дамам полагалось целовать руку его жены - удивительное сочетание англоманства с азиатчиной.

О романе Пушкина с Воронцовой написано много. Только список основной литературы состоит из трех десятков источников.¹⁰ Много сказано и о том, что Александр Раевский, дальний ее родственник, также в нее влюбленный и столь же успешно добившийся взаимности, настраивал графа против Пушкина, будучи с обоими в прекрасных дружеских отношениях.

Основания для ревности у Воронцова были серьезные, если учесть, что вскоре Воронцова родила, и, судя по мнению нескольких биографов Пушкина, оба успешных любовника считали ребенка своим. Поэтому считать ревность Воронцова основной причиной их ссоры принято давно. Так полагал и сам Пушкин, а позже Герцен и Огарев. Так, в сущности, считал и Вигель: "Он (Воронцов - Ю.Д.) не унизился до ревности, но ему казалось обидным, что ссыльный канцелярский чиновник дерзает подымать глаза на ту, которая носит его имя."¹¹

Воронцов перестал доверять Пушкину. Официальные отношения между ними оставались, но личные прекратились. Пушкин был злопамятен и мстителен, обид не забывал, не прощал и всеми своими поступками только ухудшал ситуацию.

Еще одна гипотеза, также достаточно известная в пушкинистике, утверждает, что Пушкин, хотя и был увлечен Воронцовой, в альянсе ее с Александром Раевским играл роль прикрытия. Поэт не замечал зигзагов двойной игры, в которой он был пешкой. Но позже наступило прозрение.¹²

Отдельные авторы утверждали, что Михаил Воронцов расправлялся с поклонниками своей жены путем политических доносов. Он донес и на Пушкина, а потом отправил в ссылку, в Полтаву, Александра Раевского.

Воронцов был правительственным функционером, на своем посту автоматически выполнял все административные распоряжения, поступающие сверху, и, плюс к тому, был озабочен поддержанием порядка во вверенной ему губернии. За Пушкиным наблюдали больше, чем за другими, и Воронцов это знал.

При тогдашнем всеобщем ожидании политических перемен во всех углах Европы в одесских салонах разговоры тоже были относительно свободными, и Воронцов не был ретроградом. Крамольные высказывания и даже политические сочинения Пушкина его мало волновали. Позже выяснилось, что английский купец Томсон снабжал декабристов в Одессе либеральными газетами и брошюрами.¹³ Пушкин знал Томсона, и не может быть, чтобы "контрабандная" литература не поступала также и к нему. Но такую литературу Пушкин мог просто брать в библиотеке Воронцова, - никто его в чтении не ограничивал.

Официальная пушкинистика утверждает, что власти считали Пушкина причастным к делам декабристов и именно за это начали его преследовать в Одессе. Советские исследователи отмечали, что "речь должна идти об идейных вещах", что в Пушкине видели "активного участника" политического движения, что он был "политически опасен".¹⁴ То же можно

сказать и о рискованных прогнозах такого типа: если бы Пушкин остался в Одессе, он бы пошел на эшафот с лидерами декабристов.¹⁵ Такие утверждения не кажутся убедительными. Полагать, что Воронцов боялся политического влияния Пушкина на одесситов, несколько наивно.

Скорей всего, в соображениях Воронцова имели какое-то место все компоненты: и неудовлетворение нерадивостью Пушкина-чиновника, и разочарование в его бессистемном, с точки зрения Воронцова, таланте, и раздражение его характером, и ревность, и неприятие пушкинской политической невоздержанности. Однако, думается, все это Воронцов великодушно сносил раньше и терпел бы еще. Чтобы довести сдержанного, воспитанного в английской манере человека до возмущения, вынудить его отправить жалобу, прося избавить от мелкого чиновника, - для этого, нам кажется, потребовалось весомое основание. Для внезапного возмущения необходима внезапная причина.

"Одесский вестник", фактическим редактором которого был Воронцов (почему-то его называют еще и цензором "Одесского вестника", что неправильно), охотно печатал стихи Пушкина в самый разгар их конфликта и после.¹⁶ Одесское общество смертельно надоело Пушкину, но он во многих домах оставался желанным гостем. Воронцов был терпим к ухаживаниям за своей женой и смотрел на это, так сказать, по-европейски. У него самого были адюльтеры.

Но (и здесь мы приближаемся к нашей гипотезе) появилась причина, узнав о которой новороссийский губернатор Воронцов не на шутку обеспокоился. Ему сообщили, что ссыльный чиновник Пушкин, наблюдать за поведением которого Воронцову было вменено в обязанность персонально его императорским величеством, - что этот чиновник собирается бежать за границу. Еще несколько дней - и служащий его собственной канцелярии может оказаться нелегально за пределами империи.

Неприятные последствия подобного происшествия Воронцов при всем его либерализме оценил немедленно. Не исключено, что намерения Пушкина он мог рассматривать как пре-

дательство. Не только по отношению к отечеству и Государю Императору, который (и Воронцов это прекрасно знал) лично занимался делом опального поэта, но и по отношению к нему самому. Некоторые аспекты пушкинской активности давали повод для таких мыслей.

Кто мог сообщить Воронцову о намерениях Пушкина? Ответить на этот вопрос несложно. Генерал-губернатор, согласно административному порядку, регулярно получал детальные отчеты о поднадзорных лицах от Одесского градоначальника, от полицмейстера, от правителя своей канцелярии и, конечно, от столичной полиции, которая переправляла губернаторам выписки из перлюстрированной корреспонденции с надлежащими комментариями.

О том, что почта его подвергается сыску, Пушкин знал. Одной из постоянных забот поэта было избежать утечки информации в письмах. "Пиши мне покамест, если по почте, так осторожно, а по оказии что хочешь", - предупреждал он Вяземского еще из Кишинева (X.47). А из Одессы напоминал: "Отвечай мне по extra-почте!" (X.53) Ища канал для пересылки почты с надежными людьми, чтобы прислать Вяземскому "тяжелое", Пушкин каламбурит: "Сходнее нам в Азии писать по оказии" (X.63). Вяземский не понял насчет "тяжелого", то есть рукописей, и решил, что у Пушкина нет денег, чтобы отправить посылку. И из Одессы следует терпеливое разъяснение: "Ты не понял меня, когда я говорил тебе об оказии - почтмейстер мне в долг верит, да мне не верится" (X.70). Для контроля Пушкин просит уезжающих, если не застанут адресата, привести письмо ему обратно. О том, что не все его письма доходят, он также знал.

Но и хранить письма было опасно, особенно миновавшие почту. Вот почему переписка Пушкина, Дельвига и Баратынского, по их взаимному согласию, адресатами уничтожалась. Перлюстрация достигла в стране таких размеров, что власти выпустили секретное распоряжение, запрещающее почтамтам вскрывать письма без высочайшего распоряжения о лицах, к которым "целесообразно применять перлюстрацию".¹⁷

Намеки на подготовку к бегству были, к сожалению, и в открытых письмах, как мы видим, вполне прозрачны. Но для того, чтобы узнать мысли и планы Пушкина, перлюстрация, которая проводилась формально, была не очень нужна. Достаточно послушать, подглядеть, с кем он встречается, что говорит. Видимо, имея в виду проблему бегства из Одессы, Анненков писал: "Тысячи глаз следили за его словами и поступками из одного побуждения - наблюдать явление, не подходящее к общему строю жизни"¹⁸.

Пушкин не был скрытен. Открытой почты остерегался, но по оказии как раз в это время пишет брату Льву, что Синявин, адъютант графа Воронцова, "доставит тебе обо мне все сведения, которых только пожелаешь" (X.69). А в это время другой адъютант Воронцова Отто-Вильгельм Франк доносил Воронцову обо всем, что творилось вокруг, в том числе, собирал для него ходившие по рукам тексты Пушкина. Третий адъютант, Александр Раевский, любовный конкурент Пушкина, двуличность которого позже раскусил и сам поэт, разжигал антипатии своего патрона. Пушкина уже не будет в Одессе, когда наступит позднее прозрение: не Раевский ли был злым гением?

Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом...
(II.182)

Вокруг Пушкина были и добровольные, и профессиональные осведомители. Добавим к имени Липранди графа Ивана Витта, начальника военных поселений Новороссии, организатора тайного сыска на южных территориях. И конечно, женщину, в которую Пушкин влюбился по приезду в Одессу, но страсть к которой позже, как он сам отмечал, "в значительной мере ослабла" (X.56) - Каролину Собаньскую.

Собаньская притягивала Пушкина. Тот часто гулял с ней вдоль моря, и она его умело выспрашивала. Знал ли Пушкин, что она любовница и агент генерала Витта? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Она и Витт не скрывали

своих отношений. Но Пушкин не догадывался, что Собаньская - агент политического сыска. Информация от нее попала в секретные отчеты генерала и шла наверх. Если она была в курсе планов Пушкина (а он любил верить свои мысли вместе со своими чувствами), - то в курсе была и полиция.

Таким образом, администратор Воронцов имел немало возможностей узнать о планах Пушкина. Похоже, именно это он имел в виду, говоря, что этот молодой человек "еще более собьется с пути". Воронцов начал искать оптимальный выход. Все прочие соображения вдруг собрались вместе и подкрепили необходимость срочного решения. Он решает как можно быстрее избавиться от Пушкина, пока тот еще только собирается совершить свой отчаянный поступок.

Анненков первым обратил внимание на то, что Воронцов, обладая огромной властью, мог уничтожить Пушкина, а он проявил "умеренность, сдержанность и достоинство, стоящие вне всякого сомнения".¹⁹ Деликатный подход Воронцова, объясняется, однако, не столько его порядочностью и стремлением выполнить обязательства, которые он на себя принял, пообещав в Петербурге опекать Пушкина, но и самими обстоятельствами. Объясни Воронцов в своих ходатайствах, что он боится, как бы поднадзорный Пушкин не сбежал, это могло бы вызвать нежелательную высочайшую реакцию: недовольство тем, что губернатор края не может обеспечить порядок в столь простом вопросе.

Решив избавиться от смутьяна, но не имея возможности сделать это самостоятельно, Воронцов крайне вежливо запросил Петербург, стараясь при этом не выносить сор из избы. Он хвалил Пушкина и лишь в разговорах с очень близкими людьми называл его мерзавцем.²⁰

Высказывались предположения, что Михаил Воронцов уничтожил в своем архиве то, что касалось Пушкина, и даже, что часть этих документов находится в архивах "других стран".²¹ Второе нам кажется маловероятным.

В середине марта Пушкин поехал в Кишинев встретиться со своим верным приятелем Алексеевым. Накануне или в

день его возвращения в Одессу Воронцов отправляет письмо графу Нессельроде. В письме, называя Пушкина превосходным молодым человеком и считая, что он в Одессе стал лучше, Воронцов просит, однако, переместить Пушкина в какую-нибудь другую губернию, в менее опасную среду, где больше досуга для занятий.

Пушкин отправляется в Кишинев, пытаясь (как и полагал Воронцов) договориться с Инзовым, чтобы тот взял поэта обратно. Нежелательность этого шага Воронцов предусматривает: "он нашел бы еще между молодыми греками и болгарями много дурных примеров".²² Поэтому Пушкина надо отправить во внутренние губернии, предупредить его побег.

Воронцов торопится; через десять дней (то есть когда первое письмо едва достигло Петербурга) он пишет второе отношение с просьбой убрать Пушкина. Сам Воронцов с женой находится в это время в отъезде, в Белой Церкви, и на расстоянии этот вопрос тревожит его. Едва вернувшись через десять дней в Одессу, Воронцов спрашивает разрешения в начале июня прибыть в Петербург, "имея необходимую нужду по некоторым делам службы и своим собственным".²³ Вопрос о Пушкине не главный, но он наверняка затронул бы его и постарался решить на высшем уровне.

Через неделю Воронцов отправляет третье письмо с той же просьбой, а в начале мая, сообщая Нессельроде "об установлении через полицию и секретных агентов наблюдения за всем, что делается среди греков и молодых людей других национальностей", опять просит избавить себя от Пушкина.²⁴ Он торопит события и буквально через два дня отправляет пятое письмо.

Когда Пушкин узнает о том, что делается за его спиной? Письма Воронцова готовили чиновники секретного стола. Всех их Пушкин коротко знал, любой из них мог намекнуть Пушкину о замыслах Воронцова. В мае о грозящих неприятностях прослышал в Москве Вяземский. "(Секретное.) Сделай милость, будь осторожен на язык и на перо, - уведомляет он Пушкина с оказией. - Не играй своим будущим. Теперешняя

ссылка твоя лучше всякого места. Что тебе в Петербурге?" Далее Вяземский говорит, что если бы мог отделаться от своих дел на несколько лет, то бросил бы все и уехал за границу, а если не отделается, то охотно поселился бы в Одессе.²⁵

Вскоре Пушкин ощутил неудовольствие начальства на себе. Графиня Воронцова пригласила Пушкина на морскую прогулку на яхте "Утеха". Пушкин явился в порт, но чиновник, стоящий у трапа, заявил, что, согласно приказу графа, Пушкина не велено пускать. Яхта ушла, Пушкин остался на берегу.

Кого было винить в том, что начались неприятности? Скрытность и молчание оказали бы Пушкину в жизни лучшую услугу, но это был бы другой человек. Поэту, с его общительным характером, хотелось бежать из России тайно, но так, чтобы все его знакомые собрались на берегу для прощальных поцелуев. Впрочем, Пушкину было не до шуток. Он решает ускорить события, тем более, что судьба идет ему навстречу.

С Амалией Ризнич, в девичестве Рипп, полуитальянкой-полуунемкой, Пушкин познакомился еще год назад: они приблизительно в одно время появились в Одессе. Амалии едва исполнилось двадцать. Хорошенькая иностранка с греческим носом, по-русски не говорящая вообще, замужняя, но часто остающаяся одна (муж - коммерсант, бывает в длительных отъездах). Амалия привела Пушкина, по его собственному выражению, в безумное волнение и стала принадлежать ему, а скорее всего, не одному ему, что приводило Пушкина в раздражение. Стихи, посвященные ей, полны роковых страстей; жаль, что Амалия не могла их прочесть. Пушкин весьма продвинулся в это время в итальянском языке, мог сказать несколько фраз или понять, что ему говорят, понимал оперу, но для перевода стихов этого было явно недостаточно.

Муж Амалии, Джованни Ризнич, которого в Одессе называли Иваном, экспортировал на запад пшеницу и был одно время также директором оперного театра в Одессе. Весной 1824 года Джованни решает отправить жену обратно в Евро-

пу. То ли это была ревность к Пушкину, с которым он был знаком, то ли необходимость поправить здоровье жены, которая незадолго до этого родила дочь, - сказать трудно. Не исключено, что никакой ревности у Ризнича не было, а напротив, когда тот собрался уезжать из Одессы за границу сухим путем через Бессарабию, они договорились, что позже в Одессу придет его корабль, капитан которого получит инструкции взять на борт Пушкина вместе с Амалией. Такая версия нам в пушкинской литературе попадалась.²⁶

В мае мысль бежать от российских туч под вечно голубое небо святой Италии Пушкин обсуждает с Амалией. Со свойственным ему даром опережения событий, он уже очутился в Италии, едва познакомился с Амалией осенью предыдущего года. По крайней мере, это нашло отражение в его поэзии:

Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле,
С венецианкою младой,
То говорливой, то немой,
Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык Петрарки и любви (V.25).

В мае (даты предлагаются пушкинистами разные, вплоть до начала июня) за Амалией приходит зафрахтованный Ризничем корабль и швартуется у Платоновского мола, неподалеку от пунты. Из Италии Амалия собирается на лето в Швейцарию, а оттуда к зиме вернется в Триест, к мужу. Она уверяет Пушкина, что бежать можно и без паспорта, но при существующем произволе можно получить паспорт за взятку, как делали другие.

Так поступали другие, но не Пушкин. Получить паспорт для отъезда легко любому, но не ему, находящемуся под личной опекой Воронцова. Вот и теперь Воронцову уже, по видимому, донесли о переговорах Пушкина с четой Ризнич. Тем не менее в день отъезда Пушкин с утра у Амалии и готов с ней ехать в порт. Историк Одессы А. де Рибас запи-

сал подробности, опросив одесских старожилов, свидетелей проводов Амалии.²⁷

Корабль готов к отплытию. Паруса еще связаны. Просмоленные канаты дрожат на ветру. Ветер становится все свежее. В это время на молу собирается свита поклонников Амалии: поэт Федор Туманский, помещик Александр Собаньский, Яблоновский. Приезжает кормилица с дочкой Амалии и скрывается в каюте. Знакомые и друзья Амалии съезжаются, коляска за коляской, загородив причал. Наконец, появляются Амалия и сопровождающий ее Пушкин. Он бледен. Такого общества на причале он никак не ожидал встретить. Амалия ласкова со всеми.

Ветер усиливается, и капитан начинает торопить с отплытием. Пушкин понимает, что побег сейчас невозможен. Даже если бы удалось проскользнуть на корабль в этой толпе, - что дальше, там? Он без денег, повисает на шее женщины, которая принадлежит другому.

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, час печальный
Я долго плакал пред тобой (III.193).

Это стихотворение он напишет через шесть лет, когда Амалии уже не будет в живых. Любопытно проследить по черновикам стихотворения за мыслью поэта. В первом варианте он написал:

Для берегов чужбины дальней
Ты покидала край родной.

На основании этого варианта, отброшенного Пушкиным, Б.Томашевский построил предположение, что "стихотворение обращено к русской, уезжавшей за границу, а не к иностранке, возвращавшейся на родину" (III.457). Нам кажется, однако, сам факт переделки Пушкиным этих строк, наоборот, свидетельствует в пользу того, что стихи посвящены инос-

транке и, значит, скорей всего, Амалии Ризнич. Интересно, что впервые свою собственную родину, перевоплотясь в Амалию, Пушкин, подумав, назвал "чужим краем", а за границу - "краем иным". Оба понятия поменялись местами.

Затем поэт вспоминает в стихотворении о ее и своих планах. И когда стало ясно, что Пушкин остается, они договариваются, что их разлука не будет долгой. Он к ней приедет, и они встретятся там, в Италии:

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: "В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим" (III.193).

Текст написан быстро. Дважды близко повторяется одна рифма "лобзанья". "Соединить лобзанья" - не самое удачное выражение (можно соединить губы, но не поцелуй). В конце стихотворения, как справедливо заметил Томашевский, Пушкин в беловике допускает ошибку:

Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой -
А с ним и поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой... (III.457)

"С ним и" Томашевский исправляет на "с ними", как было у Пушкина в черновике, что, конечно же, правильно.

Амалия не целует Пушкина при этом скоплении провожающих, а бросает на него последний печальный взгляд. Она поднимается по трапу, - капитан поддерживает ее. Шуршат паруса, убраны мостки, поднят якорь. Компания машет руками. Пушкина и Амалию разделяет узкая полоска воды. Эта полоса медленно расширяется. Пушкин остается.

Изложенное здесь - романтическая версия. Но версия, основанная на многих, хотя и противоречивых, показаниях свидетелей или их потомков. Версия эта помогает понять происходившее, домыслить состояние поэта в момент решительного поворота его биографии, поворота, который не состоялся. В памяти Пушкина Амалия Ризнич остается на многие годы ангелом, который зовет его сначала в Италию, а затем, когда настроение его мрачнеет, в иной мир.

Глава тринадцатая ЖАЖДА НЕЗАВИСИМОСТИ

"...мне наскучило, что в моем отечестве ко мне относятся с меньшим уважением, чем к любому юнцу-англичанину..."

И.А. Казначееву, начало июня 1824 (по-фр., X.598)

Граф Михаил Воронцов торопил события, но они развивались медленнее, чем хотелось бы. Прося ускорить решение об удалении Пушкина из Одессы, он как бы снимал с себя вину за то, что могло произойти: он сигнализировал своевременно, и хотел сделать это без лишнего шума, без сгущения красок и даже без сообщения истинной причины. Тем более, что эта причина была всего лишь подозрением в намерении. Как человек европейский, он понимал, что наказывать за несовершенное нельзя. В России же - можно, но тоже без самоуправства, а по указанию сверху. Произвол, идущий сверху, обретает видимость законности.

Но оказалось, что и наверху понадобились доказательства виновности Пушкина, а не просто одно желание Ворон-

цова (если царю сообщили о ревности Воронцова, то Его Величество, возможно, и улыбнулся). 16 мая 1824 года министр иностранных дел сообщил Воронцову специальной депешей, что он доложил императору его просьбу, но решение пока отложено. Возможно, Нессельроде, готовый оказать такую услугу Воронцову, не нашел аргументов, когда был о них спрошен. Аргументы надо было подыскать.

Уликой, которую нашли, было перлюстрированное письмо Пушкина, написанное, по видимости, Кюхельбекеру. Рассказывая приятелю, чем он занимается, Пушкин, между прочим, сообщал, что он пишет "Евгения Онегина" и берет уроки "чистого афеизма": "Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил" (X.70).

Письмо это известно в отрывке - выписке из него, сделанной при перлюстрации. Дошло ли письмо до адресата, - тайна. Безбожие было по тем временам серьезным криминалом.

Англичанин Уильям Хатчинсон, которого Пушкин в только что приведенном письме называет "единственным умным", а в другом "юнцом", явившемся "щеголять среди нас своей туповатостью и своей тарабарщиной" (X.598), почему-то не привлек достаточного внимания исследователей. Этот человек был личным врачом семьи Воронцовых и приехал вместе с ними из-за границы. Можно полагать, что Хатчинсон был не менее откровенен с Воронцовым, иначе бы его не допустили в семью и не привезли в Россию. Но, в таком случае, уроки чистого атеизма брал у него и Воронцов. Имел ли тогда место атеизм Пушкина на самом деле?

Б. Томашевский осторожно писал, что издевка Пушкина над догмами христианства была приметой вольтерьянства, вышедшего из моды.¹ Пушкинские атеистические высказывания были частью его нестандартного мышления, перехваченное письмо со словом "афеизм" могло стать уликой. Однако обвинение Пушкина в атеизме, будь оно серьезным, могло повредить карьере младшего брата, Льва, который в это время служил в Департаменте иностранных вероисповеданий. Задачей департамента было укрепление православия и противодействие проникновению в Россию других религий. Но

меры, принятые властями по отношению к Пушкину, брата не задела.

Взгляды Пушкина на религию до Октябрьской революции и после нее толковались по разному. "Безверие" - так называлось стихотворение, прочитанное Пушкиным еще на выпускном экзамене в лицее. И это название давало карты в руки марксистской пушкинистике. Татьяна Цявловская называет "Безверие" "наиболее ранним из всех атеистических произведений Пушкина".²

За полвека до Цявловской пушкинист Б.А. Майков писал о том же стихотворении "Безверие" прямо противоположное: "...Пушкин старается изобразить нравственное состояние человека, утратившего веру в Творца Мира. Поэт старается убедить, что такой человек достоин сожаления, а не упреков и презрения. Вся жизнь для него является мраком и исступлением, он нигде не может найти покоя на земле... Стихотворение это имеет ту глубокую идею, что утрата веры у человека влечет за собой нарушение гармонии его духовных сил; все в глазах такого человека теряет смысл и целесообразность, и он сам становится тогда "нищим духом" и обрекается на страшные нравственные мучения."³

Серьезно ли писал Пушкин об уроках чистого атеизма в письме, которое читали сыщики и которого рука литературоведа не держала? Скорей всего, у любознательного Пушкина в Кишиневе и Одессе был не атеизм, а остатки мальчишеского нигилизма. Ведь на ту же тему писал он в "Евгении Онегине" и противоположное: "Сто раз блажен, кто предан вере".

Больше того, в рукописи странствий Онегина, относящейся к 1827-1829 годам, поэт сделал следующую запись: "Не допускать существования Бога, - значит быть еще более глупым, чем те народы, которые думают, что мир покоится на носороге".⁴

В письме Кюхельбекеру Пушкин упоминает, что Хатчинсон написал листов тысячу, чтобы доказать, что "не может быть существа разумного, творца и правителя, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души" (Половина цитаты по-французски. X.70). Слова неудачные, неточ-

ные, не пушкинские, - ибо существом таким можно считать и бога, и обыкновенного человека, про которого нельзя сказать, что его не может быть. Атеистом в отрывке, дошедшем до нас, выглядит Хатчинсон, а не Пушкин. К тому же на практике Пушкин вряд ли мог прочитать работу такого объема по-английски, да еще рукописную. Он брал у Хатчинсона не уроки чистого атеизма, а уроки чистого английского: его собственный английский был слаб. Знающим этот язык, по воспоминаниям, доставляло немало забавы, когда Пушкин коверкал слова.

Вскоре, однако, стало известно об отъезде англичанина из Одессы. Согласно мифу, его выслали за афеизм, как и Пушкина. Фактически, доктор решил уехать сам. Он писал, что болен, что ему вреден этот сухой и холодный климат. Но представим себе их диалоги: возможно, не только Хатчинсон влиял на Пушкина, но и Пушкин на врача. Смог ли поэт раскрыть собеседнику глаза на страну, в которой тот оказался?

Хатчинсон выразил твердую решимость уехать как можно скорее. В Англии он стал пастором, и это, может быть, пуще прочего проясняет, какие, в действительности, взгляды он проповедовал Пушкину, и как, учитывая языковой барьер, Пушкин понимал, что Хатчинсон писал и говорил.⁵

Тем не менее основание для принятия мер было обнаружено и подшито к делу, в котором оно сохранилось до наших дней. Воронцов же, пока решение его просьбы наверху затягивалось, искал возможность занять Пушкина чем-то путевым или удалить его из Одессы временно. Тут-то и происходит известная всем со школьной скамьи история командировки Пушкина на борьбу с сельскохозяйственным вредителем, после которой он якобы написал замечательные строки о том, что саранча сидела, сидела, все съела и опять улетела. Байка об этих стихах не заслуживает внимания из-за отсутствия каких бы то ни было доказательств, что Пушкин это написал, а проблема выглядела серьезной для всех, кроме самого поэта.

Несметные тучи саранчи появились на юге России еще в апреле и это угрожало полным уничтожением посевов и

голодом миллионам крестьян. Естественно, что губернские власти, встревоженные опасностью, начали принимать меры. Командировки чиновников для выяснения ситуации и принятия неотложных мер шли уже в течение полутора месяцев. Людей не хватало. Никакого издевательства со стороны Воронцова, распорядившегося послать еще трех чиновников в командировки, не было. Примерно 22 мая титулярный советник Сафронов был направлен в Екатеринославскую губернию, столоначальник 1-го стола 4-го отделения титулярный советник Северин в Таганрог, а коллежский секретарь Пушкин в Елисаветградский, Херсонский и Александровский уезды сроком на месяц.⁶ Больше того, Анненков считал, что Воронцов хотел предоставить Пушкину возможность отличиться перед петербургской администрацией.⁷

Пушкин, у которого это было первое служебное поручение, возмущен. Его, который "совершенно чужд ходу деловых бумаг", обязывают служить. В письме правителю канцелярии Казначееву, черновик которого сохранился, Пушкин гордо сообщает, что за семь лет службы службой не занимался, не написал ни одной бумаги и не был в сношении ни с одним начальником, а 700 рублей жалования воспринимает в качестве "пайка ссылочного невольника", и от этих денег готов отказаться (X.71). Принципиальное безделье на службе было составной частью пушкинского самоуважения и его личного кодекса чести. Еще служа в Кишиневе, он заявил по-французски своему сослуживцу Павлу Долгорукову: "Я предпочел бы остаться запертым на всю жизнь, чем работать два часа над делом, в котором нужно отчитываться".⁸ Теперь, не дожидаясь, пока его выкинут, Пушкин пытается подать в отставку, что вполне логично.

Мысль об отставке, как нам кажется, обдумывалась им давно, а проявилась внезапно, в связи с возникшим поводом - предложением ехать в командировку. Пушкин надеялся, что в случае отставки степень его независимости увеличится, его оставят в покое. В худшем случае, он будет обитать в Одессе, избавившись от начальника, а в лучшем - сможет даже вернуться в столицу. В размышлениях своих он шел

еще дальше. Ведь именно уйдя в отставку, многие его знакомые уезжали в "чужие края".

Вышедший в отставку Кюхельбекер уехал за границу, точно так же, как Чаадаев. В апреле поспешно отправился на лечение в чужие края Николай Тургенев, а следом за ним оказался в отставке его брат Александр, который отбыл за границу годом позже. Попытку выйти в отставку Пушкин стал теперь рассматривать в качестве некоего хода конем. Освободившись от службы, попытаться, сославшись на болезнь, выехать, легально для лечения за границу. Рассуждение вполне логичное и кажущееся осуществимым.

Заглядывая вперед, Пушкин в уже упомянутом нами письме Казначееву об отставке ссылается на неизлечимую болезнь: "Вы, может быть, не знаете, что у меня аневризм. Вот уже 8 лет, как я ношу с собою смерть. Могу представить свидетельство какого угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня в покое на остаток жизни, которая верно не продлится" (X.71). Первый раз жалоба на болезнь прозвучала еще в Кишиневе. Сейчас, для отставки, ссылка на заболевание не была необходима, но Пушкин готовил заранее второй шаг, а поэтому вспомнил и о таком серьезном аргументе, как неизлечимое заболевание.

Непосредственный начальник Пушкина Александр Иванович Казначеев был честным и порядочным человеком. Когда ему приносили взятки, он брал их и объявлял, что это пожертвование для бедных. Таким образом, он скопил целый фонд, который канцелярия использовала для раздачи нуждающимся.⁹ Казначеев оказывал Пушкину покровительство и хотел неоднократно примирить поэта с Воронцовым. Но отменить приказ о командировке ему не удалось.

После объяснений Пушкин в состоянии обиды получает из казны деньги на месячные командировочные расходы (400 рублей - расписка в получении денег сохранилась) и выезжает, но не в Херсон, а в Елисаветград, куда тоже не доехал. В канцелярском документе написано, что все три чиновника были посланы "для произведения опытов к истреблению саранчи".¹⁰ Трудно сказать, о каких опытах могла идти речь.

В бумагах поэта тоже сохранилась запись: Mai 26. Voyage, Vin de Hongrie (Май, 26. Вояж, венгерское вино). Доехав до Сасовки, Пушкин остановился погостить в семье местного помещика. В этот день уполномоченному по борьбе с саранчой, как называли бы такого чиновника теперь, исполнилось 25 лет. Гульба продолжалась и на следующий день, после чего пьяного Пушкина усадили в коляску, и он отправился обратно в Одессу.¹¹

Отоспавшись и протрезвев, Пушкин явился в канцелярию с твердым намерением добиться отставки по состоянию здоровья. Вид поэта подтверждает, что состояние его не из лучших. Между ним и Воронцовым происходит разговор, по-видимому, в резких тонах. Принимая прошение об отставке, Воронцов отправляет его в Петербург. Состояние у Пушкина задиристое. В ответ на опасения, что отставка может иметь для Пушкина дурные последствия (Казначеев знал больше, чем Пушкин), поэт в письме Казначееву заявил: "Я устал быть в зависимости от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника..." (X. 598). Но в России критика пищеварения начальства - это бунт, своеволие, инакомыслие, критикующий должен быть готов сполна принять горечь расправы.

Странным диссонансом в это время оказывается полученное Пушкиным письмо Жуковского. Пушкин отправил ему из Одессы несколько писем, Жуковский получил лишь одно (тоже до нас не дошедшее). Но ответ мэтра, приближенного ко двору, звучит крайне оптимистически: "Ты создан попасть в боги - вперед. Крылья у души есть!.. дай свободу этим крыльям, и небо твое. Вот моя вера. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогреется надеждою за тебя... Быть сверчку орлом и долететь ему до солнца".¹²

Куда же предлагает лететь Жуковский, если он прекрасно знает, что долететь до Петербурга царь не разрешит? Понятно, что Жуковский думал о поэтическом Олимпе. А Пушкин в это же самое время мечтал о месте, где можно жить

независимо, и поощрение Жуковского дать свободу крыльям мог понять несколько в ином смысле.

Первая реакция на ссору с Воронцовым, подробности которой не известны, была, как всегда у Пушкина, неадекватной. Поэт был мстителен. Он гневно осуждал сплетни и пасквили, сочиненные другими, но сам их охотно сочинял, делал это быстро и широко распространял среди знакомых своей жертвы.

Вот и теперь на Воронцова посыпались эпиграммы, которые только доказывали, что зря он был терпелив:

Полугерой, полуне звезда,
К тому ж еще полуподлец!..
Но тут, однако ж, есть надежда,
Что полный будет наконец (II.371).

Если называть вещи своими именами, все эти "полу" были ложью, а эпиграмма в целом клеветой - едкой, злобной, несправедливой и - от злобы - неостроумной. Были и другие тексты Пушкина, такого же уровня. Одна из эпиграмм остается не расшифрованной до сих пор. Бартенев считал, что Пушкин в дальнейшем раскаивался в эпиграмме "Полумилорд...", что поступками его руководил злой гений Александр Раевский, который хотел любым путем избавиться от соперника. Это он предложил Воронцову отправить Пушкина в командировку, а затем уговорил самого Пушкина туда поехать. Раевский же участвовал в сочинении письма об отставке. Но это предположения.

Пушкин явно переоценивал свои возможности, терпение местных властей и недооценивал жестокость власти центральной. Будь он чуть сдержанней, дружба с Воронцовым, который поначалу не так уж много требовал от подчиненного, постепенно открыла бы для Пушкина все двери, в том числе, может, и ту, которая была для него заветной, - дверь в Европу. Но Пушкин лез на рожон, наглел и, не будучи одернут, решил, что ему все дозволено. История с командировкой по борьбе с саранчой прямое этому подтверждение. В резуль-

тате защитить его не мог никто. "Теперь я ничего не пишу, - уведомляет он брата, - хлопоты другого рода. Неприятности всякого рода; скучно и пыльно" (X.74).

Последствия ссоры оказались хуже, чем он мог предполагать. 13 июня Вера Вяземская, приехавшая в Одессу на дачу, пишет мужу, что Пушкин - сумасшедшая голова, и у него новые проказы. Еще с декабря он готовился провести лето в Крыму и быть возле Елизаветы Воронцовой, но она стала холодна к нему после эпиграммы на мужа. 14 июня в Гурзуф отбыла яхта. На ней вместе с Воронцовой отбыли тридцать гостей, а Пушкина туда не взяли.

Вокруг него образуется вакуум. Поэт покорно ждет неприятностей: "Тиверий (так у Пушкина в письме к Вяземскому - Ю.Д.) рад будет придраться; а европейская молва о европейском образе мыслей графа Сеяна обратит всю ответственность на меня. Покамест не говори об этом никому. А у меня голова идет кругом" (X.74). Римский император Тиберий и его приближенный - весьма прозрачный намек на императора Александра I и своего начальника Воронцова. Вяземский в письме жене передает Пушкину: "Скажи ему, чтобы он не дурачился, то-есть не умничал, ибо в уме, или от ума у нас и бывают все глупости".¹³

В конце июня Воронцов получает успокоительное письмо от графа Нессельроде. Тот уведомляет, что государь решил дело Пушкина, который при Воронцове не останется. Ни Воронцов, ни тем более Пушкин еще не догадываются о решении, которое скоро последует. Тем временем дается секретное указание проверить состояние имения Пушкиных в Псковской губернии и их доходы.

В частном конфликте чиновника и губернатора Александр I, подойдя к делу по-государственному, усмотрел недовольство правительством. А самовольное желание отказаться от службы также должно было быть наказано. Потакать капризам ссыльного власти не намеревались. Отсюда - высочайшее повеление: "вовсе" удалить коллежского секретаря Пушкина со службы в министерстве иностранных дел "за дурное пове-

дение", при этом выслать его подальше от моря, на континент, в имение родителей, под их надзор.

С Пушкиным обошлись подчеркнуто педагогически, как с подростком-хулиганом. Никакие болезни (ведь он переведен был в Одессу "лечиться" у моря) при вынесении решения вообще не были замечены.

Из Петербурга губернатору в Ригу следует депеша о том, что Пушкин прибудет в Псковское имение и за ним местным властям следует установить надзор. В Петербурге друзья Пушкина уже знают об этом. В течение нескольких дней разлетается слух, что Пушкин застрелился. Слух обрастает подробностями.

Объект же этих слухов ни о чем не догадывается. Он еще надеется на отставку, на то, что его оставят в покое, а может быть, и выпустят. Причина этого счастливого неведения - в отсутствии Воронцова в Одессе. Из Крыма в конце июля Воронцовы разъехались: она вернулась в Одессу, а он по делам отправился в Симферополь. Указание сверху ждало в канцелярии его визы. Предписание Воронцова распорядиться насчет Пушкина не заставило себя ждать.

29 июля поэта вызвал градоначальник Одессы Гурьев. Он сообщил ему о высочайшем повелении и взял с Пушкина расписку под следующим обязательством: "Нижеподписавшийся сим обязывается по данному от г-на одесского градоначальника маршруту без замедления отправиться из Одессы к месту назначения в губернский город Псков, не останавливаясь нигде на пути по своему произволу; а по прибытии в Псков явиться к г-ну гражданскому губернатору. Одесса. 29 июля 1824".

Тут же Пушкин подписал и второй документ: "По маршруту от Одессы до Пскова исчислено верст 1621. На сей путь прогонных на три лошади триста восемьдесят девять руб. четыре коп. получил коллежский секретарь Александр Пушкин".¹⁴ Откажись Пушкин подписать эти бумаги, это ничего не изменило бы, но сразу ограничило бы его свободу действий. Пушкин вышел из канцелярии с ощущением полученной пощечины, за которую он не дал сдачи. На этот раз

вызвать на дуэль было некого. Решение о том, что нужно бежать из этой страны, пришло само собой, заслонив все прочие заботы. Делать это надо немедленно, иначе будет поздно.

Биографы поэта отмечали, что Пушкин был занят планом побега еще с 25 июля, то есть за четыре дня до того, как ему было объявлено о выезде. Воронцова действительно привезла ему от мужа печальную новость, что он должен покинуть Одессу. Но куда предстояло выехать, графиня не знала, и это заставляло Пушкина терзаться догадками. Он мог предполагать по меньшей мере три варианта: отправку назад в Кишинев, возвращение в Петербург, а может быть, и разрешение уехать в чужие края. Вот почему нам кажется, что конкретная подготовка к побегу началась 29-го июля, когда все три варианта отпали и осталась ссылка в Псков.

Глава четырнадцатая ЧАС ПРОЩАНИЯ

Храни меня, мой талисман...
В уединенье чуждых стран
(II.230).

Вера Вяземская после рассказывала Бартеневу: "Он прибежал впопыхах с дачи Воронцовых, весь растерянный, без шляпы и перчаток, так что за ними посылали человека".¹ Важно в этом рассказе, что, подписав неожиданную бумагу о выезде, Пушкин бросился к Елизавете Воронцовой, а потом к княгине Вере. При его общительности и большом количестве друзей и знакомых всех рангов в трудную минуту оказалось, что лишь эти две женщины готовы ему помочь.

Пушкин расписался в том, что должен выехать немедленно, а это значило, на следующий день, о чем градоначальник Одессы Гурьев уведомил Воронцова и псковского губернатора. Но Пушкин с места не сдвинулся. Настал час решиться. В случае, если его план удастся, на отступление от приказа наплевать, а если нет... то не станут же власти ссылать его

еще дальше за такую отсрочку. А ему здесь дорог каждый час.

В маленьком французском календарике, видимо, незадолго до этого подаренном Пушкину, возле дат 29 и 30 июля им самим поставлены длинные черточки. 30-го имеется также запись: "Turco in Italia", а 31-го - "depart". Предполагается, что календарик этот подарила ему Воронцова, у которой было множество зарубежных новинок, - для чего Пушкину покупать самому себе женский календарь? А если это так, считали пунктуальные пушкинисты М.А. и Т.Г. Цявловские, то и пометки в календаре связаны с той, которая его подарила: длинные черточки - интимные свидания с ней, "Турок в Италии" - опера, на которой он был с ней, а отъезд 31-го - тоже ее отъезд, а не его. Пушкин уехал из Одессы только 1 августа 1824 года.²

Рискув предположить, что Пушкин задержался на день не из-за любви, а из-за организации побега, вернем слову "depart" в записной книжке более логическое значение: Пушкин написал это не о Воронцовой, а о себе. Но не об отъезде в Михайловское, а о своем побеге в ночь с 31-го июля на 1-е августа. Такой подход важен еще и потому, что он отводит на второе место полемику исследователей о любви Пушкина и Раевского к Воронцовой.

Воронцова была сердита на Пушкина за мужа. Теперь она могла считать графа виновным в наказании, не адекватном вине Пушкина. Пушкин был дамским угодником высшего класса, теоретиком и практиком в одном лице, галантным льстецом с отменными манерами, отличным французским и хорошей эрудицией. К тому же талантливый поэт, остроумный собеседник с развитым чувством собственного достоинства в сочетании с лихой русской беззаботностью. Дон-Жуан, некрасивость которого можно было списать на загадочное иностранное происхождение, не мог, особенно в стрессовой ситуации, когда он был в ударе, не поразить сердце одесской леди № 1. Александр Раевский уже принадлежал ей, и новый адюльтер старой связи помешать не мог.

Но Пушкин сам оказался в сетях, им расставленных. Он горел страстью. Он называл ее "принцесса Бельветрилль" за то, что она любила, глядя на море, повторять строку Жуковского: "Не белеют ли ветрила, не плывут ли корабли".³ Ей Пушкин посвятил (и перепосвятил посвященное ранее другим женщинам) не менее двенадцати стихотворений. Часть из них остались недописанными. К большинству этих стихов биографы не могут сделать никаких комментариев, кроме сообщений, что при жизни Пушкина они не печатались. На рукописях Пушкина имеется больше тридцати ее портретов, сделанных в разное время. О романе этом мы знаем очень много - от многих свидетелей - и очень мало - от самих участников.

Дом, в котором жили Воронцовы в то время, до переезда во дворец над морем, сохранился, и мы внимательно рассматривали его много раз. Широкая лестница ведет на второй этаж, где две двери: левая половина дома принадлежала графу, правая его жене. Здесь Пушкин бывал часто - приходя официально и почти по-домашнему. Но в упомянутые дни Воронцова жила на роскошной и просторной даче, которую предоставил ей барон Жан Рено, француз, владелец отеля на углу Дерibasовской и Ришельевской, где Пушкин одно время тоже жил.

С Рено, его молодой, полной женой и сыном Осипом, числившимся чиновником Воронцова, и одно время директором Оперного театра, Пушкин был в приятелях. И даже доверял им свою "extra-почту", когда они уезжали. Дача Рено была в двух верстах от города. Сюда Пушкин и раньше любил ходить пешком. Тут, с высокого, дикого и безлюдного берега, открывался дивный вид на море, ограниченный полукружьем бухты. В лунные ночи картина становилась волшебной.

Здесь, согласно легенде, гуляли Пушкин и Воронцова. Пушкина особенно занимала не видимая сверху темная пещера у самого прибоя - место, мало кому известное, а ночью не посещаемое вообще и потому для встреч удобное.⁴ Отметим попутно, что в Одессе часто путают это место с хутором Рено - районом на Пересыпи, где фирма Рено построила

завод по сборке сельскохозяйственных плугов. Но при Пушкине этого не было. Пещеры той в настоящее время уже не существует: ее срыли бульдозерами, когда готовили площадки под песчаные пляжи для культурного отдыха пролетариата.

Приют любви, он вечно полн
Прохлады сумрачной и влажной,
Там никогда стесненных волн
Не умолкает гул протяжный (II.170).

Именно та пещера была выбрана в качестве наиболее удобного места, откуда Пушкину предстояло перебраться на корабль, отплывающий за границу.

Еще в марте Пушкин зазывал к себе на летний сезон Вяземского, предлагая снять для него дачу, которую нанимают Нарышкины (последние собирались за границу). Вера Вяземская загорелась этой поездкой. Князь Вяземский, который был в опале и под тайным надзором после того, как ему запретили вернуться на службу в Варшаву, обиделся и подал прошение о снятии звания. Вяземский назвал Одессу "острогом" и, отправив туда жену с детьми, сам ехать из Москвы не спешил.

Княгиня Вера жила с начала июня с двумя детьми на даче в Ланжероне, откуда в оперный театр плавали на ялике морем и от схода поднялись вверх, в город. Она была старше поэта на девять лет и объясняла мужу, что у нее к Пушкину чисто материнское чувство. Отношения "полудружбы, полувлюбленности", - называла этот роман Цявловская.⁵ Пушкин любил играть с ее детьми - шестилетним Коленькой и двухлетней Надей.

Вяземская быстро подружилась с Пушкиным и Воронцовой. Мы знаем из писем, что они гуляли втроем у моря, ожидали девятого вала, наблюдали в бурю тонущий корабль. Проводить время на виду у публики втроем было удобно для обеих женщин и не скучно ему. Но, уверяя мужа то в материнских, то в сестринских чувствах к поэту и осуждая Пуш-

кина ("Никогда мне не приходилось встречать столько легкомыслия и склонности к злословию, как в нем..."), Вяземская сходится с Пушкиным все ближе.⁶

А он влюблен в Воронцову и называл Вяземскую доброй и милой бабой, прибавляя при этом, что мужу был бы рад больше (X.74). Будучи влюблена, княгиня Вера завидует Воронцовой, томится в одиночестве и обижена на мужа, что тот не хочет к ней приехать. Однако ситуация идет ей навстречу.

14 июня Воронцова уехала в Крым и вернулась 24 июля. Это были неприятные для Пушкина сорок дней. Зато Вяземская избавилась от конкурентки и получила Пушкина в свое полное распоряжение. Рассерженный на Воронцову и одинокий, он нашел в княгине Vere добрую подругу. Его вообще привлекали женщины старше него.

И вот княгиня Вера понимает, что не может без него жить. "Хороша я буду, если Пушкин покинет Одессу: у меня здесь, кроме него, нет никого ни для общества, ни для того, чтобы утешить меня, ни для разговоров, прогулок, спектаклей и пр."⁷ Что бы она ни писала в письмах и ни рассказывала впоследствии Бартеневу, Пушкин проводил у нее на даче большую часть времени, и их отношения почти не оставляют у нас сомнений. И только потому, что Вяземский был и оставался одним из самых верных друзей Пушкина, она, думается нам, не была включена Пушкиным в свой дон-жуанский список. Впрочем, читатель волен с нами не согласиться.

Когда Воронцова возвращается, игра становится сложнее, но продолжается втроем: каждый играет отведенную ему роль. Что в точности происходило, мы никогда не узнаем, но заметим, что Вяземский начал всерьез ревновать жену к Пушкину, когда к этому, скорей всего, уже не было оснований: роман этот произошел в жестких временных рамках – до отъезда Пушкина.

Важнее другое: теперь, когда перед Пушкиным возникает жизненно важный и безотлагательный вопрос о бегстве из страны, в обсуждение путей и средств втянуты они все трое. Все трое пришли к соглашению, что необходимо сперва вы-

браться в Константинополь, как наиболее близкую точку за морем. А оттуда уже двигаться в Италию, Париж, Лондон. За Пушкиным несомненно следили, и его свобода действий была скована. Воронцова практически помочь не могла, так как уезжала на день раньше. Помогать с готовностью взялась Вера Вяземская. В общем виде об этом плане есть упоминание в литературе, например: "Июнь-июль. Планы тайного отъезда в Константинополь при содействии гр. Е.К. Воронцовой и кн. В.Ф. Вяземской".⁸ О реализации этих планов известно мало.

Несколько дней назад Пушкин кутил с моряками на кораблях в порту, и теперь Вяземская связывается с ними через всемогущего пушкинского приятеля Али, чтобы окончательно договориться, как и когда осуществить задуманный шаг. Главное, что согласовывают: как пристроить Пушкина на отходящий в Константинополь корабль. Об этом упоминает, в частности, такой серьезный исследователь, как Цявловский.⁹

Согласно договоренности, в условленное место ночью должна подойти лодка с гребцами-контрабандистами, которые доставят беглеца на корабль. Там сразу поднимут паруса и уйдут в открытое море. Место согласовано: это пещера у моря, возле дачи Рено. Лодка может причалить у самого грота, а вход в него не виден со стороны суши. Остается решить вопрос с деньгами.

Вяземская только что получила от мужа 6 тысяч рублей, из которых она теперь дала Пушкину 1260. Часть этих денег Пушкин сразу же роздал, в том числе извозчикам, которые давно ворчали, что он ездит в кредит. В день, когда Пушкин идет в оперу, он берет у Веры еще 600 рублей, с тем, что ей после вернет карточный должник Пушкина. Долг этот, своевременно должником не выплаченный, Вяземская и потом будет отказываться принять от Пушкина. Затем она тратит еще сто рублей, покупая Пушкину вещи, необходимые в дороге.

А Пушкин в ночь на 31-е прощается с Воронцовой, которая уезжает на сутки раньше. Местом этого тайного свидания

ния (если положиться на легенды, вошедшие в пушкинистику) выбрана та самая пещера, из которой Пушкину на следующий день предстоит бежать. Уже почти стемнело, когда появилась Воронцова.

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принес мне талисман (II.290).

Она надевает ему на указательный палец золотой перстень и показывает свою руку: у нее точно такой же перстень, с восемью углами сердолик, розовато-красный и кажущийся темным в лунном свете. Позже Пушкин нарисует свою руку с этим талисманом, который и на расстоянии должен был сохранять между ними незримую связь. Откуда они к Воронцовой попали? Знала ли она историю этой пары древних перстней? Надпись на них, сделанная на иврите, как печать, зеркально, мало что объясняет: "Симха, сын почтенного раввина Иосифа-старшего, да благословенна о нем память"¹⁰. Но символ этих перстней был, безусловно, им обоим понятен.

Перстень с древнееврейской надписью на руке Пушкина, подаренный в этот прощальный час, был символом исхода. Не случайно тема рабства евреев и бегства их из Египта столь часто обращала на себя внимание Пушкина. И вот трагикомическая ситуация: с надетым на руку еврейским перстнем, который оба они целовали, он, полурусский-полуафриканец по крови и француз по душе, взваливал на себя тяжкую судьбу беглеца. Впрочем, судьба готовила его к этому: ведь он был изгоем в собственной стране. Изгоем потому, что интеллигент в России во все времена узник.

До конца дней Пушкин верил в таинственную силу талисмана. Если следовать ходу мысли стихотворения "Талисман", Воронцова говорила, что перстень не может помочь ему вернуться "в край родной на север с юга", но сохранит его от измены и забвенья (III.35).

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи -
Храни меня, мой талисман (II.230).

Сестра Пушкина Ольга позже рассказывала Анненкову, что получая письма с такую же печатью, как на его пальце, Пушкин запирался в своей комнате - не выходил и не принимал никого.¹¹ И даже когда Пушкин терял веру в себя и говорил: "Прощай, надежда, спи, желанье", он при этом прибавлял: "Храни меня, мой талисман" (II.230). Снял перстень на память с мертвой руки поэта Жуковский. Перстень перешел по наследству сыну Жуковского, который подарил его писателю Ивану Тургеневу. В 1880 году Тургенев демонстрировал перстень на Московской пушкинской выставке; там обратились к московскому старшему раввину и тот перевел, хотя и не точно, надпись. Тургенев завещал перстень Полине Виардо, а Виардо подарила его Пушкинскому музею, откуда он был украден.

Кроме перстня, Воронцова принесла в пещеру на прощанье Пушкину еще один подарок: свой портрет в золотом медальоне.¹² Судьбу этого талисмана мы не знаем.

Спустя два или три месяца Пушкин, уже уехавший из Одессы, начинает сочинять стихи о ребенке. По предположению некоторых биографов, в это время Пушкин мог получить письмо от Воронцовой, что она беременна. А через девять месяцев она родила девочку, которая, в отличие от всех детей Воронцовых, была темноволоса. Есть свидетельство, что и граф Воронцов не считал эту девочку своей.

"Приходится начать письмо с того, что меня занимает сейчас более всего, - со ссылки и отъезда Пушкина, которого я только что проводила до верха моей огромной горы, нежно поцеловала и о котором я плакала, как о брате, потому что последние недели мы были с ним совсем как брат с сестрой".¹³ Так писала Вера Вяземская мужу по следам событий. Факт задержки Пушкина до 1 августа можно считать доказанным прежде всего потому, что в этом письме княгиня

сообщила Вяземскому точную дату, Пушкин уехал первого августа, игнорировать или считать недостоверным это свидетельство невозможно.¹⁴ Отсюда вывод: дав подписку выехать еще два дня назад, Пушкин задержался, на самом деле не из-за любви. Причина была в намерении бежать из страны. Именно на следующую после прощания с Воронцовой ночь как раз и падает организованная им совместно с Верой Вяземской попытка организовать побег. Описание этой попытки в литературе имеется, но без указания даты.¹⁵

В ночь с 31-го на 1-е побег, как отметил Пушкин в записной книжке, должен был реализоваться. "Еще никогда, - восклицает биограф, считая, однако, датой предыдущие сутки, - Пушкин не был так близко от осуществления своей мечты!"¹⁶

Конкретно о том, что и как происходило той ночью, мы знаем мало, ибо все участники операции по понятным причинам хранили молчание не только в те дни, но и годы спустя. До нас дошли их намеки и рассказы третьих лиц, которые не могли быть очевидцами, но слышали рассказы участников. Попытаемся реконструировать события в том виде, в каком они могли происходить. Моменты, где мы будем добавлять от себя что-либо существенное, будут оговорены.

В дело вовлечен мастер такого рода операций и приятель Пушкина Али. Имея в руках сумму, одолженную у Вяземской, Пушкин (при посредничестве Вяземской) договаривается с Али, а Али - с капитаном брига, который через пять дней должен уйти в Геную. По другой версии, корабль уйдет в Константинополь. Затем происходит знакомство Пушкина с капитаном при посредничестве Али. План побега разрабатывается совместно. Таможня следит за судном перед его отправкой. Опытный Али берется ночью проводить Пушкина в нелюдимое место на берегу. Это пещера возле дачи Рено. Все трое заговорщиков сошлись на том, что более незаметного места для подхода шлюпки с брига, стоящего на рейде, не найти. Под покровом ночи Пушкина спрячут в шлюпке и доставят на борт. По одной версии, его на пять суток спрячут в трюме. Затем корабль уйдет в открытое море. По дру-

гой - это произойдет сразу, как только беглеца доставят на борт.

Пушкин появился в пещере задолго до условленного часа. Среди необходимых вещей, взятых им с собой, Коран - подробное описание истории, религии, нравов и правовых норм на мусульманской земле, куда ему предстоит прибыть. Беглец нервничал, садился, читал, опять вскакивал, принимался бродить между каменных глыб, то и дело поглядывая на море и на берег. Бриз переменял направление, подув в сторону моря. Под ногами похлопывали о камни мелкие волны.

Неожиданно Пушкин слышит звуки музыки и веселье. Это гуляка Али позвал на проводы (а возможно, чтобы отвлечь внимание от лодки) цыган и артистов итальянской оперы, гастролирующих в Одессе. Веселье идет полным ходом, и Пушкин с Али оказываются в гуще попойки. Описание ее не входит в нашу задачу. Скорей всего, остаток этой напряженной ночи Пушкин провел с доброй Верой Вяземской, которая его утешала у себя на даче, а утром проводила часть пути.

Вернемся теперь к причинам, по которым побег не удался. Начнем по традиции с "любовного" варианта. Дело в том, что самое важное в цепи событий остается неясным. Что произошло в последний час, уже после прощания? Побег сорвался, но - почему? Кажется, ответ дает сам поэт в известном стихотворении "К морю", начатом сразу по следам пережитых событий.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя: в в
Могучей страстью очарован, в в
У берегов остался я (II.180-181):

Итак, не любовь к родине, а любовь к женщине удержала поэта от эмиграции. Трудно найти русского писателя, для которого женщины вообще и каждая из них в данный момент значили бы так много, как для Пушкина. Женщины всегда оказывались у его жизненного руля и, наконец, причиной смерти его стала женщина. На весах его судьбы всегда стояла с одной стороны женщина, с другой - весь остальной свет. Официальный же миф подменяет одну любовь - другой. "Поэт слишком любил свою страну, чтобы оставить ее даже при таких тяжелых обстоятельствах своей жизни".¹⁷ "Возможно ли усомниться в том, что "могучая страсть", о которой говорит Пушкин, - это, в сущности, его страстная любовь к России, без которой он не может быть понят?"¹⁸

Между тем Пушкин в стихотворении "Желание славы" опять говорит, что в жертву памяти любимой он принес все, в том числе и "мрак изгнания", ибо если бы не она, он был уже далеко и свободен.

Очевидец свидетельствовал о романе Пушкина с Воронцовой: "...с врожденным легкомыслием и кокетством желала она нравиться, и никто лучше ее в этом не успевал".¹⁹ Она стремилась продлить очарование влюбленности и инстинктивно, а может, и сознавая это, помогала ему бежать, но помогала так, чтобы побег сорвался. Если она, участвуя в организации побега, обещала одно, а делала обратное, то что двигало ею - одна ли любовь? Ведь уже было известно, что его с нею не будет...

Воронцова и до этого показала, что при всей преданности святому делу любви, она думает о чести и интересах мужа. И то, что ему представлялось самозабвенной страстью, могло быть и расчетом с ее стороны. Бегство опального чиновника за границу ставило под неприятности ее мужа. Да ее собственная репутация (то есть положение ее семьи и престиж ее в качестве леди № 1 Новороссийского края) могла, стать что-либо известно, оказаться замаранной. Одно дело почетный и вполне принятый тогда флирт, другое - участие в антигосударственном мероприятии.

Помогала Воронцова или мешала? А может, делала то и другое вместе? В последующей переписке она скрывалась под псевдонимом. Перед уходом из жизни - она умерла восьмидесяти семи лет, на четверть века пережив мужа и похоронив всех любовников, - Елизавета Ксаверьевна уничтожила свой эпистолярный архив, включавший письма поэта. Что в этом архиве было о ее помощи или вреде Пушкину в бегстве за границу, можно лишь гадать.

Точности ради заметим, что те же самые мотивы могли заставить действовать княгиню Вяземскую: помогать своему другу так, чтобы не помочь. Но применительно к Вяземской, эта гипотеза не кажется правдоподобной: Вера Федоровна получила Пушкина на время - в связи с отсутствием мужа и Воронцовой. Похоже, она всерьез способствовала его побегу.

Анализируя поступки этих двух женщин, отметим еще одно обстоятельство. Известно, что мать графини Воронцовой, которая имела 120 тысяч крепостных и была фантастически богата, была также фантастически скупа. Мы знаем, что княгиня Вера неоднократно снабжала Пушкина деньгами, несмотря на относительную ограниченность своих средств. А Воронцова, хотя для нее сумма, нужная Пушкину, была мелочью, ни разу не предложила ему помощь.

Могли быть и другие причины, по которым бегство не состоялось. Например, разбушевавшаяся морская стихия, помешавшая шлюпке с гребцами пристать к скалистому берегу. Отсутствие у Пушкина денег, которые он в этих обстоятельствах пустил на прощальный товарищеский ужин. Может быть, контрабандисты и поэт неточно договорились. Или моряки не явились в условленное место. Или, наконец, Пушкин в последний момент струсил и сам отказался от рискованного мероприятия...

Нелепо обвинять Пушкина в нерешительности. Наши претензии понятны: нам хочется, чтобы исторические личности были более отважны, решительны и бескомпромиссны, чем мы сами. Но требовать этого сейчас, более полутора столетий спустя, немного поздно. Возможно, Пушкин, с его потрясающей способностью предчувствовать, предвидел ситуацию

на ход или на два дальше своего окружения и поэтому могли раньше остановиться, не дать себя втянуть в беду.

Именно в последний час стало ясно, что степень этого риска слишком велика. Его развитое поэтическое воображение рисовало предстоящую ситуацию не в виде застывшего диапозитива, но в живом движении. Просмотрев эпизод до конца, он, возможно, убедился в том, что следует отказаться от задуманного либо потому, что это чревато плохими последствиями, либо - что это скучно, так как... уже прожито. Он как бы уже эмигрировал в душе, и лишь брэнное тело еще не перенеслось через границу.

Марина Цветаева размышляла на эту тему в записках "Мой Пушкин", которые она сочиняла в эмиграции, скучая по России и томясь неведением о происходящем там. Цветаева дает свою трактовку строкам Пушкина, нами уже цитированным: "Ты ждал, ты звал. Я был окован. Вотще рвалась душа моя. Могучей страстью очарован, У берегов остался я".

"Вотще - это туда, - пишет Цветаева, - а могучей страстью - к морю, конечно. Получалось, что именно из-за такого желания туда Пушкин и остался у берегов. Почему же он не поехал? Да потому, что могучей страстью очарован, так хочет - что прирос!.. И со всем весом судьбы и отказа: "У берегов остался я".²⁰

Никакой любовной страсти, как видим, Цветаева у Пушкина не отмечает. Не Воронцова, а море, берег, место, где он стоит, загипнотизировало его. Словно боясь быть непонятой, Цветаева тут же поясняет: "...то есть полный физический столбняк".

Негативная часть концепции Цветаевой понятна: никакой задержки из-за любви и в помине не было. И гипнотическая часть нам кажется достаточно аргументированной, хотя в ней преобладает лично цветаевское, а не пушкинское эмоциональное начало. Стало быть, тем паче следует в нем разобраться, ведь Цветаева, в отличие от Пушкина, аналогичный шаг успешно осуществила. Рискнем понять с позиции Цветаевой Пушкина, у которого после "эмоцио", подкрепляя или подавляя первое, наступало "рацио".

Сомнение заложено в природу человека. Не сомнение ли было частью могучей страсти, очаровавшей Пушкина, частью того, что Цветаева назвала "полным физическим столбняком"? В столбняке, овладевшем поэтом, Цветаева разглядела современное субъективное постэмигрантское ностальгическое состояние и вложила его в тогдашнее состояние Пушкина. Чем окончилось для Цветаевой это разрешение от бремени ностальгии, то есть освобождение от "полного физического столбняка", известно. Но мы не уверены, что это правомочно перенести на Пушкина. Добавим, что "полный физический столбняк" - традиционно российская неспособность действовать.

Несомненно, однако, что в первоначальном варианте стихотворение "К морю" было целиком связано с побегом за границу. После, в Михайловском, Пушкин решил расширить его, сделав из семи строф пятнадцать. Печаталось оно, однако при жизни поэта с отточиями. Теперь в академических изданиях изъятия отсутствуют. Но вставлены взятые из рукописей строфы, которые Пушкин выкинул сам. Что в точности было в одесских его рукописях, до нас не дошло. Но известно, например, что с самого начала он размышлял в стихотворении и о том, как сложится его жизнь там, куда он стремился, и это вполне понятно. От этой части стихотворения "К морю" сохранилась лишь одна выпущенная строка об океане:

Куда и на какую жизнь он вынес бы его.²¹

Может быть, именно эти опасения Цветаева называла "полным физическим столбняком"?

Наконец, еще одно соображение, которое остановило Пушкина. Его пересылали ближе к Западу, в Псковскую губернию, и у него могли зародиться мысли о лучших возможностях реализации планов побега оттуда.

Что касается страсти, описанной в стихах, Цветаева все-таки несколько упрощает проблему. Ведь Пушкин писал именно о любви, которая его остановила. Иное дело, что в

жизни это было не совсем так. Но поэтическая модель, хотя и частично, отражала реальные события.

Поэт остался, и его роман, хотя заочно, продолжался по переписке, как бы доказывая, что любовь была первопричиной, а героизм самопожертвования - ее следствием. Такая мотивировка работала на саму эту любовь. Причина звучала убедительно и требовала ответной жертвы в качестве продолжения любви в будущем. Об этом свидетельствует, например, стихотворение "Все в жертву памяти твоей", которое при жизни Пушкина не печаталось. Поэт заявляет, что в жертву было принесено все, включая "мрак изгнания" (II.252). Но это обычное литературное утрирование действительности. Сместив акценты, Пушкин ввел в заблуждение своих биографов.

В связи с запутанными обстоятельствами побега возникает вопрос, от ответа на который зависит объяснение ситуации. Знали ли власти о планах Пушкина бежать за границу; учитывалось ли его намерение нелегально покинуть империю при решении о высылке поэта в Псковскую губернию?

Как уже говорилось, причин для новой ссылки было много, но именно эта причина в прямом виде не упоминается вообще ни в деле № 144 о высылке из Одессы в Псковскую губернию коллежского секретаря А.С. Пушкина, ни в обширной мемуарной литературе. Разумеется, не упоминает эту причину и сам Пушкин, когда излагает в "Воображаемом разговоре с Александром I" все мотивы в совокупности, как он видел их после. Осторожным намеком связывает побег и высылку пушкинист М.П. Алексеев: "тревожные планы побега, закончившиеся внезапным и поспешным отъездом..."²²

По-разному излагались причины высылки разными людьми в самом ходе событий и после них. Начальник Пушкина в Петербурге граф Нессельроде писал Воронцову, что правительство рассчитывало, что служба Пушкина у Инзова и Воронцова "успокоит его воображение", но этого не произошло.²³ Тут ясно лишь, что дело в самом Пушкине, а не в его службе и первопричина - не в конфликте с Воронцовым. Брат Пушкина Левочка в письме к Вяземскому тоже говорил, что

слухи о мелких и частых неудовольствиях Воронцова ложные, а ссылка - жестокая и несправедливая мера правительства.²⁴ Все эти сообщения не добавляют ничего нового к тому, что мы уже знаем.

Но спустя четыре месяца, когда Пушкин уже был под надзором в Михайловском, Воронцов вдруг обрушивает свое неудовольствие на жену и Веру Вяземскую. В письме своему приятелю А.Я. Булгакову в Москву - а Булгаков был управляющим секретной дипломатической перепиской при главнокомандующем Москвы, и его почта не подвергалась цензуре - граф Воронцов говорит: "Мы считаем, так сказать, неприличным ее затеи поддерживать попытки бегства, задуманные этим сумасшедшим шалопаем Пушкиным, когда получился приказ отправить его в Псков".²⁵ А.Я. Булгаков в письме к брату в Петербург пояснял: "Воронцов очень сердит на графиню и княгиню Вяземскую, особливо на княгиню, за Пушкина, шалуна-поэта, да и поделом. Вяземская хотела покровительствовать его побегу из Одессы, искала ему денег, гребное судно..."²⁶

Воронцов, который в момент отъезда Пушкина находился на Кавказе, вернувшись, потребовал от жены прекратить все связи с Вяземской и был сердит на нее.²⁷ Из этого следовало предположение, что Воронцов узнал о планах побега Пушкина лишь после того, как поэт уехал из Одессы. Этот момент представляется, так сказать, сознательной забывчивостью губернатора. Правительство могло понимать, что после слухов о бегстве из Кишинева, а затем из Одессы Пушкин рано или поздно окажется за границей. Следовательно, ссылка на юг была ошибкой: щуку бросили в реку. Воронцов раньше знал о намерениях Пушкина бежать и понимал: сверху будет недовольны тем, что он не сообщил о готовящемся побеге. Сверху об этом знали и без Воронцова, но вслух этого не говорилось.

Пушкин пострадал из-за Воронцова. Но и Воронцов пострадал из-за Пушкина, правда, так сказать, ретроспективно. Исторически получилось так, что вина пала на Воронцова. В сущности, поэт помешал Воронцову остаться в истории во

всем блеске своих действительно выдающихся государственных заслуг. Впоследствии Пушкин по отношению к Воронцову вел себя хуже, чем Воронцов по отношению к поэту. Спустя десять лет поэт не без удовольствия запишет в своем дневнике о соблазнительной связи Воронцова с Нарышкиной (VIII.34). Воронцов же после высылки Пушкина из Одессы представил бессарабского поэта Костаке Стамати к ордену святой Анны за перевод пушкинского "Кавказского пленника". Когда Пушкин умер, Воронцов нанес визит его вдове. Девятнадцатый век уравнивал их, поставив в Одессе памятники обоим - Воронцову даже в полный рост. После революции 1917 года их участи разделились по классовой принадлежности.²⁸

Возникает типично русский вопрос, на который не только не ответило, но который и не ставило еще пушкиноведение. Ответ на этот важный вопрос подтвердит или отвергнет идеологический миф об официальном государственном поэте-патриоте, строившийся полтора столетия. Вопрос этот: хотел Пушкин просто поехать за границу и вернуться или уехать навсегда, то есть эмигрировать?

Нам кажется, что ответ на этот вопрос многозначен. В первые годы после Лицея Пушкин, принятый на службу в министерство иностранных дел, собирался за границу служить чиновником по дипломатической части. Затем он не раз пытался просто поехать с тем, чтобы путешествовать и расширить кругозор, как это делали многие люди его круга.

У Пушкина, как отметит П.К. Губер, было "пламенное желание" побывать за границей.²⁹ Ему категорически не разрешали выехать, что делало его лишь более настойчивым. И тогда поэт начал искать возможности покинуть родину тайно. Эти попытки, как мы знаем, предпринимались им не раз.

Но - как только Пушкин задумал это сделать первый раз, то есть бежать из России, покинуть ее нелегально, и начал предпринимать усилия, чтобы дело увенчалось успехом, - для каждого, кто понимает русскую историческую ситуацию, ответ на поставленный вопрос лишается альтернативы. Вернуться Пушкину было бы невозможно.

Стать беглецом - автоматически означало сделаться изгоем, невозвращенцем, политическим эмигрантом. Таких людей Россия плодила в течение нескольких столетий. Как правило, они возвращались обратно после серьезных политических перемен внутри страны или - после смерти. Наиболее значительные из эмигрантов становились хранителями духовного наследия, до того на родине запретного. А беглецы-неудачники кончали жизнь на каторге, подчас за одно лишь намерение пересечь границу.

И те, и другие случаи во все времена и, конечно, в двадцатые годы XIX века, не раз имели место, о некоторых мы уже упоминали. Пушкин, разумеется, знал о них, они происходили и с его знакомыми. Невозвращенцем, например, стал один из братьев Тургеневых - Николай, успешно отбывший на Запад и приговоренный заочно в России судом к каторжным работам навечно. Полтора года спустя, сразу после декабристского восстания, бежал Вильгельм Кюхельбекер. Он был пойман в Варшаве и провел оставшуюся жизнь каторжником.

Побег из России на Запад напрочь отрезал любому беглецу добровольный путь назад, ибо возврат означал бы печальное путешествие в Сибирь, которое Пушкин примеривал к себе не раз. Итак, не остается лазейки для сомнений, что Пушкин, решая стать беглецом, хотел он того или нет, был вынужден, так сказать, присовокупить к этому эмиграцию. Вот почему традиционный помпезный миф о государственном поэте-патриоте плохо совмещается с реальной жизнью поэта, душой и телом устремленного на Запад.

Итак, 1 августа 1824 года Пушкин отправился из Одессы в дальний путь на север - в направлении, противоположном своему желанию. Верный дядька Никита Козлов закинул в коляски чемоданы и укрыл от пыли рогожей. Если Никита знал о замыслах барина, то он был доволен: он ехал домой. Еще бы чуть-чуть - и тащиться ему в деревню одному, а хозяина его поминай как звали. Вопрос о том, чтобы взять слугу с собой в чужие края перед Пушкиным и не возникал:

с собой - значит вдвое дороже, да и риск больше. Коляска покатила.

Когда Пушкин двигался от моря в сторону материка, в каботажной гавани грузились пшеницей три судна, отправлявшиеся в Италию: "Пеликан", "Иль-пьяченце", "Адриано". И еще одно судно "Сан-Николо" готовилось отплыть в Константинополь. Принадлежало оно Джованни Ризничу. Не его ли капитан готовился принять в трюм нелегального пассажира? Два дня - и уже Босфор.³⁰

Несколько раз Пушкин пытался организовать побег за границу из Кишинева и Одессы, а теперь ехал в ссылку в Михайловское со старыми намерениями, надеясь на новые возможности. Вот и таможенная граница - черта порто-франко. Грязные, хамоватые стражники; шлагбаум. Никто не смотрел скромные его пожитки: по документам, хоть и невысокого ранга, а все-таки ехал правительственный чиновник.

В то самое время, когда Пушкин ехал из Одессы в Михайловское, любимый Пушкиным баснописец Иван Крылов в Петербурге сочинил и вскоре напечатал басню "Кошка и соловей". Поймала, рассказывает в басне Крылов, Кошка Соловья и говорит ему:

Не трепещися так, не будь, мой друг, упрям;
Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать.
Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам
И отпущу гулять...

И некуда деваться Соловью из кошачьих объятий:

Худые песни Соловью
В когтях у кошки.³¹

Предвидение баснописца оправдалось, хотя и не сразу. Кошка съела Соловья через тринадцать лет после его путешествия из Одессы в Михайловское. Иван Крылов сам закрыл глаза умершему Соловью, которому так и не удалось вы-

рваться на свободу, сколько он ни пел. Соловей остался в когтях у русской власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ссылки на цитаты из Пушкина даются в тексте. Обычно эти ссылки в специальной литературе принято давать по так называемому Большому академическому собранию сочинений в 16-ти томах (1937-1949, справочный том - 1959). За полвека, прошедшие после его выпуска, это издание обросло множеством критических замечаний, поправок и дополнений, а тома комментариев остались вообще неизданными, в основном, по политическим причинам.

В данной работе мы ссылаемся на более позднее Малое академическое издание: А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Издание четвертое. Под редакцией Б.В. Томашевского. Издательство "Наука", Ленинград, 1977-1979. Оно тоже устаревшее, с ошибками и тенденциозным толкованием текстов, но лучшего пока нет. Римская цифра в круглых скобках означает том, арабская - страницу.

В письмах Пушкина, цитирующихся по X-му тому этого же собрания сочинений, иногда для удобства дается адресат и дата письма. Поскольку ряд писем Пушкина в указанных собраниях его сочинений опубликован с купюрами, сделанными советской цензурой, тексты восстановлены нами по другим публикациям и по рукописям.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. И.С. Тургенев. Речь на открытии памятника Пушкину в Москве в 1880 году. Собрание сочинений. М., 1962, т. 10, с.303.
2. С.Л. Франк. Этюды о Пушкине. Мюнхен, 1967, с. 88.
3. Письмо Пушкина к жене от 18 мая 1836 года. А.С.Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Изд. 4. Ленинград, 1977-1979, т. X, с. 454. Далее, как уже говорилось, в цитатах Пушкина в основном тексте указываются в скобках том и страница по этому изданию.
4. М.А. Цявловский. Тоска Пушкина по чужбине. Голос минувшего, 1916. Статья была перепечатана в сборнике работ крупнейшего пушкиниста в урезанном виде. М.А. Цявловский. Статьи о Пушкине. М., 1962.
5. В.В. Вересаев. Пушкин и Евпраксия Вульф. В книге: В двух планах. М., 1929, с. 87.

Глава первая ПУШКИН СОБИРАЕТСЯ ЗА ГРАНИЦУ

1. Воспоминания Катенина были переданы Павлу Анненкову и опубликованы им впервые: П.В. Анненков. Материалы для биографии А.С.Пушкина. Сочинения Пушкина с приложением материалов для биографии, портрета, снимков с его дочерка и его рисунков, и проч. Спб., 1855. Здесь цитируем по: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 1, с. 183, комментарий, с. 477.
2. Ibid.
3. Н.Телетова. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л., 1981.
4. В. Маяковский. Мое открытие Америки. Сочинения в одном томе. М., 1941, с. 217.
5. Северная пчела, 3 октября 1842, № 221.
6. Летописи Государственного литературного музея Пушкина. Кн. I, М., 1936, с. 447.
7. См. например: Н. Телетова. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л., 1981.
8. Ю.М. Лотман. Пушкин. Биография писателя. Л., 1981, с.11.
9. Мы жили пару лет в этой бывшей Немецкой слободе после Второй мировой войны - там все оставалось, как в конце позапрошлого века. Разве что трамвай громыхал рядом с извозчиками по кривым улочкам между развалинами, в которых из каждой заборной щели вылезали люди. Немецких профессоров университета и обрусевшей иностранной интеллигенции там не осталось, большую часть улиц переименовали, и дома вельмож и богатых помещиков заполнила пролетарско-деревенская голытьба.
10. Миловук П. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. М., 1918.

11. Лернер Н.О. Труды и дни Пушкина. 2 изд. СПб., 1910, с.13.
12. Пушкинский сборник. СПб., 1899.
13. Ю.М. Лотман. Пушкин. Л., 1981, с. 12.
14. Б.М. Шубин. История одной болезни. М., 1983, с. 9.
15. Цит. по: В. Вересаев. Пушкин в жизни. Вып. I. М., 1926, с. 17.
16. Б.В. Томашевский. Пушкин и Франция. Л., 1960, с.62.
17. Воспоминания о детстве А.С. Пушкина со слов его сестры О.С. Павлицевой. Летописи Гослитмузея. Кн. I, М., 1936, сс. 453-454.
18. Цит. по: В. Вересаев. Пушкин в жизни. Вып. I. М., 1926, с. 46.
19. О.С. Павлицева в передаче П.И. Бартенева. Род и детство Пушкина. Отечественные записки, ноябрь, 1853.
20. См. например, статью А. Попова "Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII века" в Пушкинском историко-литературном сборнике под редакцией С.А. Венгерова. СПб., 1914, т. I, с. 205.
21. Этому посвящена специальная работа Л.И. Вольперт "Пушкин и психологическая традиция во французской литературе". Таллинн, 1980, с. 214.
22. См., например, в книге "Рукою Пушкина" (М.-Л., 1935) "Протокол Лицейской годовщины", написанный самим поэтом.
23. Высказывания Д. Шарыпкина, П. Морозова и др. в сб: Временник Пушкинской комиссии, 1970, сс. 91-95.
24. С.П. Шевырев. Рассказы о Пушкине. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985, т. II, с. 49.
25. Летописи Государственного литературного музея Пушкина. Кн. 1, с. 88.
26. Об этом вспоминает сестра Пушкина О.С. Павлицева. Ibid, с. 453.
27. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М., 1959, т. 13, с. 603, т. 11, с. 323.
28. В.Глинский. Республиканец при дворе. Исторический вестник, т. XXXIV, СПб, 1888, с. 89.
29. С.Ф. Платонов. Лекции по русской истории. Изд. 7. СПб, 1910, с. 624.
30. Ibid, с. 623.
31. И.С. Тургенев. Речь по поводу открытия памятника Пушкину в Москве. Соб. соч. М., 1979, т. 12.
32. Очерки по истории русской культуры. М., 1918, ч. I, сс. 156-157.
33. Если это состоится в будущем опять, пропаганда станет утверждать, что Париж принадлежит русским с 1813 года и они лишь освобождают город от временно захвативших его французов.
34. Цит. по: Г.Р. Державин. Избранная проза. М., 1984, с.143.
35. Воспоминания эти приводит Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 3, СПб., 1901, с. 246.

36. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. I, с. 119. Воспоминания одноклассника и впоследствии соседа Пушкина барона М.А. Корфа, откуда мы приводим эти сведения, опубликованы с сокращениями в 1974 году и вовсе изъяты из переиздания этих воспоминаний в 1985 году. Корф будто предвидел это: "...тот, кто даже и теперь еще отважился бы раскрыть перед публикой моральную жизнь Пушкина, был бы почтен чуть ли не врагом отечества и отечественной славы" (Ibid, с. 117).

37. Рукою Пушкина. М.-Л., 1935, с. 290.

38. Абрам Терц. Прогулки с Пушкиным. Лондон, 1975, с. 78. Разве что у ретивых комсомольцев в определенные периоды советского государства можно было обнаружить "ясное мировоззрение" и ответственность в отношении доктрин. Западные студенты, да и русские, нам кажется, в большинстве традиционно этого лишены.

39. Поэты пушкинского круга. М., 1983, с. 454.

40. Туманский - Пушкину из Одессы 12 апреля 1827 г. Переписка А.С. Пушкина. М., 1982 т. 1, с. 172.

41. М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, с. 131.

42. Жуковский - Вяземскому 19 сентября 1815. Литературное наследство, т. 58.

43. Сочинения Батюшкова. Спб., 1886, т. 3. с. 553-554.

44. Пушкин. Сб. статей под редакцией А. Еголина. М., 1941, с. 29. Повидимому, в цитируемых строках сборника опечатка: вместо "и в пример" надо "не в пример".

45. Цитируется по: Книжное обозрение, 1991, № 6, с. 5.

46. ЦГАЛИ, фонд 384, ед. хр. 326.

47. Впрочем, как нам рассказывали местные краеведы, в Тбилисском пантеоне похоронены останки не Грибоедова. Персия должна была выдать тело русского дипломата, а его не нашли и отдали труп какого-то уголовника.

48. В начале восьмидесятых годов уже нынешнего столетия мы отправились в это красивое двухэтажное здание, неплохо отреставрированное, которое теперь занимал Московский горком комсомола. Пушкин бывал в этом здании много раз, здесь числились на службе и многие его друзья. Кстати, напротив в таком же особняке по иронии судьбы разместилось учреждение, как раз ведающее выездом за границу - Московский ОВИР.

49. Письмо от 11 июля 1818. В книге: Письма Н.М. Карамзина И.И. Дмитриеву. Спб., 1866, с. 243.

50. И.С. Тургенев. Новые письма Пушкина. Собр. соч. т. 12. М., 1979, с. 258.

51. Интересно, что эта "прозападная оценка" Пушкина проскочила в пропагандистской книге накануне 1937 года.

В. Кирпотин. Наследие Пушкина и коммунизм. М., 1936, сс. 7 и 122.

52. В. Непомнящий. Начало большого стихотворения. Вопросы литературы, 1982, № 6, с. 126.
53. Б. Вадецкий. Федор Матюшкин. М.-Л., 1949, с. 8-9.
54. Цявловский М.А. Летопись жизни Пушкина. М., 1951, ч. I, с. 128.

Глава вторая В ВЫЕЗДЕ ОТКАЗАНО

1. ЦГАЛИ, фонд 384, ед. хр. 326.
2. Цитируется по: Книжное обозрение, 1991, № 6, с. 5.
3. Ibid.
4. Описание путешествия в Московию, Спб, 1906, с. 224.
5. Н.А. Рожков. Происхождение самодержавия в России. Пг., 1923, с. 101.
6. Цитирует свидетеля С.М. Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1959-1966, т. 5, с. 340.
7. Из книги Григория Котошихина "О России в царствование Алексея Михайловича", 1666, с. 52-53.
8. Х. Крижанич. Политика. М., 1965, сс. 407, 482, 384, 540.
9. Об этом свидетельствуют многочисленные источники, от древней русской литературы до "Мастера и Маргариты" М. Булгакова, у которого демонический Воланд все время подчеркнуто изображается иностранцем. Daniel Rancour-Laferriere. Out from under Gogol's Overcoat. Ardis, 1982, p.228.
10. Б.А. Майков. А.С. Пушкин. 2 изд. Спб.-Варшава, 1912, сс. 107-108.
11. Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника, М., 1980, с. 28.
12. Письмо к Дмитриеву, 30 декабря 1798. Цит. по: Н. Эйдельман. Последний летописец. М., 1983, с. 39.
13. Проблемы истории общественных движений и историографии. Сб. М., 1971, с. 62-92.
14. О романтической поэзии. Опыт в трех статьях. Статья третья. Соч. Ореста Сомова. Спб., 1823, с. 87.
15. М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, т.1, с. 161.
16. Альбом Московской пушкинской выставки 1880 года. М., 1882, с. 45.
17. М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, т. 1, с.142.
18. Ibid, с.148. Оригинал по-французски.
19. Цит. по: Пушкин. Сб. статей. М., 1941, с. 60.
20. П.В. Анненков. А.С.Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. Спб., 1873, с. 40.

21. М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, т. 1, с. 143.
22. Письмо не опубликовано. Архив братьев Тургеневых. ИРЛИ (Пушкинский дом), ф.309, № 230.
23. П.И. Бартенев. Пушкин в южной России. М., 1914, с. 70.
24. Остафьевский архив князей Вяземских. Письмо от 28 августа 1818.
25. Звенья. Сб. материалов и документов. Т. VII, М.-Л., 1936, с. 195.
26. Ibid.
27. Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника. М., 1980, с. 38.
28. М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, т. 1, сс. 151, 164.
29. Их вечен с вольностью союз. Сб. М., 1983, с. 221.
30. К.Н. Батюшков. Соч. Спб., 1887, т. III, с. 503.
31. Декабрист Н.А. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.-Л., 1936, с. 267.
32. Н.И. Тургенев. Запись в дневнике 21 июня 1819. В сб.: Их вечен с вольностью союз. М., 1983, с. 314.
33. П.В. Анненков. А.С. Пушкин в Александровскую эпоху. Спб., 1874, с. 137.
34. См., например, указания на прямые заимствования в "Руслане и Людмиле" у Б.А. Майкова: А.С. Пушкин. Изд. 2. Спб.- Варшава, 1912, сс. 35-37.
35. Остафьевский архив князей Вяземских. Спб., 1889, т.2, с. 202.
36. Ibid, т.1, с. 200.
37. Декабрист Н.А. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.-Л., 1936, с. 299.
38. К.Н. Батюшков. Соч. Спб., 1887. т. III, с. 555.
39. М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, с. 187.
40. Ibid, с. 182.
41. Ibid, с. 187.
42. М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, с. 161.
43. Б. Вадецкий. Федор Матюшкин. М.-Л., 1949, с. 42-43.
44. В.В. Вересаев. Пушкин в жизни, т. I, с. 67.
45. П.А. Вяземский. Из старой записной книжки. Русский архив, № 11, с. 2139.
46. Невский зритель, 1820, февраль-апрель; Соревнователь просвещения и благотворения, 1820, №№ 1-3.
47. Старина и новизна, кн. I, Спб., с. 99.
48. Вяземский - Пушкину, 19 и 20 февраля 1820. Пушкин. Переписка под ред. Сангова, т. I, Спб., 1906, с. 13.
49. Воспоминания о Тынянове. Сб. Портреты и встречи. М., 1983, с. 58.
50. Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, М., 1974, с. 221.

51. М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, с. 212.
52. Г. Волков. Пушкин и Чаадаев. Новый мир, 1978, № 6.
53. Русская старина, 1887, т. 53, сс. 241-242.
54. М. Басина. На берегах Невы. Л., 1969, сс. 234-235.
55. М.А. Цявловский. Статьи о Пушкине. М., 1962, сс. 45-46.

Глава третья КУРОРТНИК ПОНЕВОЛЕ

1. Пушкин в воспоминаниях современников, т.2, М., 1974, сс. 106-107.
2. Письмо Карамзина. Письма Н.М. Карамзина И.И. Дмитриеву. Спб., 1866, с. 290.
3. М.А.Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, т. I.
4. См. Друзья Пушкина. т. 2, сс. 63, 104, 124.
5. А.М. Фадеев. Воспоминания 1790-1867. Одесса 1897, с.43-44.
6. Цит. по: В.Я. Рогов. Далече от берегов Невы. 1984, с. 45.
7. М.А.Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, т. I, с. 227.
8. М.А. Булгаков. Собрание сочинений. Энн-Арбор, т.I, с.228.
9. Ю.М. Лотман. Пушкин. Биография писателя. Л., 1981, сс. 57-58.

Глава четвертая КИШИНЕВ: ТРАНЗИТНЫЙ ПУНКТ

1. М.А. Цявловский. Летопись жизни Пушкина. М., 1951.
2. И.Н. Халиппа. Бессарабия до присоединения к России. Кишинев, 1914.
3. А.Н. Шимановский. Пушкин в Кишиневе в связи с предстоящей и последующей жизнью. Кишинев, 1900.
4. Юбилейный сборник Кишинева. 1812-1912, с. 1.
5. Цитируется по: Пушкинские места в Молдавии. Кишинев, 1973, с. 9.
6. Мы появились в Кишиневе, чтобы пройти по следам Пушкина, спустя 165 лет и, хотя фонарей в городе стало больше (при Пушкине их было тридцать три), грязь и убожество целых районов бросались в глаза повсюду.
7. Цитата из книги, которую мы не сумели разыскать: А.Я. Стоженко. Два месяца в дороге по Бессарабии. 1829. Цитируется по: И.Н. Халиппа. Город Кишинев времен жизни в нем А.С. Пушкина. Кишинев, 1899, с.67.
8. Б.А. Трубецкой. Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1983.

9. В.Теплов. Граф И. Каподистрия, президент Греции. Исторический очерк. Спб., 1893.
10. С. Потоцкий. Инзов. Биографические очерки. Бендеры, 1904.
11. Пушкин в Бессарабии. Сб. Кишинев. 1899.
12. М. Хазин. Твоей молвой наполнен сей предел. Кишинев, 1979. сс. 155-156.
13. Друзья Пушкина. М., 1984, т. I, с. 229.
14. Ю.Н. Тынянов. Избранные произведения. М., 1956, с.76. См. также: Ю.Н. Тынянов. Французские отношения Кюхельбекера. В сб.: Пушкин и его современники. М., 1968, сс. 295-347. После смерти Кюхельбекера остался сундук с бумагами: полное собрание неопубликованных стихов, прозы, дневник, - целая гора тетрадей. Тынянов в советское время сумел купить их и написал несколько работ. Он тяжело болел и умер в Москве в 1943 году. Архив Кюхельбекера он оставил в блокадном Ленинграде. Говорят, все рукописи из бесценного чеодаана сожгли в печке. В цитатах здесь мы ссылаемся на указанные работы Тынянова.
15. Б.А. Трубецкой. Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1983. с. 305.
16. Ю.Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М., 1968. с. 324.
17. Ю.Н.Тынянов. Избранные произведения. М., 1956.
18. Н.И. Греч. Записки о моей жизни. М.-Л., 1930, с. 462-463.
19. Хотя все места, где бывал Пушкин в Молдавии, тщательно обозначены мемориальными досками, на пансионе мадам Майе (дом ее сохранился) такой доски пока нет.
20. Письмо это от 20 ноября 1820 года цитирует М.А. Цявловский в Летописи жизни и творчества Пушкина. М., 1951, т.1.
21. Друзья Пушкина. М., 1984, т. II, с. 136.
22. Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 298-299.
23. Теперь доказано, что именно здесь, через Бессарабию, тайно, в зашторенной кибитке, ввезли в Россию трех арапчат из Турции. Один из них был Ибрагим, подаренный Петру Великому, другой - старший брат Ибрагима. Легенда о том, что Савва Рагузинский привез их в Россию морем, была выдумкой. Н.К.Телетова. Забытые родственные связи Пушкина. Л. 1981.
24. М. Хазин. Твоей молвой наполнен сей предел. Кишинев, 1979, с. 177.
25. М.А. Цявловский. Тоска по чужбине у Пушкина. Голос минувшего, 1916.
- 26: Л.С. Масевич. Из Кишинева о Пушкине. В сборнике статей: В.Я. Яковлев..Отзывы о Пвшкеине с юга России. Одесса, 1887, с.29.

Глава пятая С ГРЕКАМИ В ГРЕЦИЮ

1. М. Хазин. Твоей молвой наполнен сей предел. Кишинев, 1979.
2. А.С. Пушкин. Статьи и материалы. Вып. I. Одесса, 1925, с. 5.
3. Собирая в Кишиневе материалы, мы разыскали, в частности, могилу Елены Кантакузиной. Она оказалась разрытой и разграбленной. Местный журналист рассказал нам, что он выяснил, кто это сделал. Оказалось, подростки из ближайшей школы.
4. Ю.М. Лотман. Пушкин. Биография писателя. Л., 1981.
5. М.А. Цявловский. Летопись жизни Пушкина. М., 1951.
6. Цитируется по: М. Хазин. Твоей молвой наполнен сей предел. Кишинев, 1979, с. 145.
7. И.А. Новиков. Пушкин в изгнании. М., 1985, с. 223.
8. Воспоминания И.П. Липранди. Русский Архив, 1866, сс. 1481-1482.
9. М.А. Цявловский. Летопись жизни Пушкина. М., 1951.
10. М. Хазин. Твоей молвой наполнен сей предел. Кишинев, 1979, сс. 145-146.
11. Н.О. Лернер. Труды и дни Пушкина. Изд. 2, Спб., 1910, с. 486.
12. В.Н. Иванов. Александр Пушкин и его время. Хабаровск, 1985.
13. П.В. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. Спб., 1874, сс. 196-197.
14. Н. Барсуков. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн.1, Спб, 1888, с. 109.
15. В.Я. Брюсов. Летопись жизни Тютчева. Русский Архив, 1903, с. 486.

Глава шестая БЕГСТВО С ТАБОРОМ

1. Пушкинский историко-литературный сборник. Под редакцией С.А. Венгерова. Спб., 1914, т. 1.
2. Пушкин. Статьи и материалы. Вып. I. Одесса, 1925.
3. Правда, современные цыгане делают это более комфортабельно в так называемых "караванах" - автомобилях-квартирах, которые подключаются на стоянках к канализации и телефону. Об этом на Западе существует целая литература.
4. См. например, материалы, собранные на эту тему в кн: Б.А. Трубецкой. Пушкин в Молдавии, Кишинев, 1983.
5. Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. Л., 1988, с.192. Воспоминания о Кириенко и Пушкине были опубликованы в "Русском обозрении", 1890, №№ 1-3.

6. А.С. Пушкин в Бессарабии, Кишинев, 1899.
7. В.А. Яковлев. Отзвмы о Пушкине с юга России. Сборник статей. Одесса, 1877.
8. А.Н. Шимановский. Пушкин. О пребывании его в Кишиневе в связи с предстоящей и последующей жизнью. Кишинев, 1900.
9. Б.А. Трубецкой. Овидиев венец. Кишинев, 1969, с. 43.
10. Б.А. Трубецкой. Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1983, сс. 301-304.
11. М.А. Цявловский. Летопись жизни Пушкина. М., 1951, т. I, с. 306.
12. Много лет уже в наше время его пытались превратить в музей, да все не было средств. В 1986 году, побывав в Кишиневе, мы нашли этот дом в полуразвалившемся состоянии.
13. Новороссийский телеграф, 22 мая 1880. № 1576.

Глава седьмая НАДЕЖДА НА ВОЙНУ

1. А.Н. Шимановский. Пушкин в Кишиневе в связи с предыдущей и последующей жизнью. Кишинев, 1900, с. 71-72.
2. И.А. Новиков. Пушкин в изгнании. М., 1985, с. 125.
3. Пушкин. Статьи и материалы. Вып. I. Одесса, 1925.
4. Ю.М. Лотман. Пушкин. Биография писателя. Л., 1981.
5. Пушкин. Статьи и материалы. Вып. II. Одесса, 1926, с. 8.
6. Ю. Курочкин. Дело Липранди. Урал, № 6, 1973, с. 144.
7. Б.А. Трубецкой. Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1983. с.42.
8. Об этом пишет, например, Л. Гроссман в книге: Пушкин, М., 1939.
9. Т. Цявловская. Храни меня мой талисман. Прометей, №10, с. 308.
10. М.А. Цявловский. Летопись жизни Пушкина. М., 1951.
11. Цитируется по: Б.А. Трубецкой. Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1983, с. 91.
12. П.В. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. Спб., 1874.
13. Бессарабия. Сб. М., 1903, с. 183.
14. Е.М. Двойченко-Маркова. Заметки о Пушкине и беженцах этерии в Кишиневе. В сб. Временник Пушкинской комиссии, 1973, с.26.

Глава восьмая ХЛОПОТЫ И ОТКАЗЫ

1. Остафьевский архив князей Вяземский. Спб., 1899, т. II, с. 257.
2. Литературное наследство, т.58, М., 1952, с. 301.
3. Это отмечает М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, т. I.
4. В.А. Яковлев. Отзвмы о Пушкине с юга России. Одесса, 1887, с. 151.

5. Более подробный анализ см.: Пушкинский историко-литературный сборник. Под редакцией С.А. Венгерова, т. I, Спб., 1914.
6. Остафьевский архив князей Вяземский. Спб., т. III, 1899, с. 48 и далее.
7. Эта эффектная формулировка приговора заимствована нами из статьи о Пушкине в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Спб, 1895, т. XIVа (28), с.724.
8. Друзья Пушкина, М., 1984, т.I, с. 494.
9. Подробнее об этом: Ю.Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М., 1968.
10. Литературное наследство, т. 22-24, М., 1935, с. 23.
11. Так считает, например, Ю.М. Лотман. Пушкин. Биография писателя. Л., 1981, с. 86-87.
12. Цитируется по: М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, т.I, с.326.
13. Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, М., 1974, сс. 356-357.
14. Ibid, с.361.
15. С. Потоцкий. Инзов. Биографические очерки. Бендеры, 1904, с. 47.
16. Государственный архив Молдавии. ф. 1, оп. 2, д. 752, лл. 4-5.
17. Ibid.
18. Эти слова приводит без комментария М.А. Цявловский. Летопись жизни Пушкина. М., 1951, т. 1, с.387.

Глава девятая ОДЕССА: ЗА ЧЕРТУ ПОРТО-ФРАНКО

1. Когда мы последний раз были в Одессе в 1986 году, в здании этом, по иронии судьбы, помещалась инюрколлегия, разыскивающая наследников тех, кто уехал за границу.
2. В.А. Яковлев. Значение нашего края в жизни и деятельности А.С.Пушкина. Речь. Одесса, 1887.
3. Это братья Россет рассказали П.И. Бартеневу. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. II, с. 314.
4. А.В. Сухомлинов. Дом-музей А.С. Пушкина. Кишинев, 1959, с. 21-22.
5. А.П. Кирпичников. Столетие Одессы. Исторический вестник, 1894.
6. Пушкин в Одессе. Методические рекомендации в помощь лектору. Одесса, 1973. См. также: Из прошлого Одессы. Сб., сост: де Рибасом. Одесса, 1894.
7. Например, статью З.А. Бориневич-Бабайцевой. Пушкин в Одессе. В сборнике "О.С. Пушкин в Одесі. Одесса, 1950, с.71.
8. Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева. Кишинев, 1961.

9. Об этом упоминает, не придавая значения, Л. Гроссман в книге "Пушкин". М., 1939, с. 285.
10. И.П. Липранди. Из дневника и воспоминаний. Пушкин в воспоминаниях современников, М., 1974, т. I, с. 342.
11. В сочинениях Пушкина этой фразы в письме к Вяземскому нет (X.57). Цитата взята нами из переписки Пушкина, изданной Саитовым (т. I, с. 83). В "Письмах" под редакцией Б.Л. Модзалевского приводится также черновик письма (т. I, сс. 58-60), где эта фраза имеется, но в белом тексте Пушкин эту мысль опустил.
12. М.А. Цявловский. Летопись жизни Пушкина. М., 1951, т. I, с. 406.
13. Русский архив, 1866, № 10, сс. 1473-1474.
14. Л.Н. Павлицев. Из семейной хроники. Исторический вестник, 1888, октябрь, с. 48.
15. Л.П. Гроссман. Пушкин. М., 1939, с. 204.
16. М.А. Цявловский. Госка Пушкина по чужбине. Голос минувшего, 1916, книга I.
17. Ю.Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М., 1968.

Глава десятая ПУТЯМИ КОНТРАБАНДИСТОВ

1. О.С.Пушкин в Одессі. Одесса, 1950, с. 76. На украинском языке.
2. Н.О. Лернер. Труды и дни Пушкина. Изд. 2, Спб., 1910, с.89.
3. См. В.В. Вересаев. Пушкин в жизни. Вып. I, М., 1926.
4. Память о Ланжероне сохранилась в Одессе и полтора столетия спустя. Пляж Ланжерон одесситы всегда называли настоящим именем, хотя власти переименовали его в Комсомольский. Впоследствии Ланжерон вернулся и умер от холеры в Петербурге. Он был похоронен в Одессе. В церкви, где его могила, в советское время сделали спортивный зал.
5. А.Н. Вульф. Рассказы о Пушкине, записанные М.И. Семевским. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. I, с. 413.
6. Высказывание это приводит Л.П. Гроссман в книге "Пушкин". М., 1939.
7. Н.В. Гоголь. Собрание сочинений. М., 1953, т.5, с.245.
8. О.О. Чижевич. Город Одесса и одесское общество в 1837-1877 гг. В сб.: Из прошлого Одессы. Составлен Л.М. де-Рибасом.. Одесса, 1894, с. 22-23.
9. Ibid, с. 23.
10. Н.О. Лернер. Труды и дни Пушкина. Изд.2, Спб., 1910, с. 97.
11. П.И. Бартенев со слов Веры Вяземской. Русский Архив, 1888, т. II, с. 306.
12. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. I, с. 342.
13. Л.П. Гроссман. Пушкин. М., 1939.
14. В. Лясковский. Корсар. Горизонт. Сборник. Одесса, 1974.

15. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. I, с. 338.
16. Материалы для биографического словаря Одесских знакомых Пушкина. Пушкин. Статьи и материалы. Вып. III. Одесса, 1927.
17. Из прошлого Одессы. Сборник, составленный Л.М. де Рибасом. Одесса, 1894.
18. Н.В. Берг. Посмертные записки. Русская старина, 1891, № 3. с. 591.
19. А.В. Недзведовский. Пушкинский юбилей 1937 года в Одессе. В кн: Пушкин на юге. Кишинев, 1958, с. 348.
20. Н. Мурзакевич. Одесская старина. Одесса, 1869, с. 33.

Глава одиннадцатая ДЕНЬГИ ДЛЯ ВЫЕЗДА

1. М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951. т. I, с. 127.
2. В. Фридкин. Неожиданная находка. Новый мир, 1983, №11.
3. На это первым обратил внимание Л. Гроссман в книге: Пушкин. М., 1939, с. 284.
4. Ю.М. Лотман. Пушкин. Биография писателя. Л., 1981, с.101.
5. Ю.М. Лотман. Роман Пушкина "Евгений Онегин". Комментарий. Л., 1983, с. 172.
6. Ю.Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М., 1968.
7. См., например, И. Фейнберг. Читая тетради Пушкина. М., 1985.
8. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. I, с. 421.
9. Из прошлого Одессы. Сборник, составленный Л.М. де Рибасом. Одесса, 1894.
10. К.А. Полевой. Из "Записок". Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. II, с. 61.
11. М.А.Цявловский. Летопись жизни Пушкина. М., 1951, т. I.

Глава двенадцатая ОТ ТУЧ ПОД ГОЛУБОЕ НЕБО

1. В.Ходасевич. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924, Кн. 1. с. 51-52.
2. Иван Бороздна. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. Письма в стихах к графу В.П.З.М., 1837.
3. А.И. Кирпичников. Столетие Одессы. Исторический вестник. 1894, август.
4. Л.Н.Толстой. ПСС. М., 1950, т. 35, с. 40.
5. Ibid, с. 690.
6. Из прошлого Одессы. Сборник, составленный Л.М. де Рибасом. Одесса, 1894, с. 367.
7. Литературные листки, 1824, с. 25.

8. Записки Н.В. Басаргина. Деятнадцатый век. Сборник, изданный П.И. Бартеневым. Кн. 1. М., 1872, с. 80. Suffisiance – тщеславие, самодовольство (фр.).
9. Литературное наследство, т. 58. Письмо М.С. Воронцова П.Д. Киселеву, 28 марта 1824.
10. Например, М.А.Цявловский. Летопись жизни Пушкина. М., 1951, т.1. После этого появился еще ряд работ, которые мы по необходимости будем в дальнейшем цитировать.
11. Цитируем по работе Т.Г. Цявловской. Храни меня мой талисман. Прометей, № 10, с. 22.
12. Из поздних работ на эту тему см. М. Филли. Перстень верный. Литературная Россия, № 7, 17 февраля 1989.
13. Т.Г. Цявловская. Храни меня мой талисман. Прометей, № 10, с. 359.
14. См., например, статью З.А. Бориневич-Бабайцевой "Высылка Пушкина из Одессы" (с. 272) и другие статьи в сборниках "Пушкин на юге". Труды Пушкинских конференций Одессы и Кишинева. Кишинев, 1958 и 1961.
15. Альбом Московской Пушкинской выставки, 1880 год. М., 1882.
16. О.С. Пушкин в Одессе. Одесса, 1950, с. 124.
17. Т.Г. Цявловская. Храни меня мой талисман. Прометей, № 10.
18. Ibid.
19. П.В. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. Спб., 1874.
20. Ф.Ф. Вигель. Из "Записок". Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1885, т. I, с. 230.
21. Г. Зленко. Одесские тетради. Одесса, 1980, с. 5.
22. П.В. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. Спб., 1874, с. 259.
23. Временник пушкинской комиссии. М.-Л., 1936, т. 2, сс. 287-288.
24. М.А. Цявловский. Летопись жизни Пушкина. М., 1951, т. 1.
25. Переписка Пушкина. М., 1982, т.1, с. 177.
26. А. де Рибас. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания. Одесса, 1913.
27. Ibid.

Глава тринадцатая ЖАЖДА НЕЗАВИСИМОСТИ

1. Б.В. Томашевский. Пушкин. Кн.1. М.-Л., 1956, с. 435.
2. Пушкин. Соб. соч. ГИХЛ. М., 1959. Комментарий Т.Цявловской. т. I, с. 612.
3. Б. Майков. Пушкин. Спб., 1912, с. 29.

4. Пушкин. Письма. Под редакцией и с примечаниями Б.Л. Модзалевского. М.-Л., 1926, т. I, с. 314.
5. П.В. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. Спб., 1874, с. 260.
6. О.С. Пушкин в Одессі. Одесса, 1950.
7. П.В. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. Спб., 1874, с. 253.
8. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. I, с. 357.
9. Из прошлого Одессы. Сборник, составленный Л.М. де-Рибасом. Одесса, 1894, с. 31.
10. Е.В. Петухов. Об отношении императора Николая I и Пушкина. Речь. Юрьев, 1897.
11. По морю и суше. Одесса, 1895, № 11, сс. 1-2.
12. Переписка Пушкина. М., 1982, т. I, с. 89.
13. М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, т. I, с. 485.
14. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.-Л., 1935, с. 837-838.

Глава четырнадцатая ЧАС ПРОЩАНИЯ

1. П.И. Бартевев. Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. Русский архив 1888, №7, с. 306.
2. Т.Г. Цявловская. Неясные места биографии Пушкина. Сб. Пушкин. Исследования и материалы, т. IV. М.-Л., 1962, с.33. Сама Цявловская (см. Прометей, № 10, М., 1974, с. 34) и другие исследователи не раз повторяли эти доказательства.
3. А.О. Смирнова-Россет. Воспоминания о Жуковском и Пушкине. В сб.: Пушкин в воспоминаниях современников, М., 1974, т. II, с. 154.
4. Т.Г. Цявловская. Храни меня мой талисман. Прометей. М., 1974, № 10, с. 25.
5. Ibid.
6. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартевевым в 1851-1860 годах. Л., 1925.
7. М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, т. I, с. 494.
8. Пушкин. ПСС. М.-Л., 1931, т. 6. Путеводитель. Хронологическая канва биографии Пушкина. Составлена М.А. Цявловским, с. 11.
9. М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, т. I, с. 493.
10. Альбом Московской пушкинской выставки 1880 года. М., 1882.

11. П.В. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. Спб., 1874, с. 283.
12. М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, т. I.
13. Прометей, № 10, с. 30.
14. Ibid, сс. 30-34.
15. В. Лясковский. Корсар. В сборнике "Горизонт". Одесса, 1974.
16. Л.П. Гроссман. Пушкин. М., 1939.
17. Л. Берловская в сборнике: Одесский год Пушкина. Одесса, 1973, с. 8.
18. Пушкин об искусстве. М.; 1990, т. I, с. 73.
19. Одесский год Пушкина, 1973, с. 12.
20. М. Цветаева. Сочинения. М., 1980, т. 2, с. 360.
21. Приводит эту строку Анненков, считая ее важной. П.В. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. Спб., 1874.
22. Пушкин. Статьи и материалы. Одесса, 1926, вып. II, с. 93.
23. Н.О. Лернер. Труды и дни Пушкина. Изд. 2, Спб., 1910, с. 446.
24. М.А. Цявловский. Летопись жизни Пушкина. М., 1951, т. I, с. 560.
25. А.Л. Вейнберг. Граф М.С. Воронцов о Пушкине. Московский пушкинист. Вып. II. М., 1930, сс. 55-58. Подлинник по-французски.
26. Русский Архив. 1901, № 6, с. 187.
27. Пушкин. Статьи и материалы. Вып. I. Одесса, 1925, с. 49.
28. Дворец Воронцова в Алушке после революции стал дачей для сталинских помощников и принадлежал поочередно нескольким членам Политбюро. Книги из уникальной библиотеки разворовали и уничтожили эти временные владельцы, их охрана и прислуга. Здесь проходила знаменитая Ялтинская конференция, поделившая Европу на сферы влияния.
29. П.К. Губер. Дон-Жуанский список Пушкина. Главы из биографии. Спб., 1923, с. 10.
30. Об этом мечтательно пишет в биографии поэта Л.П. Гроссман. Пушкин. М., 1939, с. 310.
31. И.В. Крылов. Сочинения. М., 1984, т. 1, с. 161.

О КНИГЕ ЮРИЯ ДРУЖНИКОВА «УЗНИК РОССИИ»

«Книга «Узник России» захватила меня, и я читал с нарастающим интересом. Среди громадного количества работ о Пушкине есть мало приближающихся к истинной биографии. Существует, конечно, строгая традиция в изучении Пушкина, однако до последнего времени нечего было и думать заняться демистификацией. Многие факты толкуются Дружниковым по-новому, взгляд оригинален, огромный материал отлично отобран и упакован, поскольку писатель-мастер русской прозы».

**Сидней Монас,
редактор «Славик ревью» (США).**

«Перед нами серьезнейшее и оригинальное исследование, обогащающее пушкиниану. Работа Дружникова практически не имеет предшественников, зато перед автором выстраиваются бесчисленные материалы для полемики. В этой полемике, которая ведется корректно, хотя подчас и язвительно, а также и в доказательствах своей идеи, наряду с качествами ученого (эрудицией, смелостью мысли, логикой в аргументации), проявляется художественная одаренность автора».

Елена Краснощекова, литературовед.

«Обширный литературный труд Дружникова ликвидирует некоторые «белые пятна» вокруг Пушкина, на которого в двадцатом веке был наведен «хрестоматийный глянec». Юрий Дружников известен в Венгрии и как писатель, и как правозащитник. Его произведения в жанровом и мировоззренческом отношении представляют важную главу современной русской литературы».

**Миклош Кун,
профессор истории (Будапешт).**

«Автор, написавший несколько книг в жанре, который в Америке называется literary investigation (литературное расследование) на этот раз обратился к тайной стороне биографии Пушкина — его настойчивому желанию выбраться из России. Это первая в столетидесятилетней истории пушкинистики книга на данную тему».

**Еженедельник «Панорама»
(Лос-Анжелес).**

«В государстве, плывущем без руля и ветрил, кажется, только он, Пушкин, и остается прочным корнем культуры. Но и тут взрывоопасно. Превращенный в идола, утвержденный быть патриотом, поэт давно стал идеологическим мифом. Пушкин никогда не был за границей, хотя пытался вырваться за пределы империи. В пушкиниане нет ни одной книги на эту щекотливую тему. Монографию о великом отказнике Юрий Дружников начал писать, будучи отказником в Москве, а закончил профессором Калифорнийского университета».

«Новое русское слово» (Нью-Йорк).

«В чем новизна открытия Дружникова? Несомненно, в оригинальном прочтении написанного до него. В преодолении стереотипов. Выражаясь академически — в концептуальном плане. А проще — в свежем, даже субъективном взгляде на биографию узаконенного символа национальной гордости».

**Владимир Свирский,
писатель, литературовед.**

«Русско-американский писатель, Юрий Дружников представляет две школы: глубинную мечтательность и метафизику, интерес к мифологии и скептицизм. В соединении возникает нечто третье: свобода независимого мнения».

**Майкл Адамс,
писатель, профессор
Техасского университета.**

Юрий Дружников

КАНИКУЛЫ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

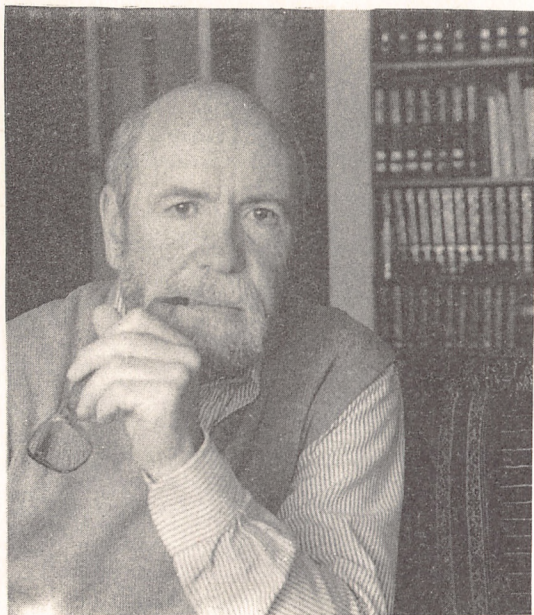
роман для детей

Автор романа повествует о комических событиях, связанных с оригинальным подарком, привезенным московской девочке из Индии — обезьяной.

Девочка решает перевоспитать обезьяну, превратить ее в человека, ведь люди тоже когда-то были обезьянами. На ее пути возникает калейдоскоп проблем, которые решаются вместе со взрослыми — хорошими и плохими.

Приключенческий роман для младших школьников создан в лучших традициях русской и зарубежной литературы. Это книга о доброте и человечности, в которых сегодня, как никогда, нуждаются дети. В романе присутствует здоровый юмор, помогающий выжить в трудных обстоятельствах.

Автор книги, профессор русской литературы Калифорнийского университета, с 1987 г. живет в США. Книги Ю. Дружникова печатались во всем мире: «Вознесение Павлика Морозова» (Лондон, 1988 г.) «Ангелы на кончике иглы» (Нью-Йорк, 1989 г., Москва, 1991 г.) В нашей стране роман «Каникулы по-человечески» выходит впервые.

"Узник России: по следам неизвестного Пушкина" Юрия Дружникова - первая в мировой пушкинистике книга о попытках великого русского поэта выбраться за границу, - в качестве дипломата, путешественника и для лечения болезни, которую он выдумал. В книге собраны малоизвестные исторические сведения. Благодаря новому прочтению огромного материала и литературному мастерству автора, книга оригинальна, убедительна и увлекательна в чтении. В нашей стране выходит впервые.

Юрий Дружников - один из самых интересных современных русских писателей Америки. В течение пятнадцати лет его имя было в СССР под запретом. Дружников автор уникального расследования "Вознесение Павлика Морозова" (Лондон, 1988), романа о брежневщине "Ангелы на кончике иглы" (Нью-Йорк, 1989, Москва, 1991), необычной книги "Микророманы" (Нью-Йорк, 1991). Он профессор русской литературы в Калифорнийском университете, Дейвис, США.